

ИСТОРИЯ ГОРОДА
ОТ УЧАСТНИКОВ
И ОЧЕВИДЦЕВ

МОСКВА

АВТОБИОГРАФИЯ

СОСТАВИТЕЛИ
МАРИНА ФЕДОТОВА, КИРИЛЛ КОРОЛЕВ

Москва. Автобиография

«ЭКСМО»

Москва. Автобиография / «Эксмо»,

Этот город за восемь веков своей истории повидал немало. Об этом городе говорили, что он стоит, подобно Риму, на семи холмах, что церквей в нем сорок сороков, что он хлебосолен и радушен – а еще не верит слезам... Именно с этого города после избавления от татаро-монгольского ига началась история государства Российского, и именно этому городу было суждено стать столицей. В этом городе жива память о прошлом, и все же он всегда современен. Этот город – Москва.

Содержание

Предисловие	6
Необходимое пояснение	7
Предыстория и первое упоминание о Москве, 1147 год	8
Основание города и легенда о боярине Кучке, 1153 год	13
Разорение Москвы ханом Батыем, 1238 год	21
Великое княжество Московское: князь Даниил и его наследники, 1300–1328 годы	23
Москва при Иване Калите, 1328–1340 годы	25
Основание Троице-Сергиевой лавры, 1337 год	26
От дубового города до каменного, 1340–1367 годы	28
Сожжение Москвы Тохтамышем, 1382 год	30
Нашествие Тамерлана и чудо Богоматери Владимирской, 1395 год	33
Культура Московской Руси: Феофан Грек и Андрей Рублев, вторая половина XIV века	37
Нашествие Едигея, 1408–1409 годы	40
Смутные годы, 1425–1462 годы	42
В Москву привозят вечевой колокол, 1478 год	44
Повседневная жизнь москвичей в XV столетии	46
Реконструкция Кремля, 1485–1495 годы	48
Москва в начале XVI века, 1500-е годы	52
Колокольня Ивана Великого, 1508 год	54
Москва – третий Рим и семь московских холмов, 1520-е годы	56
Новодевичий монастырь, 1524 год	60
Повседневная жизнь, 1526 год	61
Село Коломенское и церковь Вознесения, 1532 год	62
Китай-город и казни за порчу денег, 1534–1538 годы	66
Пожар и восстание, 1547 год	67
Англичане в Москве, 1553 год	70
Покровский собор и Василий Блаженный, 1560 год	72
Опричнина, 1564–1570 годы	75
«Апостол» – первая русская печатная книга, 1564 год	82
Набег Девлет-Гирея, 1571 год	83
Москва при Грозном царе, 1580-е годы	85
Скородом и Белый город, 1591–1593 годы	87
Царь-пушка и прочие диковинки, 1596 год	89
Москва Бориса Годунова: Иван Великий и Лобное место, 1598–1605 годы	92
Убийство Григория Отрепьева, 1606 год	95
Поход на Москву Ивана Болотникова и Тушинский вор, 1606–1607 годы	97
Разорение Москвы поляками и освобождение города, 1610–1612 годы	98
Торжественное вступление в Москву и венчание на царство Михаила Романова, 1613 год	100
Москва при Михаиле Федоровиче, 1630-е годы	102
Московские слободы, 1640-е годы	109
Соляной бунт, 1648 год	111

Москва при Алексее Михайловиче, 1650–1660-е годы	116
Чума, 1654 год	119
Новые деньги и Медный бунт, 1654–1662 годы	121
Новоиерусалимский монастырь и патриарх Никон, 1660-е годы	124
Коломенское и Измайлово, 1670-е годы	126
Театр в Москве, 1670-е годы	129
Казнь Степана Разина, 1671 год	130
Конец ознакомительного фрагмента.	131

МОСКВА

Автобиография

Составители

Марина Федотова, Кирилл Королев

Предисловие

*...За грядую домов начинает светать.
Белый пар над прохожими вьется...
Берегите Москву. Ей стоять и стоять.
Мы проходим... Она – остается.*

Г. Горбовский

Этот город за восемь веков своей истории повидал немало.

В его истории были междоусобицы русских князей и опустошительные набеги татаро-монголов, народные смуты и засевишие в Кремле поляки, стрелецкие казни и насильное сбривание бород, французские патрули на улицах; крестные ходы и шумные купеческие свадьбы, когда гуляла, казалось, половина горожан; маевки, бои на Пресне и Люсиновке, «расстрел святыни» – Кремля – из артиллерийских орудий, похороны Ленина и Сталина, праздничные демонстрации, парады, торжественные встречи зарубежных лидеров – всего и не перечесть.

Этот город неоднократно уничтожали пожары, но он отстраивался вновь и вновь и становился краше прежнего – земляной, деревянный, из белого и красного камня, из стекла и бетона...

Об этом городе говорили, что он стоит, подобно Риму, на семи холмах, что церквей в нем сорок сороков, что он хлебосолен и радушен – а еще не верит слезам...

Именно с этого города началась история России как государства после избавления от татаро-монгольского ига, и именно этому городу было суждено стать столицей России, утратить это звание и снова его обрести – и на протяжении восьми столетий оставаться в глазах соотечественников и чужестранцев олицетворением всего того, что люди вкладывали и вкладывают в топоним «Россия».

Этот город одновременно равнодушный и гостеприимный, деловой и умеющий отдыхать, как никакой другой, строгий и веселый, заставляющий завидовать и бесконечно привлекательный.

В этом городе жива память о прошлом, и все же он всегда современен.

Этот город – Москва.

Переворачивая страницу, перефразируем известную песню А. Розенбаума:

Расскажите о Москве, москвичи,
Расскажите нам о ней без прикрас...

И Москва поведаст о себе.

Кирилл Королев

Необходимое пояснение

Составители этой книги ни в коей мере не ставили перед собой задачу объять необъятное и вместить в эти страницы каждый день жизни Москвы на протяжении восьми с половиной столетий. Мы выбрали те события и явления, которые считаем важными, значимыми для города; это наш субъективный взгляд, не претендующий на академическую полноту. И мы искренне надеемся, что наш взгляд и наш выбор окажется близок многим.

Предыстория и первое упоминание о Москве, 1147 год Иван Забелин, Ипатьевская (Киевская) летопись

Москва – город древний, но отнюдь не древнейший среди русских городов. Первыми крупными поселениями Руси, выросшими в города, были Новгород Великий (основан в 859 г.) на севере и Киев (основан в 860 г.) на юге. Другими «узловыми точками» Руси были Псков, Смоленск, Чернигов, Ростов Великий, Муром, Суздаль, Переяславль, Ладога. Все они представляли собой огороженные поселения с крепостью – кремлем – в центре; с принятием христианства неизменными городскими атрибутами стали церкви и соборы.

По сравнению с Киевом и Новгородом, а также прочими древнерусскими городами Москва моложе почти на 300 лет. Разумеется, и до возникновения города здесь жили люди – первоначально представители так называемой дьяковской культуры (по городищу в селе Дьяково близ Коломенского), а затем славяне-вятичи (оба культурных слоя обнаруживаются на Кунцевском городище); во всяком случае, такова современная теория, построенная на данных археологических раскопок.

Еще в XIX столетии предысторию города обобщил в своем сочинении «История города Москвы» И. Е. Забелин.

Московский и именно Кремлевский поселок существовал гораздо прежде появления в этих местах княжеского Рюрикова племени.

Глубокая древность здешнего поселения утверждается больше всего случайно открытыми в 1847 году, при постройке здания Оружейной палаты и неподалеку от первой по древности в Москве церкви Рождества Иоанна Предтечи, теперь несуществующей, несколькими памятниками языческого времени. Это две большие серебряные шейные гривны, или обручи, свитые в веревку, и две серебряных серьги-рясы, какие обыкновенно находят в древних курганах.

Другой поселок, столь же древний, находился за Неглинною на месте нового храма Спасителя, где был прежде Алексеевский монастырь, тоже на береговой горе и при устье потока Черторыя. На этой местности при рытье земли для фундаментов нового храма в числе других предметов найдены два серебряных арабских диргема, один 862 г., битый в городе Мерве, другой 866 г.

Эти находки должны относиться, по всему вероятно, к концу IX или к началу X столетия. Кроме того, шейные гривны и серьги по достоинству металла и по своей величине и массивности выходят из ряда всех таких же предметов, какие доселе были открыты в курганах Московской области, что может указывать на особое богатство и знатность древних обитателей Кремлевской береговой горы. <...>

Когда с течением веков зародилась политическая и промысловая жизнь и в варварской Европе и именно по Балтийскому морю, то промысловое и торговое движение тотчас же перешло и в нашу Русскую равнину, где пролегла дорога с запада Европы к далекому востоку... Этому движению особенно способствовали промышленные арабы, завоевавшие в VII веке почти все богатые закаспийские страны. Оттуда они направили свои торги от устья Волги и до самой Камы и далее по Волге же к самому Балтийскому морю... Этот торговый путь, пересекавший в разных направлениях нашу страну по Волге, Западной Двине и особенно по Неману, протягивался и далее по берегам Балтийского моря, по южным и северным, вплоть до Великобритании и далее до Испании.

Естественно, что на торной и бойкой дороге этого торгового промысла сами собою в разных, наиболее удобных местах зарождались города, так сказать, станции и промышленные узлы, связывавшие в одно целое окрестные интересы и потребности. <...>

Из Смоленска к Болгару можно было идти и по Оке, спустившись рекою Угрою, и по Волге, спустившись рекою Вазузою. Но это были пути не прямые, очень обходистые, и притом, особенно по Оке, очень дикие, потому что нижнее течение Оки было заселено мордовскими племенами, мешерою и муromoю.

От Смоленска прямо на восток к Болгару существовала более прямая и в то время, быть может, более безопасная дорога, именно по Москве-реке, а потом через Переволок по Клязьме, протекающей прямо на восток по самой середине Суздальской страны. По этому пути в Суздаль и Ростов из Киева хаживали князья в XII столетии, например, Андрей Боголюбский, когда переселялся совсем на житье во Владимир, а из Чернигова и не было другой дороги в эти города, как через Москву.

Надо перенестись мыслью за тысячу лет до нашего времени, чтобы понять способы тогдашнего сообщения. Вся Суздальская, или по теперешнему имени Московская, сторона так прямо и прозывалась Лесною землею, глухим Лесом, в котором одни реки и даже речки только и доставляли возможность пробраться куда было надобно, не столько в полые весенние воды или летом, но особенно зимою, когда воды ставились и представляли для обитателей лучшую дорогу по льду, чем даже наши шоссейные дороги. <...>

Как мы сказали, древнейший и прямой путь от Смоленска или собственно от вершин Днепра к Болгарской ярмарке пролегал сначала долиной Москвы-реки, а потом долиной Клязьмы, которых потоки направлялись почти в прямой линии на восток. Из Смоленска ходили вверх по Днепру до теперешнего селения Волочок, откуда уже шло сухопутье – волоком верст на 60 до верхов Москвы-реки. Так путешествовал Андрей Боголюбский. Но более древний путь мог проходить из Смоленского Днепра рекою Устроимою, переволоком у города Ельни в Угру, потом из Угры вверх рекою Ворею, вершина которой очень близко подходит к вершине Москвы-реки, даже соединяется с ней озером и небольшой речкою. Затем дорога шла вниз по Москве-реке, начинающейся вблизи города Гжатска и текущей извилинами, как упомянуто, прямо на восток. Приближаясь к теперешней Москве-городу, река делает очень крутую извилину на север, как бы устремляясь подняться поближе к самому верховью Клязьмы, именно у впадения в Москву-реку реки Восходни, где теперь находятся село Спас и знаменитое Тушино, столица Тушинского вора. Из самой Москвы-города река направляется уже к юго-востоку, все более и более удаляясь от потока Клязьмы. Таким образом, Московская местность, как ближайшая к потоку Клязьмы, являлась неизбежным переволоком к Клязьминской дороге. Этот переволок, с западной стороны от города, в действительности существовал вверх по реке Восходне, несомненно, так прозванной по путевому восхождению по ней в долину Клязьмы и притом, как упомянуто, почти к самой вершине этой реки. Вероятность таких сообщений во всех местах, где сближаются реки и речки, особенно в их верховьях, сама собою раскрывается, как скоро будем следить это по гидрографической карте, и надо заметить, что такая предположительная вероятность почти везде оправдывается самым делом, т. е. указаниями памятников на существовавшее сообщение или письменных, а еще более наземных, каковы, например, городища и курганы – явные свидетели древней населенности места.

По всем приметам, в глубокой древности, по крайней мере в IX и X веках, здесь уже завязан был узел торговых и промысловых сношений.

Из подмосковных окрестностей устье и течение Восходни – самая замечательная местность и по историческим (Тушинским) воспоминаниям, и главное, по красоте местоположения. Вот где в незапамятные времена Москва как торговый и промысловый узел намеревалась устроить себе первоначальное свое гнездо. Вот где сношения Балтийского запада и Днепровского юга с Болгарским приволжским востоком и с Ростовским приволжским же севером, на

перевале в Клязьму, встречали необходимую остановку, дабы идти дальше, устраивали стан и отдых, а следовательно, надобное поселение и сосредоточение промысловых сил и интересов. Свидетелями такого положения здешней местности остаются до сих пор земляные памятники, раскиданные по окрестности многие группы курганов и места древних городищ.

Должно полагать, что в древнее время Выходнею прозывалась не самая река, а особая местность, лежащая выше по Москве-реке, перед которою на крутом берегу Москвы-реки и над глубоким оврагом стояла каменная шатровая церковь Андрея Стратилата и где в XVI веке существовали церковь и монастырь Спас Преображения на Выходне, прозывавшийся также одним именем Выходня. Этот монастырь на Выходне или монастырь Выходня находился более чем на версту от самой реки, ныне неправильно называемой Сходни. <...>

Один большой курган, названный в писцовых книгах начала XVII века Великою Могилою и стоявший на суходоле по направлению описанного восточного пути, идущего к селу Братневу, был разрыт в 1879 году. В нем покоился остов, весь обернутый берестою, с горшком в головах, на дне которого выгиснена монограмма, указывающая на хорошую гончарную работу. Окружавшие эту великую могилу малые курганы доставили при раскопке несколько вещей из женского убора, весьма обычных во всех подмосковных курганах: бронзовые о семи лепестках серьги, бусы сердоликовые и стеклянные, бронзовые браслеты из проволоки и т. п. <...>

Значительная населенность этих восточных к Клязьме мест, какой ни выше, ни ниже по Москве-реке не встречается, может указывать, что торговые и промысловые сношения нашей древности уже намечали здесь место для знатного торгового узла, связывавшего торги Балтийского моря с торгами моря Каспийского и Сурожского (Азовского), и мы не можем отказаться от предположения, что здесь закладывалось основание для древнейшей Москвы-города. Сюда торговые дороги шли не только от Смоленска, но и от Новгорода, через древнейший его Волк Ламский, с Волги по рекам Шоше и Ламе на вершину реки Рузы, впадающей в Москву-реку. Ламский Волк был древнейшей дорогою новгородцев в московские места и по большей части прозывался одним именем Волк. Для новгородцев река Волга была обычной дорогой к далекому востоку. Но, быть может, малыми караванами небезопасно было по ней странствовать, поэтому и новгородцы должны были являться на Москворецкую Выходню, чтобы Клязьмою удобнее и безопаснее добраться до Волги камских болгар, захватывая в торговые руки и самую долину Клязьмы. Во всяком случае, здешний путь был короче, чем по руслу Волги, не говоря о том, что Москвою-рекою новгородцы должны были ходить и к Рязанской Оке, и на Дон. <...>

Итак, в незапамятное для письменной истории время верстах в 20 от теперешней Москвы, от западных путей в эту сторону создавалось гнездо промысла и торгового, где впоследствии мог возникнуть и тот самый город, который мы именуем Москвою.

Выбор места вполне зависел от топографических удобств, при помощи которых именно здесь было возможно, чем где-либо в другом месте, перебраться с одной дороги на другую по самому ближайшему пути.

И надо сказать, что если бы и на этом Выходничьем месте расселился со временем большой город, то Москва, быть может, представила бы еще больше местной красоты и различных удобств для городского населения. <...>

Имя реки Яузы в древнем топографическом языке в известном смысле может означать то же, что означают имена Вязьма, Вязема, Вяземка, Вазуза, Вязь, Уза, т. е. вообще вязь или связь, союз одной местности с другой, или, вернее, одного пути с другим, хотя бы и по очень узкому потоку, какой на самом деле представляет поток Яузы. <...>

По Яузе, по восточной дороге от Москвы, поднимались или опять также восходили вверх по течению этой реки глухим лесом (Сокольники, Лосиный Остров) до села Танинского и далее до самой вершины Яузы, затем следовал переволок у теперешнего села Больших Мытищ на село Большево и древнее Городище, находящееся уже на Клязьме. Или по другому направлению от вершины Яузы по болотам Лосиного Острова, которые и теперь дают превосходную

воду всей Москве, а за 1000 лет назад могли заключать в себе целое значительное озеро, еще более способное для пути. Здесь у переволока в свое время явились также свои Мытищи, которые в XV столетии прямо и называются Яузским Мытищем в значении целого округа местности. Возникновение этого Яузского пути можно относить к глубокой древности. Должно предполагать, что когда еще не было города – первое здешнее поселение гнездило около устья Яузы, где луговая местность, а по ту сторону Яузы на горах упоминается существовавшее где-то городище. На этой стороне реки береговая высота, господствующая над луговиной, и доселе носит имя Гостиной горы (Никола Воробино), служившей, быть может, поселением для торговых приезжих гостей. Впоследствии, когда образовалось Суздальское княжество и его сношения и связи с Киевом и Черниговом стали усложняться, особенно при Суздальском князе Юрии Долгоруком, эта местность получила кроме торгового и политическое, то есть, в сущности, стратегическое значение, как первая открытая дверь в Суздальскую область, которую необходимо было укрепить для всякой опасности в междукняжеских отношениях.

Вот почему существовавшая здесь, вблизи упомянутого Пристанища, на Кремлевской горе, княжеская усадьба под именем Москвы или Кучкова, вскоре устраивается городом. <...>

Для нового княжества такой городок был необходим: он служил сторожевой защитой со стороны входа в Суздальскую область, и от Смоленска, и от Новгорода, и от Северских, а следовательно, и от Киевских, и от Рязанских князей. Москва, таким образом, в качестве города является крепкими воротами Владимирского княжества на самой проезжей дороге. Как княжеский город она прямая дочь Владимира, как и Владимир был прямой сын Суздаля и внук Великого Ростова. Таково было историческое родство и преемство этих городов, оставивших впоследствии все свое богатое историческое наследство одной Москве.

Первое упоминание о будущей столице Руси относится к 1147 году и связано с именем Юрия Владимировича, одного из младших сыновей Владимира Мономаха. Получив в наследство Ростовское княжество, он постепенно расширил свои владения, присоединив Суздаль, Муром и Рязань, основал крепости Владимир и Ярославль, равно как и нынешние города-спутники Москвы – Дмитров, Звенигород, Переяславль-Залесский; за стремление неуклонно раздвигать границы своих земель его впоследствии прозвали Долгоруким. Мало-помалу с Юрием стали считаться другие Мономашичи, прежде почти не замечавшие правителя этих земель на окраине страны, а князь Святослав из Новгород-Северска заключил с Юрием Долгоруким союз и даже посулил поддержать его притязания на киевский престол.

Что касается Москвы, князя Юрия никак нельзя считать основателем города: в его время это уже было крупное поселение на берегу одноименной реки, причем достаточно богатое, чтобы, как свидетельствует летопись, принимать в нем знатных гостей.

В лето 1147 отправился Юрий воевать Новгородские земли. Святослав же воевал в Смоленской волости. И прислал Юрий к Святославу, и так сказал: «Приди ко мне, брат, в Москов». Святослав же поехал к нему с сыном Олегом и с небольшой дружиной, взяв с собой племянника своего Владимира Святославича. Олег поехал вперед и подарил Юрию пардуса (барса. – Ред.). И приехал за ними отец его Святослав, и так любезно расцеловались с Юрием в день пятницу, на Похвалу Святой Богородице и возвеселились.

Наутро повелел Юрий устроить обед силен, и сотворил великую честь им, и дал Святославу дары многие с любовью, и сыну его Олегу, и племяннику его Владимиру Святославичу, и всех дружинников Святославовых одарил по очереди. И затем отпустил их. <...>

Поскольку более ранних дат, имеющих отношение к городу, летописи не сохранили, именно с 1147 года принято отсчитывать возраст Москвы.

Относительно названия города существует несколько версий, и в настоящее время основная из них возводит название к имени реки, а последнее связывает либо с финно-угорскими корнями «ва» («река») и «мос» («медведь»), либо с древнеславянским «моз» – «вода, сырость».

Основание города и легенда о боярине Кучке, 1153 год Иван Забелин

По свидетельству Тверской летописи, через несколько лет после встречи со Святославом «князь Великий Юрий Владимирович заложил град Москву в устье Неглинной, выше реки Яузы». Летопись относит это событие – заложение крепости, превратившее поселение в город, – к 1156 году, однако исторические исследования доказывают, что строительство крепости началось раньше, вероятнее всего, в 1153 году. При этом сам Юрий был занят борьбой за киевский престол (которым владел дважды, в 1149–1151 и 1155–1157 годах), поэтому крепость, очевидно, строил не он, а его сын, Андрей Боголюбский, будущий князь Владимиро-Суздальский.

Княжеский интерес к Москве объяснялся просто: поселение находилось на перекрестке важных торговых дорог – к Ростову, Суздаю, Рязани и Смоленску. И, чтобы закрепить права на эту область, князь Юрий женил своего сына Андрея на дочери владельца поселения и ближайших окрестностей – некоего боярина Степана Кучки. С этим боярином связана одна из многих легенд об основании города; все эти легенды собрал в своем труде «История города Москвы» историк И. Е. Забелин.

Когда и как произошло начало Москвы, когда и как она зародилась на своем месте, об этом книжные люди стали гадать и рассуждать только с той поры, когда Москва явилась сильной и славной, царствующим великим городом, крепким и могущественным государством, когда у книжных людей, из сознания этого могущества, сами собою стали возникать вопросы и запросы, как это случилось, что Москва-город стала царством-государством?

Таким именно вопросом начинается одно из сказаний о ее начале, более других сохраняющее в себе несомненные следы народных эпических преданий.

Ответом на этот вопрос, конечно, могли появиться только одни неученые и, так сказать, деревенские гадания по смутным преданиям, или же, с другой стороны, ученые измышления по источникам старой книжности. Так и исполнилось.

И не в одной Москве зарождался этот любопытный вопрос. Едва ли не с бóльшим вниманием старались разрешить его и западные книжные люди, у которых имя Москвы стало разноситься с нескрываемым любопытством еще со времен Флорентийского собора (1439), на котором Европа впервые узнала, что на далеком глухом Севере существует непобедимая православная сила, именуемая Москвою. С того времени начались и ученые толкования, откуда происходит самое имя этой неведомой дотоле Московии. Писавший о Москве в тридцатых годах XVI столетия ученый историк Павел Иовий (Паоло Джовио. – *Ред.*) обратился за этим толкованием даже и к древнему Птолемею и писал между прочим: «Думаю, что Птолемей под своими модоками (амадоками) разумел москвитян, коих название заимствовано от реки Москвы, протекающей чрез столичный город того же имени».

Первая легенда приписывала основание города князю Олегу Вещему.

Наши московские доморожденные гадания о происхождении города Москвы ограничивались очень скромными домыслами и простыми здравыми соображениями, согласно указаниям летописи, существенная черта которой, описание лет, всегда служила образцом и для составления произвольных полусказочных вставок. Так, самое скромное домышление присвоило основание города Москвы древнему Олегу, несомненно, руководясь летописным свидетельством, что Олег, устроившись в Киеве, «нача города ставити и устави дани словенам, кривичам и

мери». Если Олег уставлял дани мерянам и города сооружал, то в области мери (Ростов, Суздаль) он должен был из Киева проходить мимо Москвы и очень немудрено, что мог на таком выгодном для селитьбы месте выстроить небольшой городок, если такой городок не существовал еще и до времен Олега. И вот в позднейших летописных записях появляется вставка: «Олег же нача грады ставити многие и прииде на реку, глаголемую Москву, в нея же прилежат реки Неглинная и Яуза, и постави град не мал и прозва его Москва и посади на княжение сродников своих».

Впрочем, с таким же вероятно можно было постройку города Москвы присвоить и Святославу, который ходил на Оку и на Волгу и затем победил вятичей, живших на Оке; но о Святославе начальный летописец не сказывал, что он города ставил. Об Олеге же догадка впоследствии пополнилась новым свидетельством, что древний князь, построив Москву, посадил в ней княжить своего сродника, князя Юрия Владимировича. Здесь выразилась неученая деревенская простота в составлении догадок, далеких еще от явного вымысла. Она не в силах была удалиться от летописной правды и позволила себе только нарушить эту правду неверным, но весьма существенным показанием о князе Юрье, все-таки прямом основателе города Москвы. В народной памяти хронология отсутствует. <...>

Но вскоре к деревенской простоте собственно московских гаданий пришла на помощь киевская, то есть, в сущности, польская историческая ученость в лице Феодосия Софоновича, составившего в 1672 г. целую «Хронику летописцев стародавних, с Нестора Печерского и иных, также с хроник Польских о Руси, отколь Русь началась», а вместе с тем и особую статью «Отколь Москва взяла свое название». Эта ученость, разыскивая и объясняя, откуда взялась Москва-народ, очень усердно и с обширной начитанностью толковала, еще с конца XVI века, что «Мосох или Мезех, шестой сын Иафетов, внук Ноев, есть отец и прародитель всех народов московских, российских, польских, волынских, чешских, мазовецких, болгарских, сербских, хорватских и всех, елико есть славенский язык»; что у Моисея Мосох, московских народов праотец, знаменуется (упоминается) также и у Иосифа Флавия в «Древностях»; что ни от реки, ни от града Москвы Москва именование получила, но река и град от народа московского имя восприяли; что имя сие: Мосох, Мокус, Моска, Моски, Москорум, Московитарум, Модокорум и проч. все древние историки, еврейские, халдейские, греческие и латинские и новейшие Мосоха, Москвы праотца и областей того имени, во многих местах непрестанно и явно поминают; что третий брат Леха и Чеха, Рус, истинный наследник Мосохов от Иафета, великие и пространные полуночные и восточные и к полудню страны размножил и населил народами русскими и так далее. <...>

Разыскивал о происхождении имени Москвы и ученейший академик немец Байер. Не зная русского языка, он толковал, что имя Москвы происходит от мужского монастыря – Мосое от Mus (муж) и Musoc (мужик). Кроме того, Татищев утверждал, что «имя Москва есть сарматское, значит крутящаяся или искривленная, от того, что течением весьма излучины делает, да и внутрь Москвы их не скудно». <...>

Между тем деревенская простодушная Москва... гадала об Олеге, но не забывала и настоящей правды о князе Юрии Владимировиче.

Известна и так называемая крутицкая легенда об основании Москвы.

По всему вероятно под влиянием той же пришедшей учености, пребывавшей, как известно, и на Крутицах, сочинено было другое сказание об основании города Москвы, по которому это основание приписывается князю Данилу Ивановичу.

«В лето 6714 (1206 г.) князь великий Данило Иванович после Рюрика короля Римского 14 лето пришел из Великого Новгорода в Суздаль, и в Суздале родился ему сын князь Георгий и во имя его созда и нарече град Юрьев Польский и в том граде церковь веленную созда во имя

Св. Георгия каменную на рези от подошвы и до верху. И по создании того храма поехал князь Данила Иванович изыскивати места, где ему создати град престольный к Великому княжению своему и взял с собою некоего гречина именем Василья, мудра и знающа зело и ведающа, чему и впредь быти. И въехал с ним в остров (лес) темен, непроходим зело, в нем же бе болото велико и топко, и посреде того острова и болота узрел князь Великий Данила Иванович зверя превелика и пречудна, троеглава и красна зело <...> и вопросиша Василия гречанина, что есть видение сие пречуднаго зверя? И сказа ему Василии гречин: Великий княже! на сем месте созиждется град превелик и распространится царствие треугольное и в нем умножатся различных орд люди... Это прообразует зверя сего троеглаваго, различные на нем цвета, то есть от всех стран учнут в нем люди жити... Князь же Данила Иванович в том острову наехал посреде болота островец мал, а на нем поставлена хижина мала, а живет в ней пустынный, а имя ему Букал и потому хижина словет Букалова, а ныне на том месте царский двор. И после того князь Данило Иванович с тем же гречином Василием спустя 4 дни наехал на горы (крутицы), а в горах тех стоит хижина мала, и в той хижине живет человек римлянин имя ему Подон... Возлюбил князь великий место сие, восхоте дом себе устроити... Той же Подон исполнен Духа Святого и речь говорит: Княже! не подобает тебе здесь вселиться, то место Дом Божий: здесь созиждут Храм Божий и пребудут архиереи Бога Вышнего служители. Князь же Данило Иванович в шестое лето на хижине Букалове заложи град и нарече имя ему Москва, а в седьмое лето на горах Подонских на хижине Подонове заложи церковь Всемилоствитого Спаса. И в 9 лето родися у него два сына князь Алексей и князь Петр. Он же князь великий Данило Иванович вельми любя сына Алексея Даниловича, во имя его созда град к Северу и нарече имя ему Олексин и там обрете в острове мужа именем Сара земли Иверской свята и благоговейна зело и на его хижине заложи град Олексин. И по девятом лете приде из грек епископ Варлам к князю Данилу Ивановичу и многия чудотворны мощи с собою принесе; и князь Данило Иванович принял его с великою честью и любовию и повеле ему освятити храм на горах Подонских и да ему область Крутицкую и нарекома его владыкою Сарским и Подонским: тако нарекошася Крутицы».

Очень явственно, что это сказание сочинено на Крутицах каким-либо досужим мирянином или церковником, однако не совсем знакомым с тогдашней ученостью, которая могла бы пространнее рассказать о зачале Москвы с непременно упоминанием о Мосохе. К тому же сочинитель указывает, что он был родом или житием от города Алексина.

Самое же популярное предание, в нескольких вариантах, безусловно, связано с именем Степана Кучки.

Неученые москвичи не умели складывать сказки по вольному замыслу, как составлена эта крутицкая сказка, и держались в своих литературных опытах старого обычая летописцев, приставляя непременно к своему рассказу и лета событий. Единственным образцом для их писательства была именно не чужая, а своя родная летопись. Других образцов они не знали и, подражая летописцам, вносили в свои повести ходившие в народе предания и несомненные остатки уже забытых песенных былин.

Таким характером отличается самая обстоятельная по составу повесть «О зачале Московского княжения, како зачало бысть, а ныне великий пресловущий и преименитый царствующий град сияет».

Еще Карамзин заметил, что эта повесть писана размером старинных русских сказок и изобретена совершенным невеждою, то есть не согласно с достоверными летописцами, что, конечно, и подтверждает ее сказочное былинное происхождение.

Как летописная же запись, она начинается следующим годом по порядку собранных годов: «В лето 6789 (1280 г.) месяца октября в 29 день по Владимире князе во Владимире-граде державствовав князь Андрей (1294–1304) Александрович, а в Суздале-граде державствовав

князь Данило Александрович Невский». После этого летописного вступления автор начинает свою повесть былинным складом:

«Были на этом месте по Москве реке села красные, хорошие, боярина Кучки. У того ж боярина были два сына красны зело; не было таких красных юнош ни во всей Русской Земле. И сведал про них князь Данила Александрович Суздальский и спросил у Кучка боярина двух сынов его к себе во двор с великим прощением. И сказал ему: если не дашь сынов своих мне во двор, и я на тебя войною приду и тебя мечем побью, а села твои красные огнем пожгу. И боярин Кучко Степан Иванович, убоясь страха от князя Данила Суздальского, и отдал сынов своих обоим князю Данилу Александровичу Суздальскому. И князю Данилу полюбились оба Кучкова сына. И начал их князь Данила любить и жаловати, и пожаловал единого в стольники, а другого в чашники. И полюбились те два юноши Данилове княгине Улите Юрьевне; и уязви ею враг на тех юнош блудною яростью, возлюби бо красоту лица их. <...>

Умыслили они со княгинею, как бы им предати князя Данила смерти. И начали звать князя Данила в поле ездить ради утешения, смотреть зверского уловления зайцев. И бысть ему на поле. И егда въехали в дебри и начали они Кучковичи предавать его злой смерти. И князь Данила ускачив от них на коне своем в чашу леса. И бежал от них подле Оки реки, оставя коня своего. Они же злые человеки и убийцы, аки волки лютые, напрасно (нежданно) хотяху восхитить его. И сами были в ужасе многом, искавши его и не обретоша, но только нашли коня его. <...>

Благодарный князь Данил был четвертый мученик, принял мученическую смерть от прелюбодеев жены своей. В первых мучениках Борис и Глеб и Святослав убиты были от брата своего окаянного Святополка, рекомого Поганополком. Так и сии Кучковы дети приехали во град Суздаль и привезли ризу кровавую князя Данила и отдали ее княгине Улите и живут с нею в том же прелюбодеянии беззаконном по-прежнему. <...>

И собрал князь Андрей во граде Владимире своего войска 5000 и поиде ко граду Суздалью. И слышат во граде суздальцы и боярина Степана Ивановича Кучка дети, что идет с воинством; и взял их страх и трепет, что напрасно пролили кровь неповинную. И не возмогли они стать против князя Андрея ратоваться; и бежали к отцу своему боярину Степану Ивановичу Кучку. А князь Андрей пришел в Суздаль-град. Суздальцы не воспротивились ему и покорились ему, государю князю Андрею Александровичу: «Мы не были советниками на смерть князя своего, твоего брата князя Данила, но мы знаем, что жена его злую смерть умыслила с любовниками своими Кучковичами и мы можем тебе государю пособствовать на тех злых изменников».

И собрали суздальцы 3000 войска, князь Андрею в помощь пошли. Князь Андрей со всем воинством идет на боярина Степана Ивановича Кучка. И не было у Кучка боярина кругом красных его сел ограды каменной, ни острога древнего; и не возможе Кучко боярин против князя Андрея боем битися. И вскоре князь Андрей всею силою и емлет приступом села и слободы красные, и самого Кучка боярина и с его детьми в плен; и повелел их оковать железы крепкими, и потом казнил боярина Кучка и с детьми его всякими казнями различными и лютыми. И тут Кучко боярин и с детьми своими лютую смерть принял.

В лето 6797 (1289) марта в 17 день князь Андрей Александрович отметил кровь брата своего, победил Кучка боярина и злых убийц, что убили князя Данила брата его. И все их имение и богатство разграбил. А сел и слобод красных не пожег. И воздал славу Богу в радость и препочил тут. И на утрие восстав, и посмотрел по всем красным селам и слободам, и вложил Бог в сердце князю Андрею, и те красные села ему князю полюбились и, рассмотрев, помышлял в уме своем на том месте град построить, видев бо место прилично, еже граду быти. И вздохнув из глубины сердца своего, воздев руки на небо моляся Богу со слезами и сказал: Боже Вседержитель Творец всем и создатель! Прослави, Господи, место сие и подаждь, Господи, помощь хотения моего устроить град и создать святые церкви. И оттоле князь Андрей сел в

красных тех селах и слободах, начал житьствовать. А во граде Суздале и во Владимире посадил державствовать сына своего Георгия.

А состроен град в лето 6799 (1291) июля в 27 день. И оттоле нача именоватись граду Москве».

Другое московское сказание о начале Москвы также носит характер летописной записи с обозначением годов и представляет в своем роде сочинение на заданную мысль знающего книжника, который старается доказать, что Москва, подобно древнему Риму, основана на крови, с пролитием крови.

«Был на великом княжении в Киеве сын Владимира Мономаха князь Юрий. Он старшего своего сына Андрея посадил в Суздале. В лето 6666 (1158) ехал князь Юрий из Киева во Владимир к сыну Андрею и наехал по дороге место, где теперь град Москва по обе стороны реки. Стояли тут села, а владел ими некий зело богатый боярин, имя ему Кучко Степанов (Иванов, по другому списку). Тот Кучко встретил Великого князя зело гордо и не дружелюбно. Возгордился зело и не почтил в[еликого] князя подобающею честию, а к тому и поносил ему. Не стерпя той хулы, в[еликий] князь повелел того боярина ухватить и смерти предать. Так и было. Видев же сыновей его, млады суще и лепы зело и дщерь едину, такову же благообразну и лепу, в. князь отослал их во Владимир к сыну своему Андрею. Сам же князь Юрий взыде на гору и обозре с нея очима своима, семо и овамо, по обе стороны Москвы реки и за Неглинною, возлюби села оные и повеле вскоре сделати град мал, деревян, по левую сторону реки на берегу и прозва его званием реки Москва град». Потом князь идет во Владимир к сыну Андрею, женит его на дочери Кучковой, заповедует ему град Москву людьми населити и распространити и возвращается в Киев и с сыном Андреем. Затем рассказывается история Андрея Боголюбского, как он из Киева принес во Владимир икону Богородицы, как был благочестив и как потом убит злодеями Кучковичами в союзе с его княгиней, которая негодовала на него за то, что перестал разделять с ней брачное ложе, отдавшись посту и молитве. В лето 6684 (1176) пришел из Киева во Владимир брат Андрея князь Михайло Юрьевич, избил убийц и вверг их в озеро (в коробах), а жену его повелел повесить на вратах и расстрелять из многих луков.

По-видимому, эта повесть сочинена, как упомянуто, книжным человеком с целью в точности приравнять Москву – Третий Рим к двум первым Римам, именно по поводу пролития крови при их основании. Если Москва явилась Римом, то и характер ее первоначалия должен быть такой же, вполне римский, то есть кровавый. Поэтому надо было отыскать, сочинить обстоятельство, которое могло бы доказывать надобное совпадение случаев кровопролития в древнейшем Риме и в новой Москве. <...>

Карамзин заметил, что эта сказка, вероятно, основана на древнем истинном предании. Действительно, несомненные свидетельства летописей указывают, что бояре Кучковичи существовали и именно в большем приближении у князя Андрея Боголюбского. В 1155 г. они переманили его переехать из Киева в Залесский Владимир «без отча повеления, лестию подъяша»; а в 1174 г. они являются главными руководителями заговора против Андрея и его убийцами. <...>

Московские предания и былины, ходившие в народе в течение веков и дававшие материал для сочинительских сказаний, должны были хорошо помнить имена первых героев Москвы, ее основателей и устроителей, князей Юрья, особенно Андрея (Боголюбского), Данилу, Ивана и бояр Кучковичей.

Зерно рассматриваемого сказания заключается в том, что основание или построение города Москвы связано с убийством ее прежнего владельца, из-за женщины, из-за любовных связей, как стали сказывать о том более поздние сочинители. У Татищева находим основанное на этой же легенде романтическое повествование.

Юрий, говорит историк, хотя имел княгиню любви достойную и ее любил, но «при том многих жен поданных своих часто навещал и с ними более, нежели с княгинею, веселился, ночи

сквозь на скомонех (музыка) проигрывая и пия, препроводил... Между всеми полюбовницами жена тысяцкого суздальского Кучка наиболее им владела, и он все по ее хотению делал».

Когда Юрий пошел к Торжку (1147), Кучка не последовал за ним, а возвратился в свое село, посадил свою жену в заточение и сам хотел бежать к врагу Юрия, Изяславу. Услышав об этом, Юрий в ярости воротился из похода на Москву-реку в Кучково жилище и тотчас убил Кучку, дочь его выдал за сына своего Андрея и, облюбовав место, заложил здесь город. По случаю Андреева брака он и позвал к себе на веселье Святослава Ольговича. Рассказывая эту повесть, Татищев ссылается на свой раскольнический манускрипт или летопись, полученную им от раскольника. Можно было бы поверить этому сказанию, если бы не приводили к сомнению другие совсем подобные же повести, рассказанные историком про других князей <...> Таким образом, сочинение Татищева о похождениях великого князя Юрия Долгорукого при основании Москвы города есть чистейший вымысел, представляющий попытку украсить историю о зачале Москвы новым, наиболее любопытным сказанием.

Обстоятельнее всех других воспользовался этим старым сказанием, как и другими, изложенными выше, знаменитый Сумароков. В своей «Трудолюбивой пчеле» (январь 1759 г.) он напечатал небольшую статью «О первоначалии и созидании Москвы», где, с некоторыми своими домыслениями изложив содержание упомянутого сказания, передает и крутицкие сказания о пустынноике Букале, Подоне, Саре, епископе Варлааме и пр. В другой статье «Краткая московская летопись» он слово в слово поместил свой пересказ упомянутого сказания с тем же добавлением имен Кучковых сыновей – Петр, Иоаким и дочь Улита. А в новом пересказе добавил имена Кучковых сел: «Селения Кучки были Воробьево на Воробьевой горе; Симонново, где Симонов монастырь; Высоцкое, Петровский монастырь; Кудрино и Кулижки, тако и поныне именуемые; Сухощаво от пересыхания речки, ныне Сушцово; Кузнецкая Слободка, где Кузнецкий Мост. И там были еще селения, где Вшивая горка, Андрониев монастырь, где Красный пруд и где был Чистый пруд. А жилище Кучково у Чистого пруда было».

Прибавим также, что Москва-река прежде называлась Смородиною (в одной былине из сборника Кириши Данилова. – *Ред.*), по всему вероятно, заимствуя это сведение из народной песни о злосчастном добром молодце, как это увидим в нижеследующем изложении. «Имя Москвы, рассуждает автор, производят некоторые от Мосоха; однако того никаким доводом утвердить невозможно и кажется то вероятнее, что Москва имеет имя от худых мостков, которые на сем месте по болотам положены были... В сем, от чего сей город восприял свое имя, преимущество есть равное, от Мосоха ли или от мостков; но то удивительно, что худые мостки целому великому государству дали имя». О худых мостках автор в другом месте рассуждает, что Москва-река, протекая чрез московские воды, имела мостки, где ломались оси, колеса и дроги, ради чего при мостке чрез Неглинную поселились и кузнецы, отчего и поныне мост через ту реку называется Кузнецким Мостом. От сих мостков главная река получила наименование, а от реки и город. <...>

Подобные, уже от учености, сказания продолжались и в новейшее время. Беляев (Ив. Дм.) по поводу рассматриваемых здесь старых сказаний представил целую обстоятельную не малого объема повесть «О борьбе земских бояр с княжеской властью».

Он говорит, что «Кучко был богатый боярин и могущественный землевладелец в здешнем крае, по словам предания, не только не думавший признавать княжеской власти, но и прямо в глаза поносивший князя Юрия Влад. Долгорукого. Таковое отношение Кучка к Юрию прямо говорит, что Кучко был не дружинник князя, а старинный земский боярин, по всему вероятно, древний колонист новгородский, принадлежащий к роду первых насельников здешнего края, пришедших сюда из Новгорода еще до приглашения Рюрика с братьями»... Далее рассказывает автор, что пришел в этот край кн. Юрий и начал заводить новые, собственно княжеские порядки, «начал строить города и приглашать поселенцев из Приднепровья и других краев Русской Земли и тем стеснять полное приволье здешних старожильцев, особенно

богатых земских бояр, старинных новгородских колонистов. На эти стеснения и новости, вводимые поселившимся здесь князем, земские бояре, не привыкшие ни к чему подобному, конечно, отвечали или глухим неповиновением, или явным сопротивлением и даже оскорблением князя. <...>

Народное предание, конечно, не без причины указало на села и слободы боярина Кучка как на главное гнездо боярского сопротивления княжеской власти и олицетворило это сопротивление и боярскую надменность в мифе боярина Кучки.

Но здешние бояре, слишком самонадеянные и гордые, не были в силах дать надлежащее сопротивление князю и даже не имели достаточных укреплений, за которыми бы могли успешно обороняться; и потому, как и следовало ожидать, при первой же встрече они потерпели поражение, и Степан Иванович Кучка за свою дерзость поплатился головой; а князь Юрий Влад., управившись с неожиданным противником, в самых имениях Кучка построил княжий город, чтобы таким образом утвердить за собой и своим потомством ту самую местность, где встретил сильнейшее сопротивление своей власти». Вот в чем заключалась вся борьба земских бояр с княжескою властью!..

К числу новейших сказаний должно отнести и уверение историка Д. И. Иловайского, что Москва-город основалась именно там, где на Москве-реке существовал некогда каменный порог. «Около середины своего течения (ближе к устью?), говорит автор, извилистая река Москва в одном из своих изгибов преграждается небольшим каменным порогом. Вода с шумом бежит по этому порогу и только в полулю воду покрывает его на значительную глубину. Этот-то небольшой порог (ныне подле храма Спасителя, под бывшим Каменным мостом) и послужил первоначальною причиною к возникновению знаменитого города. Выше порога река по своему мелководью только сплавная, а ниже его она судоходна». Описывая далее судоходство по рекам в Москву, автор указывает, что «Окою суда спускались до устья Москвы, поднимались вверх по этой реке и доходили до помянутого порога. Здесь путники опять покидали суда и сухопутьем отправлялись в стольные города Ростов, Суздаль и Владимир...»

Этот порог в действительности существует и донныне. Он состоит из нескольких рядов деревянных свай, набитых в разное время по случаю устройства Каменного моста. Русло Москвы-реки на самом деле течет над сплошным пластом горного известняка, который в иных местах обнаруживается на дне реки, но порогов нигде не устраивает. Если возможно было набить в дно реки деревянные, хотя бы и короткие по длине, сваи, то это прямо указывает, что до пласта горного известняка остается еще значительный слой песков и глин, лежащих над этим пластом.

По поводу всех изложенных выше рукописных преданий и печатных домыслений можно сказать словами автора книги «Москва, или Исторический путеводитель» (1827), что «достоверные летописи не сообщают нам никаких точных известий ни об основателе Москвы, ни о времени ее начала, почему важное сие событие и остается под завесою темных догадок, основанных на разных сохранившихся до наших времен “неверных повестях”, не говорим о новейших повествованиях, вроде повести о земских боярах, или о том, что у Каменного моста существовал каменный, а на самом деле только деревянный порог».

Самое событие, передаваемое рукописной легендой, что князь Юрий казнил боярина Кучку, подвергается большому сомнению, так как оно явилось для доказательства, что и Третий Рим, Москва, тоже основан на пролитой крови. По всему вероятно, это такой же вымысел, как и борьба земских бояр с княжескою властью.

Таким образом, остается более ценным народное предание о князе Данииле, которое в сущности есть спутанный пересказ истинного события – убийства Кучковичами князя Андрея Боголюбского.

По данным археологических раскопок можно предположить, что московская крепость 1156 года была сложена из бревен, причем с использованием особой конструкции, призванной удерживать от сползания внешние нижние ряды. Стена Юрия Долгорукого, по-видимому, охватывала не только центральную часть города, но и ближайшие окрестности. На юге и северо-западе соответственно границами крепости служили реки Москва и Неглинная. Сам княжеский двор помещался возле Фроловских (с 1657 года – Спасских) ворот.

По замечанию И. А. Бондаренко, автора книги «Словарь архитекторов и мастеров строительного дела Москвы XV – середины XVIII века», на территории крепости Юрия Долгорукого, «наряду с остатками срубных строений, найдены дренажные устройства в виде канав и долбленых бочек без дна, врытых в углах построек, вымостки из мелкого булыжника, мостовая из челюстей и плоских костей крупного рогатого скота. Обнаружен целый ряд фрагментов деревянных мостовых из круглых бревен и плах, уложенных по лагам. Видимо, уже в то время основной узел городских улиц сложился в районе Соборной площади, где археологическими разведками установлено наличие мощного культурного слоя с остатками деревянных строений».

Разорение Москвы ханом Батыем, 1238 год Лаврентьевская летопись

До конца XII столетия о Москве в летописях упоминается эпизодически, город лишь «по касательной» участвовал в политических играх государства – так, например, под 1175 годом сообщается, что князья Михаил Юрьевич и Ярополк Ростиславич останавливались в Москве на переходе из Чернигова во Владимир, а в 1177 году город сжег князь Глеб Рязанский. Затем город вообще словно исчезает из истории – и возникает вновь уже в страшные для Руси 1230-е годы, когда русские города один за другим погибали под натиском воинов монгольского хана Батыем (хотя заметим, что близлежащие к Москве города не раз были в поле зрения и попадали в сферу интересов севернорусских князей, прежде всего Всеволода Большое Гнездо). Наиболее подробные сведения о разорении монголами Москвы сохранились в Лаврентьевской летописи.

Той же зимой взяли Москву татарове, и воеводу убили Филипа Нянка за правоверную христианскую веру, а князя Володимера удавили руками, сына Юрьева, а людей избили от старца и до сущего младенца; а град, и церкви святые огню предали, и монастыри все и села пожгли, и, много добра награвив, ушли далее.

Из этого краткого отрывка можно сделать важный вывод: Москва ко времени татаро-монгольского нашествия уже превратилась в достаточно крупный город – с церквями и монастырями. Раскопки, проводившиеся в Москве в конце XX столетия, позволили обнаружить домонгольский культурный слой – в частности, на Манежной площади, на улице Ильинка, на Гостином дворе; эти находки подтвердили сообщения летописей о наличии в древней Москве немалого числа посадов. При этом Москва все же оставалась пограничным, «окраинным» городом, сторожевой крепостью Владимиро-Суздальского княжества. Во всяком случае, сведений о каких-либо архитектурных памятниках владимиро-суздальской школы зодчества в Москве не сохранилось.

Некоторые подробности разорения Москвы Батыем приводятся в выписках на листах Никаноровской летописи; эти выписки обнаружил видный отечественный филолог А. А. Шахматов. Позднее было установлено, что выписки сделаны немецким ученым И.-В. Паузе (1670–1735), стихотворцем, переводчиком Российской Академии наук, из некоей летописи, которая до наших дней, увы, не дошла даже в отрывках.

Татарове пришли оттуда (из-под Коломны. – *Ред.*) под град Москву и начали в него бить непрестанно. Воевода же Филип Нянский воссел на коня своего, и все воинство его с ним, и так, прекрепив лице свое знаменем крестным, отворили у града Москвы врата и воскричали вси единогласно на татар. Татарове же, мня великую силу, убоялись, начали бежать, и много у них побито было. Царь же Батый паче того с великой силою наступил на воеводу и живым его взял, рассек его по частям и разбросал по полю, град же Москву сожег и весь до конца разорил, людей же всех и до младенцев посек.

Восстанавливал город князь Михаил Хоробрит, сын владимирского князя Ярослава Всеволодовича. Возможно, этот князь заложил деревянную церковь Михаила Архангела на склоне Боровицкого холма, на месте ныне существующего Архангельского собора. Исследования, проведенные в XVIII веке школой архитектора Д. В. Ухтомского, показали, что западнее этой церкви находились городские ворота, через которые шла дорога в северном направлении, а выше

храма Архангела Михаила, на вершине холма, стояла еще одна церковь (будущий Успенский собор).

Позднее Москва вошла в состав владений Александра Невского, старшего сына Ярослава Всеволодовича Второго, а после смерти победителя при Чудском озере перешла по наследству к его младшему сыну Даниилу (1261–1303), правившему Москвой с 1276 года. При Данииле княжество Московское несколько расширило свои границы – за счет захваченной в разгар междоусобиц Коломны и полученного в дар Переяславля-Залесского. А самого Даниила в документах тех лет уже начали именовать «великим князем Московским», и его по праву считают основателем московской княжеской династии.

Великое княжество Московское: князь Даниил и его наследники, 1300–1328 годы Степенная книга

В княжение Даниила были основаны Богоявленский монастырь (в Китай-городе) и Свято-Данилов монастырь (перенесенный в городскую черту при Иване Калите), где была основана первая в Московском княжестве архимандрия (здесь и сейчас размещается Синодальная резиденция Святейшего патриарха) и где был похоронен московский князь Даниил Александрович (святой Даниил Московский).

Степенная книга гласит:

Сам же великий князь Даниил, на Москве богоугодно господствуя, пошел и монастырь честной возгородил, что зовется Даниловский, тогда же в нем и церковь поставил, во имя преподобного Даниила Столпника. В том монастыре и архимандрита первого устроил, и тако теплейшим к Богу желанием в той честной обители и сам сподобился пострижен быть во святой ангельский образ богоподражательного иноческого жития. И тако в последнем смиренномудрии он к желаемому Христу отошел в лето 6811 (1303) месяца марта. <...> Великий князь Иван, зовомый Калита, сын сего блаженного великого князя Даниила Александровича, тот же монастырь Даниловский и с архимандритией привел внутрь града Москвы, на свой царский двор, где и церковь поставил во имя боголепного преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и монастырь честен устроил, древний же монастырь Даниловский и все наследие Даниловского монастыря, и самый погост Даниловский, и иные села Даниловские вручил архимандриту Святого Спаса, дабы вкупе оба монастыря под единым началом паствы неоскудно устроятся. Многие лета минули, и монастырь Даниловский оскудел, нерадением древних архимандритов Спасских <...> только единая церковь осталась, во имя святого Даниила Столпника, и прозвали место оно сельцо Даниловское, монастыря же на слуху не упоминалось, будто и не было никогда.

Даниилу наследовал его старший сын Юрий. Между тем Русь, за исключением северных – новгородских – земель, находилась под властью татаро-монголов, и князья получали ярлыки на княжение в Золотой Орде. За ярлык на великое княжение – в эту пору номинальным главой уже мог стать любой князь, не только Киевский или Владимирский – Юрий соперничал с тверским князем Михаилом, племянником Александра Невского. Как писал И. Е. Забелин, «по смерти Даниила тотчас же начались усобицы с Тверью из-за Переяславской вотчины, отказанной любимому дяде Даниилу его племянником, Переяславским князем Иваном Дмитриевичем. А вслед за тем поднялся спор из-за Новгорода и о великом княжении между Тверским князем Михаилом и Московским: старшим сыном Даниила Юрьем. В этом споре Тверской князь два раза приходил к Москве. В первый раз в 1305 г. он отступил, помирившись с Даниловичами, а во второй, в 1307 г., после упорного боя под стенами города он также ушел без всякого успеха для своих целей и города взять не мог. Город, стало быть, и в то время был укреплен, как подобало хорошему городу».

Князь Юрий расширил свои владения, присоединив Можайск, безуспешно ходил на Рязань и Тверь, а после убийства Михаила в Орде наконец-то получил заветный ярлык на великое княжение (1319). Впрочем, три года спустя этот ярлык достался сыну Михаила, Дмитрию Грозные Очи, а еще через шесть лет Дмитрий убил Юрия в ханской ставке; за что был казнен, а за ярлык на великое княжение повели спор московский князь Иван Данилович, брат Юрия, и тверской князь, младший сын Михаила – Александр. Победа осталась за Тверью, а Москва

фактически сделалась резиденцией митрополита – «цареградский чудотворец» митрополит Петр часто бывал в Москве, и его стараниями в городе был построен первый каменный храм – церковь Успения Божией Матери (в этом же храме Петра похоронили в 1327 году, спустя год после закладки церкви).

В Степенной книге говорится:

Божий же человек преосвященный митрополит великий чудотворец Петр, пройдя многие грады и веси, ибо обычай имел поучать Богом порученное ему стадо, в преславном же граде Москве начал пребывать более иных градов... (Узнав о смерти митрополита, великий князь с вельможами своими святого тело на одре к церкви Пречистой Богородицы принес, и положено оно было во гроб, его же сам себе уготовил... и донныне там чудеса различные источаются приходящим с верою... Преосвященный митрополит чудотворивый Петр первый положен во граде Москве святитель, в основанной от него церкви соборной Пречистой Богородицы. Двумя же летами минувшими по честном его преставлении совершена была та соборная церковь и освящена Прохором, епископом Ростовским. <...>

Новый митрополит Феогност, грек по происхождению, при котором митрополит Петр был причислен к лику святых, в 1328 году официально перенес в Москву свою резиденцию, вследствие чего город сделался духовным центром Руси.

Что касается соперничества с Тверью, то после подавления тверского восстания 1327 года против наместника Чол-хана (Щелкана русских былин) князь Иван, помогавший татарам справиться с бунтом, получил в Орде ярлык на княжение в Москве, Новгороде и Костроме, а когда скончался князь Суздальский, также участвовавший в расправе над восставшими, – и ярлык на Владимир и Нижний Новгород. Князь тверской Александр намеревался отомстить Ивану за разграбление Твери, однако Иван подкупил многих в ханской ставке и очернил князя Тверского перед ханом. Александра казнили, а Ивану поручили собирать дань с прочих князей и доставлять ее в Орду. Иными словами, Москва сделалась не только духовным, но и «финансовым» центром Руси.

Москва при Иване Калите, 1328–1340 годы Новгородская летопись

Правление великого князя Ивана Даниловича, получившего прозвище Калита, то есть «кошелек», ознаменовалось для Москвы началом каменного строительства. После успешного похода на Псков, где укрывался тверской князь Александр, в городе возвели храм в честь святого Иоанна Лествичника (1329), а также малую обетную церковь при Успенском соборе. Как сообщалось в «Путеводителе к древностям и достопамятностям московским» (1792), «постройка совершилась в засвидетельствование Всевышнему благодарения за усмирение города Пскова». Эти храмы были невелики размерами, на что указывает стремительность их постройки (чуть более двух месяцев); на месте церкви Иоанна Лествичника позднее установили колокольню для всех соборов – отсюда выражение «под колокола», – а при Борисе Годунове над церковью выстроили знаменитую колокольню Ивана Великого. Обетная же церковь сделалась приделом нового Успенского собора (1479).

В городе также возвели каменные церкви Спаса Преображения, или Спаса на Бору, и Благовещенский храм. Как писал И. Е. Забелин, «в течение четырех лет (1329–1333) в великокняжеской Москве было построено четыре каменных храма, и каждый из них строился в одно лето не более четырех месяцев».

Впрочем, каменными пока были только церкви, все остальные постройки возводились из дерева, что, разумеется, было чревато пожарами. При Калите город горел трижды – в 1331, 1335 и 1337 годах. О последних двух пожарах в Новгородской летописи говорится:

В лето 6843 [1335]. Того же лета заложил владыка Василии со своими детьми... и со всем Новгородом острог каменный по оной стороне, от Ильи святого к Павлу святому... Того же лета, по грехам нашим, были пожары на Руси: погорели город Москва, Вологда, Витебск и Юрьев-Немецкий. <...>

В лето 6845 [1337]. Наваждением диавольским встал простой люд на архимандрита Есифа и сотворил вече... Тою же зимой воевал князь великий Иван с новгородцами и послал рать на Двину за Волок... Того же лета Москва вся погорела; и тогда же пошел дождь силен и потопил все, иное в погребах, иное на площадях, что где выношено от пожара было. Того же лета и Торопец погорел и потоп.

Иван Калита также возвел в Москве «град дубовый» – как отмечал летописец, в 1339 году «заложена была Москва да и срублена», – а еще «посады в ней украсил и слободы, и всем утвердил». Дубовый Кремль, или Кремник, занимал территорию с севера на юг, от Никитской дороги (ныне одноименная улица) до Ордынской (ныне улица Большая Ордынка). Современные исследования позволили установить, что границы крепости, построенной при Калите, простирались почти до будущих каменных стен; дубовые постройки были уничтожены при князе Дмитрие Донском.

Основание Троице-Сергиевой лавры, 1337 год Житие Сергия Радонежского

Один из наиболее почитаемых русских святых, преподобный Сергий (в миру Варфоломей) родился под Москвой, в местечке Радонеж, по Ярославскому направлению. После смерти родителей он уступил свою долю наследства брату Петру, а сам ушел в лес и предался пустынночеству вместе с другим братом, Стефаном. В Житии Сергия говорится :

Обошли они по лесам многие места и наконец пришли в одно место пустынное, в чаще леса, где была и вода. Братья осмотрели место это и полюбили его, а главное – это Бог наставлял их. И, помолившись, начали они своими руками лес рубить, и на плечах своих они бревна принесли на выбранное место. Сначала они себе сделали постель и хижину и устроили над ней крышу, а потом келью одну соорудили, и отвели место для церковки небольшой, и срубили ее. И когда была окончательно завершена постройка церкви и пришло время освящать ее, тогда блаженный юноша сказал Стефану: «Поскольку ты брат мой старший в нашем роде, не только телом старше меня, но и духом, следует мне слушаться тебя как отца. Сейчас не с кем мне советоваться обо всем, кроме тебя. В особенности я умоляю тебя ответить и спрашиваю тебя: вот уже церковь поставлена и окончательно отделана, и время пришло освящать ее; скажи мне, во имя какого праздника будет названа церковь эта и во имя какого святого освящать ее?»

В ответ Стефан сказал ему: «Зачем ты спрашиваешь и для чего ты меня испытываешь и терзаешь? Ты сам знаешь не хуже меня, что нужно делать, потому что отец и мать, родители наши, много раз говорили тебе при нас: “Будь осторожен, чадо! Не наш ты сын, но Божий дар, потому что Бог избрал тебя, когда еще в утробе мать носила тебя, и было знамение о тебе до рождения твоего, когда ты трижды прокричал на всю церковь в то время, когда пели святую литургию. Так что все люди, стоявшие там и слышавшие это, были удивлены и изумлялись, в ужасе говоря: “Кем будет младенец этот?” Но священники и старцы, святые мужи, ясно поняли и истолковали это знамение, говоря: “Поскольку в чуде с младенцем число три проявилось, это означает, что будет ребенок учеником Святой Троицы. И не только сам веровать будет благочестиво, но и других многих соберет и научит веровать в Святую Троицу”. Поэтому следует тебе освящать церковь эту лучше всего во имя Святой Троицы. Не наше это измышление, но Божья воля, и предначертание, и выбор, Бог так пожелал. Да будет имя Господа благословенно навеки!» Когда это сказал Стефан, блаженный юноша вздохнул из глубины сердца и ответил: «Правильно ты сказал, господин мой. Это и мне нравится, и я того же хотел и думал об этом. И желает душа моя создать и освятить церковь во имя Святой Троицы. Из-за смирения я спрашивал тебя; и вот Господь Бог не оставил меня, и желание сердца моего исполнил, и замысла моего не лишил меня».

Решив так, взяли они благословение и освящение у епископа. И приехали из города от митрополита Феогноста священники, и привезли с собой освящение, и антиминос, и мощи святых мучеников, и все, что нужно для освящения церкви. И тогда освящена была церковь во имя Святой Троицы преосвященным архиепископом Феогностом, митрополитом киевским и всея Руси, при великом князе Семене Ивановиче; думаю, что это произошло в начале княжения его. Правильно церковь эта названа была именем Святой Троицы: ведь поставлена она была благодатью Бога Отца, и милостью Сына Божьего, и с помощью Святого Духа. <...>

И потом Бог, видя великую веру святого и большое терпение его, смилостивился над ним и захотел облегчить труды его в пустыни: вложил Господь в сердца некоторым богобоязненным монахам из братии желание, и начали они приходить к святому... Или можно сказать, что захотел Бог прославить место это, и пустынь эту преобразить, и здесь монастырь устроить,

и множество братьев собрать. Поскольку Бог так пожелал, начали посещать святого монахи, сперва по одному, потом иногда по два, а иногда по три. <...>

И построили они каждый отдельную келью и жили для Бога, глядя на жизнь преподобного Сергия и ему по мере сил подражая. Преподобный же Сергий, живя с братьями, многие тяготы терпел и великие подвиги и труды постнической жизни совершал. Суровой постнической жизнью он жил; добродетели его были такие: голод, жажда, бдение, сухая пища, на земле сон, чистота телесная и душевная, молчание уст, плотских желаний тщательное умерщвление, труды телесные, смирение нелицемерное, молитва беспрестанная, рассудок добрый, любовь совершенная, бедность в одежде, память о смерти, кротость с мягкостью, страх Божий постоянный. Ведь «начало мудрости – страх Господень»; как цветы – начало ягод и всяких овощей, так и начало всякой добродетели – страх Божий. Он страх Божий в себе укрепил, и им огражден был, и закону Господнему поучался денно и нощно, подобно дереву плодовитому, посаженному у источников водных, которое в свое время даст плоды свои.

В конце концов эти монахи уговорили Сергия стать над ними игуменом, в Троицком монастыре было введено правило общежития, и так родилась будущая главная духовная обитель Московской Руси – Троице-Сергиева лавра.

От дубового города до каменного, 1340–1367 годы Очерки по истории Москвы, летописные своды

В правление старшего сына Ивана Калиты, Симеона Гордого, в 1343 году в Москве случился новый пожар, уничтоживший почти весь город – только церковей сгорело почти два десятка (при этом каменные храмы не пострадали). К слову, приблизительно из тех времен берет начало предание о том, что издревле в Москве насчитывалось «сорок сороков» церковей и часовен; на самом деле такое количество храмов можно насчитать лишь за всю историю города – от первой церкви Иоанна Предтечи до наших дней. Кроме того, именно в правление Симеона в княжестве Московском утвердилась практика росписи церковных стен; как гласит летопись, после пожара «початы быша подписывати две церкви: Успения Богородицы и Архангела Михаила». Составленная в конце XIX столетия книга очерков «Из истории Москвы», ссылаясь на летописные источники, сообщает:

Первую церковь расписывали греки, живописцы митрополита Феогноста, и окончили свое дело в одно лето; а вторую «подписывали русские писцы и ни половины не кончили, величества ради церкви той»; имена этих живописцев – Захария, Дионисий, Иосиф и Николай. На другое лето, в 1345 году, по духовному завещанию супруги великого князя Анастасии, «почаша подписывати Спаса в монастыре на Бору», а мастером был староста Гойтан, также русский, но ученик греков... На третье лето кончили подписывать три церкви – Спаса, Архангела и Иоанна Лествичника. И тогда же, в первый раз в Москве, отлиты были три колокола больших, да два малых, а лил мастер Бориско, который «слил колокол велик для новгородской Св. Софии». Таким образом, Симеон Гордый оставил в молодой Москве память водворением здесь живописного и литейного дела.

При Симеоне на Русь пришла чума, знаменитая Черная смерть, не пощадившая ни митрополита, ни самого великого князя и его детей. Перед смертью Симеон успел составить завещание и записать его на тряпичной бумаге, которая постепенно вытесняла пергамент; князь умер в возрасте 36 лет, а в городе и в окрестностях священники не успевали отпевать покойников – каждое утро у церковей находили по 20–30 новых трупов.

Симеону на престоле наследовал его брат Иван Красный, а новым митрополитом стал «смиранный святитель» Алексий. Радениями предстоятеля русской церкви и его духовного соратника, пустычника Андроника, в 1360 году в Москве был основан Андроников монастырь. Как повествует «Описание московского Спасо-Андроникова монастыря» (1865), «святий Алексий избрал для своего монастыря возвышенное место на той стороне Яузы, на 4 версты отстоящее от Кремля... В дни святителя место сие... отличалось красотой видов природы, было окружено лесами и перелесками, среди коих катились светлые и полные воды Золотого Рожка и Яузы...» Настоятелем монастыря поставили пустычника Андроника, ученика Сергия Радонежского, а в иконостасе монастырской церкви Алексий поместил «нерукотворенный образ Всемилостивого Спаса, привезенный из Константинополя и украшенный золотом и бисером». Позднее, в 1365 году, на месте татарского конюшенного двора на территории Кремля митрополит Алексий основал еще один монастырь – Чудов (с церковью в честь чуда архангела Михаила в Хонех).

Приблизительно в то же время на территории нынешней Москвы появились и другие известные монастыри – Симонов (основан Сергием Радонежским до 1379 г.), Рождественский (ок. 1386 г.) и Сретенский (ок. 1395 г.). Эти монастыри служили не только духовными цен-

трами, но и форпостами на ближних подступах к городу; дальние же подступы охраняли кремли Дмитрова, Переяславля-Залесского, Можайска, Серпухова, Коломны.

Если Симеон привел в Москву живописцев и литейщиков, то его брат и преемник начал чеканить монету (во всяком случае, монет-предшественников найти не удалось). Что любопытно, на этих монетах присутствовал прообраз московского герба – витязь (еще не конный, конь появится при Дмитрии Донском), поражающий копьем дракона.

В самом городе между тем продолжались пожары – не исключено, вызванные поджогами, ибо многие были недовольны юным князем Дмитрием, сменившим на престоле Ивана Красного. И после очередного пожара, 1365 года, было решено строить каменный город. Этот пожар вошел в историю как всесвятский, поскольку начался от церкви Всех Святых, близ нынешнего храма Христа Спасителя.

Софийская летопись гласит:

Князь великий Димитрий Иванович, погадав с братом своим с князем с Володимером Андреевичем и со всеми боярами старейшими, и надумал поставить город каменный Москву, да еже умыслил, то и сотворил. Той же зимой повезли камень к городу.

Тверская летопись прибавляет:

Того же лета на Москве почали ставить город каменный, надеясь на свою на великую силу, князей русских начали приводить в свою волю, а которые почали не повиноваться их воле, на тех почали посягать злобою.

Каменный Кремль был завершён к 1368 году – и успешно отразил осаду войска литовского князя Ольгерда: «Олгерд же стоял около города три дня и три ночи, остаток подгородья весь пожег, многие церкви и многие монастыри пожег и отступил от града, а града кремля не взял и пошел прочь».

Протяженность стен новой крепости составляла около 2000 м, башен насчитывалось 8 или 9, причем 5 из них располагались на восточной, так называемой «приступной» стене. Проездные башни имели железные ворота, а над воротами помещались три яруса бойницы. При этом сами стены крепости были относительно невысокими и тонкими. О том, какое впечатление обновленный Кремль производил на современников, можно судить хотя бы по тому обстоятельству, что живописец Феофан Грек дважды изобразил в своих росписях «в каменной стене саму Москву»: в Архангельском соборе он «на стене написал град во граде шаровидно подобный».

Сожжение Москвы Тохтамышем, 1382 год Новгородская летопись, Повесть о нашествии Тохтамыша

Настоящее испытание ожидало крепость и город в 1382 году, всего через два года после знаменитой Куликовской битвы: когда князь Дмитрий отказался платить дань Орде, хан Тохтамыш с войском пришел наказать дерзкого правителя Москвы. В Новгородской летописи о нашествии Тохтамыша говорится скупо и сухо:

Пришел цесарь татарский Тектомыш в силе великой на землю Русскую, много опустошил земли Русской: взял град Москву и пожег ее, и Переяславль, Коломну, Серпохов, Дмитров, Володимир, Юрьев. Князь же великий, видя многое множество безбожных татар, и не встал против них, и поехал на Кострому и с княгинею и с детьми, а князь Володимер на Волок, а маги его и княгиня в Торжок, а митрополит во Тверь, а владыка коломенский Герасим в Новгород.

Куда более красочные и страшные подробности приводит древнерусская Повесть о нашествии Тохтамыша:

Когда князь великий услышал весть о том, что идет на него сам царь во множестве сил своих, то начал собирать воинов, и составлять полки свои, и выехал из города Москвы, чтобы пойти против татар. И тут начали совещаться князь Дмитрий и другие князья русские, и воеводы, и советники, и вельможи, и бояре старейшие, то так, то иначе прикидывая. И обнаружилось среди князей разногласие, и не захотели помогать друг другу, и не пожелал помогать брат брату... И то поняв, и уразумев, и рассмотрев, благоверный князь пришел в недоумение и в раздумье и побоялся встать против самого царя. И не пошел на бой против него, и не поднял руки на царя, но поехал в город свой Переяславль, и оттуда – мимо Ростова, а затем уже, скажу, поспешно к Костроме. А Киприан-митрополит приехал в Москву.

А в Москве было замешательство великое и сильное волнение. Были люди в смятении, подобно овцам, не имеющим пастуха, горожане пришли в волнение и неистовствовали, словно пьяные. Одни хотели остаться, затворившись в городе, а другие бежать помышляли. И вспыхнула между теми и другими распря великая: одни с пожитками в город устремлялись, а другие из города бежали, ограбленные. И созвали вече – позвонили во все колокола. И решил вечем народ мятежный, люди недобрые и крамольники: хотящих выйти из города не только не пускали, но и грабили, не устыдившись ни самого митрополита, ни бояр лучших не устыдившись, ни глубоких старцев. И всем угрожали, встав на всех воротах градских, и с сулицами, и с обнаженным оружием стояли, не давая выйти тем из города, и, лишь насилу упрошенные, позже выпустили их, да и то ограбив.

Город же все так же охвачен был смятением и мятежом, подобно морю, волнуемому в бурю великую, и ниоткуда утешения не получал, но еще больших и сильнейших бед ожидал. И вот, когда все так происходило, приехал в город некий князь литовский, по имени Остей, внук Ольгерда. И тот ободрил людей, и мятеж в городе усмирил, и затворился с ними в осажденном граде со множеством народа, с теми горожанами, которые остались, и с беженцами, собравшимися кто из волостей, кто из других городов и земель. Оказались здесь в то время бояре, сурожане, суконщики и прочие купцы, архимандриты и игумены, протопопы, священники, дьяконы, чернецы и люди всех возрастов – мужчины, и женщины, и дети.

Рязанский князь Олег, опасаясь за свои владения, провел монголов через территорию своего княжества, и воины Тохтамыша сожгли Серпухов и устремились к Москве.

И пришел (Тохтамыш. – *Ред.*) с войском к городу Москве... А тем временем внутри города добрые люди молились Богу день и ночь, предаваясь посту и молитве, ожидая смерти, готовились с покаянием, с причащением и слезами. Некие же дурные люди начали ходить по дворам, вынося из погребов меда хозяйские и сосуды серебряные и стеклянные, дорогие, и напивались допьяна и, шатаясь, бахвалились, говоря: «Не страшимся прихода поганых татар, в таком крепком граде находясь, стены его каменные и ворота железные. Не смогут ведь они долго стоять под городом нашим, двойным страхом одержимые: из города – воинов, и извне – соединившихся князей наших нападения убоятся». И потом влезали на городские стены, бродили пьяные, насмехаясь над татарами, видом бесстыдным оскорбляли их и слова разные выкрикивали, исполненные поношения и хулы, обращаясь к ним, – думая, что это и есть вся сила татарская. Татары же, стоя напротив стены, обнаженными саблями махали, как бы рубили, делая знаки издалека.

И в тот же день к вечеру те полки от города отошли, а наутро сам царь подступил к городу со всеми силами и со всеми полками своими. Горожане же, со стен городских увидев силы великие, немало устрашились. И так татары подошли к городским стенам. Горожане же пустили в них по стреле, и они тоже стали стрелять, и летели стрелы их в город, словно дождь из бесчисленных туч, не давая взглянуть. И многие из стоявших на стене и на заборолах, уязвленные стрелами, падали, ведь одолевали татарские стрелы горожан, ибо были у них стрелки очень искусные... А некоторые из них, сделав лестницы и приставляя их, влезали на стены. Горожане же воду в котлах кипятили и лили кипятком на них, и тем сдерживали их. Отходили они и снова приступали. И так в течение трех дней бились между собой до изнеможения. Когда татары приступали к граду, вплотную подходя к стенам городским, тогда горожане, охраняющие город, сопротивлялись им, обороняясь: одни стреляли стрелами с заборол, другие камнями метали в них, иные же били по ним из тюфяков, а другие стреляли, натянув самострелы, и били из пороков. Были же такие, которые и из самих пушек стреляли. Среди горожан был некий москвич, суконник, по имени Адам, с ворот Фроловских приметивший и облюбовавший одного татарина, знатного и известного, который был сыном некоего князя ордынского; натянул он самострел и пустил неожиданно стрелу, которой и пронзил его сердце жестокое и скорую смерть ему принес. Это было большим горем для всех татар, так что даже сам царь тужил о случившемся. Так все было, и простоял царь под городом три дня, а на четвертый день обманул князя Остея лживыми речами и лживыми словами о мире, и выманил его из города, и убил его перед городскими воротами, а ратям своим приказал окружить город со всех сторон. <...>

И отворили ворота городские, и вышли... с дарами многими к царю, также и архимандриты, игумены и попы с крестами, а за ними бояре и лучшие мужи, и потом народ и черные люди.

И тотчас начали татары сечь их всех подряд. Первым из них убит был князь Остей перед городом, а потом начали сечь попов, игуменов, хотя и были они в ризах и с крестами, и черных людей. И можно было тут видеть святые иконы, поверженные и на земле лежащие, и кресты святые валялись поруганные, ногами попираемые, обобранные и ободранные. Потом татары, продолжая сечь людей, вступили в город, а иные по лестницам взобрались на стены, и никто не сопротивлялся им на заборолах, ибо не было защитников на стенах, и не было ни избавляющих, ни спасающих. И была внутри города сеча великая и вне его также. И до тех пор секли, пока руки и плечи их не ослабли и не обессилели они, сабли их уже не рубили – лезвия их притупились... Татары же христиан, выволакивая из церквей, грабя и раздевая донага, убивали, а церкви соборные грабили, и алтарные святые места топтали, и кресты святые и чудотворные иконы обдирали, украшенные золотом и серебром, и жемчугом, и бисером, и драгоценными

камнями; и пелены, золотом шитые и жемчугом сажанные, срывали, и со святых икон оклад содрав, те святые иконы топтали, и сосуды церковные, служебные, священные, златокованные и серебряные, драгоценные позабирали, и ризы поповские многоценные расхитили. Книги же, в бесчисленном множестве снесенные со всего города и из сел и в соборных церквах до самых стропил наложенные, отправленные сюда сохранения ради, – те все до единой погубили. Что же говорить о казне великого князя, – то многосокровенное сокровище в момент исчезло и тщательно сохранявшееся богатство и богатотворное имение быстро расхищено было. <...>

Добро же и всякое имущество пограбили, и город подожгли – огню предали, а людей – мечу. И был оттуда огонь, а отсюда – меч: одни, от огня спасаясь, под мечами умерли, а другие – меча избежав, в огне сгорели. И была им погибель четырех родов. Первая – от меча, вторая – от огня, третья – в воде потоплены, четвертая – в плен поведены.

И до той поры, прежде, была Москва для всех градом великим, градом чудным, градом многолюдным, в нем было множество народа, в нем было множество господ, в нем было множество всякого богатства. И в один час изменился облик его, когда был взят, и посечен, и пожжен. И не на что было смотреть, была разве только земля, и пыль, и прах, и пепел, и много трупов мертвых лежало, и святые церкви стояли разорены, словно осиротевшие, словно овдовевшие. <...>

Нашествие Тамерлана и чудо Богоматери Владимирской, 1395 год Степенная книга, Тверская летопись

Остановить продвижение монголов удалось лишь серпуховскому князю Владимиру. Как говорится в Степенной книге:

Тако же тогда и прочие грады пожег – Владимир и Переяславль, Юрьев и Звениград, Можайск и Коломну, и всю землю Рязанскую... Князь же Владимир Андреевич тогда был за Волоком со многими людьми, и многих татар победил, иных же живыми поймал; прочие же татары прибегали к Тактамышу. Он же убоялся и пошел прочь от Москвы. <...>

Князь Дмитрий вернулся в Москву и взялся за восстановление города, в котором при осаде и штурме погибли до 24 000 человек. Не меньше горожан увели в неволю, то есть Москва лишилась в нашествие Тохтамыша (в «татарцину», как стали потом говорить) минимум 50 000 жителей. И все же город устоял. В Степенной книге читаем:

Достохвальный же великий князь Дмитрий Иванович по отшествии Тактамышевом от града Москвы пришел на Москву, с ним же и князь Владимир Андреевич, и увидели Божие церкви и дома сожженными, и плакали много, и тако всю надежду на Бога возложили... и повелели трупия мертвых собирать и с достойным песнопением погребать их, и святые церкви освятили, и град Москву обновили, такоже и прочие грады обновили, в них же множество людей поселили. <...>

По сообщениям летописей, средства на восстановление города – ведь еще приходилось выплачивать немалую дань Тохтамышу – князь набирал за счет «усмирения» соседних земель: так, он полностью разорил владения предателя, рязанского князя Олега, а с мятежных новгородцев взял «черный бор» – выкуп за «разбой и татьбу».

В 1389 году Дмитрий Донской скончался, и великим князем стал его сын Василий – взятый Тохтамышем в заложники после сожжения Москвы, он сумел бежать из плена и вернулся в отцовские владения. Воспользовавшись неурядицами в Золотой Орде – хан Тохтамыш воевал с Тимуром (Тамерланом, иначе Темир Аксаком русских преданий), – князь Василий выкупил у татар ярлыки на княжение в Нижнем Новгороде, Муроме и Тарусе; бояре этих городов отреклись от своих правителей и решили перейти «под руку Москвы». Между тем Тимур, разгромив Тохтамыша, двинулся на Кавказ, потом повернул на север – и летом 1395 года подошел к городу Елец в Рязанском княжестве. Василий вывел войско навстречу монголам; однако, как замечает автор XIX столетия, «спасение Москвы зависело не от оружия, а от Божьей помощи, и это было важным моментом в религиозной жизни Москвы». Москвичи спешно принялись копать ров: «Замыслили ров копать и почали с Кучкова поля (от Сретенского монастыря), а конец в Москву-реку, шириною в сажень, а глубиною в рост человека. Много быть убытка людям, потому что попереk дворов копали и много хором разметали». Князь же и митрополит Киприан, не слишком уповая на воинскую силу, решили перевезти из Владимира в Москву чудотворную икону Божьей Матери. Тверская летопись гласит:

В год 6903 (1395). В дни княжения благоверного и христоролюбивого великого князя Василия Дмитриевича, самодержца Русской земли, внука великого князя Ивана Ивановича, пра внука же благоверного и христоролюбивого великого самодержца и собирателя Русской земли

великого князя Ивана Даниловича, при благолюбивом Киприане, митрополите киевском и всея Руси, в пятнадцатый год царствования Тохтамышева, а в седьмой год княжения великого князя Василия Дмитриевича, в тринадцатое лето после татарщины и Московского взятия, была смута великая в Орде. Пришел некий царь, по имени Темир Аксак, из восточных стран, из Синей Орды, из Самаркандской земли, и большой раздор сотворил, и много мятежей воздвиг в Орде и на Руси своим приходом. Об этом Темир Аксаке некоторые говорят, что он был ни царь родом, ни сын царев, ни племени царского, ни княжеского, ни боярского, но совсем из простых, захудалых людей, из заяицких татар, из Самаркандской земли, из Синей Орды, из-за Железных Ворот, ремеслом же был железный кузнец, обычаем же и делом немилостив, и вор, и ябедник, и грабитель; когда прежде он был холопом у некоего господина, из-за его злонравия отказался от него господин, побив и отослав его от себя; он же, не имея чем питаться, жил, кормясь воровством. Когда он был еще молодой и бедный и питался краденым, украл он у неких людей овцу; он надеялся убежать, но вскоре был настигнут многими людьми, и схватили его, и держали крепко, и били нещадно по всему телу. И задумав нанести ему смертельную рану, чтобы убить его, пробили ему ногу и бедро разорвали пополам, и бросили его, как мертвого, не движущегося и не дышащего, думая, что он уже умер, и оставили его псам на съедение, и отошли. По некотором же времени, едва выздоровев от такой смертельной раны и встав, оковал он себе свою пробитую ногу железом, и начал ходить хромя, за что прозван был Темир Аксак, так как темир на половецком языке «железо», а аксак «хромец». И по этой причине прозван был Темир Аксак – Железный Хромец, так как по делам своим звание получил, и по действиям своим имя себе стяжал. Также и потом, по исцелении его от ран и сильных побоев, не оставил прежних своих злых обычаев, не смирился, не укротился, но на еще худшие дела совращался, хуже давнего и пуще прежнего, и был лют и разбойник. Потом присоединились к нему юноши, немилостивые мужи, суровые и злые человеки, подобные ему, такие же разбойники и воры, и сильно умножились на нас. Когда было их числом сто, назвали его, старейшину над собой, разбойником; когда их было числом до тысячи, тогда уже и князем его звали; а когда они еще больше умножились числом и многие земли захватили, и многие города, и страны, и царства взяли, тогда уже царем его именовали.

Этот Темир Аксак начал многие раздоры творить, и многие войны начал, и многие битвы вел, и много побед одержал, много войск вражеских одолел, и многие города уничтожил, многих людей погубил, многие страны и земли разорил, многие области и народы в плен взял, многие княжества и царства покорил. <...>

Пришел Темир Аксак ратью на царя Тохтамышя, и был у них бой на месте, которое называется Ордынским, на кочевиице царя Тохтамышя, и с тех пор загорелся, окаянный, и начал думать в сердце своем, чтобы идти на Русскую землю и попленив ее, как прежде, за грехи наши, с поущения Бога попленил царь Батый Русскую землю; а гордый и свирепый Темир Аксак то же замышлял и хотел взять Русскую землю. И собрал все воинство свое, и прошел всю Орду и всю землю Татарскую, и пришел к пределам Рязанской земли, и взял город Елец, и князя елецкого поймал, и многих людей замучил. И слышав об этом, князь великий Василий Дмитриевич собрал многих своих воинов, и пошел из Москвы к Коломне, и желая идти дальше навстречу ему, пришел и стал ратью на берегу Оки. Темир Аксак же стоял на одном месте пятнадцатый день, раздумывал, окаянный, и хотел идти на всю землю Русскую, словно второй Батый, и разорить христианство.

Благодарный и христоролюбивый князь великий Василий Дмитриевич, самодержец Русской земли, услышав о помышлениях этого беззаконного, свирепого и гордого мучителя и губителя Аксака Темира царя, как он замышляет на православную веру, боголюбивый великий князь Василий Дмитриевич руки к небу воздел и со слезами молился, говоря: «Создатель и Заступник наш, Господи! Господи, взгляни из святого жилища Твоего и, видя безбожного варвара и тех, кто с ним, дерзнувших хулить святое и великое имя Твое, Пречистой и Всене-

порочной Твоей Матери, Заступницы нашей, низложи его, да не говорит: “Где Бог их?” Ибо Ты Бог наш; Ты гордым противишься; стань, Господи, на помощь рабам Своим, милостиво взгляни на смиренных Своих рабов, и не допусти, Господи, окаянному врагу нашему поносить нас; ибо Твоя держава и царство Твое нерушимы! Ты слышишь слова варвара сего, избавь нас и город наш от окаянного, безбожного и зловерного царя Темира Аксака!»

И послал князь великий Василий Дмитриевич весть к духовному отцу своему боголюбивому архиепископу Киприану, митрополиту киевскому и всея Руси, чтобы велел народу начать пост и молитву, с усердием и со слезами призывать Бога. Преосвященный же Киприан, митрополит киевский и всея Руси, услышав такую просьбу духовного сына своего великого князя Василия Дмитриевича, призвал к себе всех архимандритов, игуменов, священников и весь чин священнический, и велел петь по всему городу молебны, и детям своим духовным велел сказать, чтобы начали пост, молитву и покаяние от всей души своей. Сам же преосвященный митрополит также каждый день призывал к себе благоверных князей и благочестивых княгинь и всех властителей и воевод, подолгу наставляя и уча их; и во все дни и часы, не выходя из церкви, постоянно молился Богу за князя и за людей.

Повелел также князь своим наместникам в городах укрепить крепости и собрать всех воинов; и они, узнав об этом повелении, собрали всех людей в городах и укрепились. Благоверный же великий князь Василий Дмитриевич, припомнив об избавлении царствующего града, как Пречистая Владычица наша Богородица избавила Царьград от нашествия зловерного и безбожного царя Хоздроя, вспомнил и захотел послать за иконой Пречистой Владычицы нашей Богородицы.

И призвал к себе князей и своих бояр и сказал им: «Хочу послать в город Владимир за иконой Пречистой Владычицы нашей Богородицы, ибо она может переменить нашу печаль на радость, защитить нас и город наш Москву от нахождения иноплеменников, от нападения вражьего, от нашествия ратных и от междоусобной брани, от всякого кровопролития, от мирской печали, от напрасной смерти и от всякого зла, находящего на нас». Раздумывая об этом, благоверный великий князь Василий Дмитриевич пошел вскоре к отцу своему духовному боголюбивому Киприану, митрополиту киевскому и всея Руси, и рассказал ему все свои мысли, и велел ему послать в славный старый город Владимир за иконой Владычицы нашей Богородицы.

Благоверный же Киприан, митрополит киевский и всея Руси, услышав такие слова духовного сына своего великого князя Василия Дмитриевича, послал в старый и славный город Владимир за иконой Пречистой Владычицы нашей Богородицы. Клирики же великой соборной церкви Святой Богородицы, что во Владимире, протопоп и церковнослужители пречистую и чудную икону взяли и понесли из города Владимира в Москву, из-за страха перед Темир Аксаком татарским, о котором прежде по слухам слышали как о существе далеко на солнечном востоке, ныне же приблизился, как будто стоит у самых дверей, и готовится, и ободряется, и вооружается на нас сильно. И было тогда, августа в пятнадцатый день, в самый праздник честного Успения, собрался весь город Владимир, выйдя на проводы той чудной иконы; ее же проводили с честью, с верою и любовью, страхом и желанием, с плачем и со слезами, и далеко шли от великой веры и многой любви, и обильные слезы проливали.

Когда же принесена была икона к Москве, вышел навстречу ей и встретил ее с честью Киприан митрополит с епископами, архимандритами, с игуменами и дьяконами, со всеми клириками и причтом церковным, с черноризцами и чернецами, с благоверными князьями и княгинями, боярами и боярынями, мужи и жены, юноши и девицы, старцы с отроками, детьми и младенцами, сироты и вдовицы, нищие и убогие, всякий возраст, мужской пол и женский, от млада и до велика, все бесчисленное множество народа, с крестами, и иконами, и евангелиями, со свечами и кадилами, со псалмами, и молитвами, и пением духовным, лучше же сказать все со слезами, малые и большие, так что не было не плачущего, но все с молитвою и плачем, все с воздыханиями неумолчными, и рыданиями, и благодарениями воздевая вверх руки, все

молясь Святой Богородице: «Избави наш город Москву», вопия и восклицая: «О, Всесвятая Владычица Богородица! От нашествия поганого царя Темира Аксака все города христианские и страну нашу защити, князя и людей от всякого зла заступи, город наш Москву от нахождения воинов иноплеменных избавь, от пленения нас погаными, и от огня, и меча, и напрасной смерти, и от нынешней охватившей нас скорби, и от печали, нашедшей ныне на нас, и от нынешней грозы, и беды, и нужды, от предстоящих этих испытаний избави нас, Богородица, Своими богоприятными молитвами к Сыну Своему и Богу нашему, Своим пришествием к нам, нищим, и убогим, и скорбящим, и печалующимся. Умилосердись, Госпожа, к скорбящим рабам Твоим, надеясь на Тебя, да не погибнем, но избавимся Тобою от врагов наших; не отдавай нас, Заступница наша, в руки врагам татарам, но избавь нас от врагов наших, расстрой замыслы противников и козни их разрушь, во время скорби нашей нынешней, нашедшей на нас, будь Верная Заступница и Скорая Помощница, до нынешних бед Тобою всегда избавлялись, благодарно восклицаем: «Радуйся, Заступница наша непостыдная».

И так, Божией благодатью и неизреченной милостью и молитвами Пресвятой Богородицы, город наш Москва целым сохранен был, а Темир Аксак царь возвратился назад, и пошел в свою землю. О, преславное чудо! О, превеликое диво! О, многое милосердие к роду христианскому! В тот день, когда принесена была икона Пресвятой Богородицы из Владимира в Москву, в тот день безбожный царь Темир Аксак убоился, и устрашился, и ужаснулся, и впал в смятение, и напал на него страх и трепет, и вошел страх в сердце его и ужас в душу его, трепет в кости его, и тотчас отступился и оставил желание разорять Русскую землю, и захотел быстрее отправиться в путь и скорее уйти в Орду, а Руси тыл показать, и захотел в сердце своем идти восвояси, и пошли назад без успеха, в смятении и колебании, как будто кем-то гонимые, ибо не мы их гнали, но Бог милосердный; и прогнал их невидимую силою Своею и Пречистой Его Матери, Скорой Заступницы нашей в бедах, и молитвою угодника Его боголюбивого преосвященного нового чудотворца, митрополита киевского и всея Руси, крепкого заступника городу нашему Москве и молитвенника в находящих на нас бедах, и послал на них страх и трепет, чтобы окаменели. <...>

Благодарный великий князь Василий Дмитриевич, войдя в храм Пречистой Владычицы нашей Богородицы и увидев чудотворную икону Святой Богородицы Владимирской, с любовью упал перед образом и, проливая умильные слезы из глаз своих, говорил: «Благодарю Тебя, Госпожа, Пречистая и Пренепорочная Владычица наша Богородица, христианам Могучая Помощница, что нам защиту и силу показала, избавила Ты, Госпожа, город наш от злого неверного царя Темир Аксака». Благодарный же князь великий Василий Дмитриевич и боголюбивый архиепископ Киприан киевский и всея Руси повелели вскоре на том месте, где встречали чудотворную икону Пресвятой Богородицы, поставить церковь во имя Сретения Пресвятой Богородицы, на память о таком великом благодеянии Божиим, чтобы не забывали люди дел Божиих. Этот же митрополит устроил монастырь, и велел жить тут игумену и братии, и с тех пор установили с честью праздновать праздник августа в двадцать шестой день, в день памяти святых мучеников Адриана и Наталии. Эта же чудотворная икона Святой Богородицы была написана рукою святого Христова апостола и евангелиста Луки. Мы же, грешные рабы Христовы, слышав об этом чуде Господа нашего Иисуса Христа и Пречистой Его Матери Богородицы, решили все это записать во славу имени Господа Бога нашего Иисуса Христа и Пречистой Его Матери Владычицы нашей Богородицы, Заступницы нашей; Богу нашему слава и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Культура Московской Руси: Феофан Грек и Андрей Рублев, вторая половина XIV века Епифаний Премудрый, Иосиф Волоцкий, Сказание о святых иконописцах

Как писал Д. С. Лихачев, «конец XIV в. и начало XV в. – ...эпоха крутого подъема, время разнообразного и напряженного творчества, время интенсивного сложения русской национальной культуры... Именно в этот период складывались своеобразные черты русской государственности, русской культуры, русского характера». И, конечно, Москва, будучи столицей княжества, никак не могла остаться в стороне от этих формирующих процессов.

Выше упоминалось о том, что еще при Симеоне Гордом митрополит Феогност пригласил греческих мастеров для росписи московского Успенского собора, а позднее артели «греческих учеников» трудились в церквях Спаса на Бору и Архангельской. Наивысшего расцвета русская религиозная живопись достигла в творчестве византийского мастера Феофана Грека и его ученика Андрея Рублева.

Феофан до приезда на Русь «своею рукою подписал» церкви в Константинополе, Халкидоне и других византийских городах, а в русских землях работал не только в Москве, но и в Новгороде Великом, Коломне, Новгороде Нижнем; всего на Руси он прожил более 30 лет. В Москве Феофан и его ученики расписали церковь Рождества (1395), Архангельский собор (1399) и Благовещенский собор (1405).

Восторженный панегирик Феофану составил книжник Епифаний Премудрый.

Когда я был в Москве, жил там и преславный мудрец, философ зело искусный, Феофан Грек, книги изограф опытный и среди иконописцев отменный живописец, который собственною рукою расписал более сорока различных церквей каменных в разных городах: в Константинополе, и в Халкидоне, и в Галате, и в Кафе, и в Великом Новгороде, и в Нижнем. В Москве же им расписаны три церкви: Благовещения святой Богородицы, святого Михаила и еще одна. В церкви святого Михаила он изобразил на стене город, написав его подробно и красочно; у князя Владимира Андреевича он изобразил на каменной стене также самую Москву; терем у великого князя расписан им неведомою и необычайною росписью, а в каменной церкви святого Благовещения он также написал «Корень Иессеев» и «Апокалипсис». Когда он все это рисовал или писал, никто не видел, чтобы он когда-либо смотрел на образцы, как делают это некоторые наши иконописцы, которые от непонятливости постоянно в них всматриваются, переводя взгляд оттуда – сюда, и не столько пишут красками, сколько смотрят на образцы; казалось, что кто-то иной писал, руками писал, выполняя изображение, на ногах неустанно стоял, языком же беседуя с приходящими, а умом обдумывал далекое и мудрое, ибо премудрыми чувственными очами видел он умопостигаемую красоту. Сей дивный и знаменитый муж питал любовь к моему ничтожеству; и я, ничтожный и неразумный, возымев большую смелость, часто ходил на беседу к нему, ибо любил с ним говорить.

Сколько бы с ним кто ни беседовал – много ли или мало, – не мог не подивиться его разуму, его притчам и его искусному изложению. <...>

Феофан, подобно многим мастерам на службе у великого князя, был «пришлым», однако за годы, проведенные в Москве, обрусел настолько, что уже не воспринимался как «чужак». Вдобавок он воспитал немало учеников из числа русских живописцев, и самым известным из них стал Андрей Рублев. «Чернец Андрей», как называет художника летопись, учился не

только у византийского мастера, но и у своего соотечественника и старшего современника Даниила Черного. Исторические свидетельства о жизни и творчестве Андрея Рублева крайне скудны. Летописи сообщают, что в 1405 году – совместно с Феофаном Греком и Прохором с Городца – Андрей Рублев участвует в росписи Благовещенского собора Московского Кремля, а в 1408 году Андрей Рублев и Даниил Черный руководят работами по росписи Успенского собора города Владимира. Вместе эти живописцы создали так называемый Звенигородский чин – иконостас Успенского на Городке собора в Звенигороде, а в 1425–1427 годах участвовали в росписи Троицкого собора в Троице-Сергиевой лавре. О деятельности Рублева в Троицкой пустыни Житие Сергия Радонежского сообщает: «Позднее в той обители был игуменом Александр, ученик упомянутого выше игумена Саввы, муж добродетельный, мудрый, славный весьма; был там и другой старец, по имени Андрей, иконописец необыкновенный, всех превосходящий мудростью великой, в старости честной урже, и другие многие... Создали они в обители своей церковь каменную, весьма красивую и росписями чудесными своими руками украсили ее на память об отцах своих, а церковь и сегодня все видят, во славу Христа Бога». Последней работой мастера некоторые источники называют роспись Спасского собора Андроникова монастыря.

Иосиф Волоцкий оставил упоминание об отношении современников к творчеству Даниила Черного и Андрея Рублева:

Блаженный же Андроник великими добродетелями сиял, и с ним были ученики его Савва и Александр, и чудные пресловутые иконописцы Даниил и ученик его Андрей... и толику добродетели имуще, и толику рвение о постничестве и об иноческом жительстве, якоже им божественной благодати сподобиться... и на самый праздник светлого воскресения на седалищах сидя и перед собою имея всечестные и божественные иконы и на те неуклонно взирая, божественную радость и светлость обретая, и не токмо в тот же день такое же творили, но и в прочие дни, когда живописи не предавались... Сего ради владыка Христос тех живописцев прославил. <...>

Сказание о святых иконописцах, памятник XVII века, сообщает некоторые подробности о жизни «чернеца Андрея» и упоминает о шедевре художника – иконе «Троица», созданной на сюжет «гостеприимство Авраама»:

Преподобный отец Андрей Радонежский, иконописец прозванием Рублев, многие святые иконы написал, все чудотворные, как же пишут о нем в Стоглаве святого чудного Макария митрополита, что с его письма надлежит писать иконы, а не своим умыслом. А прежде он жил в послушании у преподобного отца Никона Радонежского. Он повелел по себе образ написать пресвятой Троицы в похвалу отцу своему, святому Сергию чудотворцу. Преподобный отец Даниил, сподвижник его, живописец славный, зовомый Черным, с ним святые иконы чудные писал везде неразлучно и при смерти пришел к Москве в обитель Спасскую и преподобных отцов Андроника и Саввы, и расписали церковь стенным письмом и иконы, призыванием игумена Александра... и сами сподобились тут почить в Господе. <...>

Позднее в московском искусстве громко прозвучало еще одно имя – мастера Дионисия, но это случилось уже при великом князе Иване III. Постепенно иконопись, пришедшая на Русь из Византии, сделалась по-настоящему национальным русским искусством; показательно свидетельство путешественника XVII века Павла Алеппского, который еще имел счастливую возможность лицезреть многие фрески и иконостасы русских церквей в первоизданном виде: «Русские иконописцы не имеют себе подобных на лице земли по своему искусству, тонкости

и навыку в мастерстве... Ум человеческий не в силах постигнуть их (икон. – Ред.) сущность и оценить их превосходное выполнение».

Нашествие Едигея, 1408–1409 годы Тверская летопись, Симеоновская летопись

Ордынский темник Едигей, стремясь восстановить былое могущество Золотой Орды и собрать дань, которую Русь перестала платить после свержения хана Тохтамыша Тимуром, летом 1408 года двинулся на русские княжества. Положение усугублялось тем, что в это время Москва воевала с Литвой, которая отняла у Руси Смоленское княжество. Едигей разорил и сжег немало городов, в том числе Серпухов, Дмитров, Ростов, Переяславль, Нижний Новгород, Городец, а в декабре осадил Москву.

О продвижении Едигея к Москве повествует Тверская летопись:

Той же зимой пришел из Орды безбожный Едигей, и с ним два царевича, и множество татар на Рязанскую землю; разорили и много зла сделали земле Рязанской, и пошли к Коломне; коломенцы выбежали из города, татары же город Коломну сожгли и взяли откуп. Оттуда окаянный Едигей с войском татарским пришел в Москву, месяца ноября в тридцатый день, а в Москве: князь Владимир Андреевич, князь Андрей Дмитриевич, князь Юрий Козельский, Митрофан, епископ суздальский, а от бояр: Константин Иванович, Константин Дмитриевич, Дмитрий Васильевич, Михайло Федорович Морозов, Иван Федорович, Филипп Васильевич, Александр Федорович и прочие бояре и множество народа закрылись в городе.

Окаянный же Едигей, стоя у Москвы, начал рассылать рати по городам: кто пошел к Серпухову и город взял, кто к Можайску, кто к Звенигороду, кто к Дмитрову, и все разорили, стариков иссекли, а молодых в плен повели; иные пошли к Переяславлю, и переяславцы побежали от них; они же, окаянные сыроядцы, город зажгли, монастыри и святые церкви огню предали, старых убили, а молодых в плен взяли; некоторые же пошли к Ростову, а князь ростовский, епископ и люди ростовцы побежали от них, окаянные же татары город зажгли и святые церкви сожгли, а Зачаatieвский монастырь много раз хотели зажечь, но молитвою Пресвятой Богородицы помешала невидимая сила, не дала им зажечь.

А город Москву избавил Господь от иноплеменников, ради молитв Пресвятой Богородицы не отдал Господь людей своих в руки неверных; безбожный же Едигей и окаянные сыроядцы стояли у города у Москвы три недели, много зла сотворили земле Русской и пошли от города декабря в двадцатый день. Это великое зло случилось в земле Русской, с народом христианским из-за наших грехов.

Более подробно об осаде Москвы и о том, что происходило внутри городских стен, рассказывает Симеоновская летопись.

В эту же пору случилось так, что великий князь Василий рассорился с тестем своим великим князем Витовтом из-за каких-то дел о земле, что обычно бывало меж княжествами, ибо тогда Витовт владел всей Киевской и Литовской землей. Великий же князь Василий обо всех обидах от Витовта поведал полюбовно Едигею. Услышав о том, враждолюбец Едигей возликовал сердцем пуще кровожадного зверя, еще больше разжигая меж ними гнев. <...>

А на Москве <...> вскоре кто-то, прискакав, поведал, что враг уже вблизи города. Не успел Василий собрать и небольшой дружины, как город был осажден; он оставил в нем своего дядю, князя Владимира, брата – князя Андрея, и воевод, а сам с княгиней и с детьми уехал в Кострому. И город пришел в страшное смятение. И побежали люди, забывая и об имуществе, и обо всем на свете. И поднялась в людях злоба, и начались грабежи.

Велено было сжечь городские посады. Горестно было смотреть, как чудные церкви, создаваемые веками и своим возвышенным положением придававшие красоту и величие городу, в одно мгновение исчезали в пламени, как величие и красоту Москвы – чудные храмы – поглощает огонь.

Это было страшное время, – люди метались и кричали, и гремело, вздымаясь в воздух, огромное пламя, а город окружили полки нечестивых иноплеменников. И вот тогда, в пятницу, когда день уже клонился к вечеру, начали появляться полки поганых, разбивая станы в поле около города. Не посмели они стать близ града из-за городских орудий и стрельбы с городских стен, а расположились в селе Коломенском. И когда все это увидели люди, пришли в ужас: не было никого, кто бы мог противостоять врагу, а воины были распущены. И поганые жестоко расправлялись с христианами: одних посекали, а других уводили в плен. Так погибло бесчисленное множество людей: за умножение грехов наших смирил нас Господь Бог перед врагами нашими. Если где-либо появится хотя бы один татарин, то множество наших не смеет ему противиться, а если их двое или трое, то многие русские, бросая жен и детей, обращаются в бегство.

Так, казня нас, Господь смирил гордыню нашу. Так сбылось над людьми прежде бывшее знамение, когда в Коломне от иконы потекла кровь... И множество людей погибло, а иные от холода поумирали, ибо тогда, на погибель христианам, зима была лютая и стужа превеликая. <...>

Когда прошло двадцать дней, с тех пор как агарянин Едигей осадил славный град Москву, возомнил он о своем величии и надумал тут зимовать. И много дней гордился, окаянный, что покорил и опустошил все окружающие Москву города. Только один город был храним Богом по молитвам Пречистой его матери и ради ее животворящей иконы и архиепископа Петра. Жители, бывшие в городе в великом бедствии, впали в глубокое уныние, видя, что им никто не помогает и что от людей им нечего ждать спасения, и вспомнили Давида, который писал так: «Лучше уповать на Господа, чем уповать на князя; лучше надеяться на Бога, чем надеяться на человека».

И взмолились все люди к Богу, низко кланяясь и говоря: «Не предай зверям души рабов Твоих, Владыка! Если мы и согрешили перед Тобой, то во имя Твое святое пощади нас, Господи!» И, взирая со слезами на животворящую икону Пречистой Богородицы, горько восклицали так: «О постоянная Заступница наша, не предай же нас и теперь в руки врагов наших!» И милосердный Человеколюбец, еще не совсем разгневавшийся, увидев печаль людей своих и слезы их покаяния, утешает их вскоре, памятуя о милости к стаду своему: величавого и гордого агарянина Едигея устрасил, навел на измаилтянина трепет перед своей всевышней и карающей десницей. И агарянин, который похвалялся пробыть в православной земле долгое время и обещал зазимовать, вдруг, забеспокоившись, внезапно снялся с места и, не желая медлить ни единого дня, сказал дружине: «Или царство наше захватит другой, или Василий соберется на нас», – такая мысль смутила агарянина. Быстро посылает он к городу, сам прося мира: и как захотели горожане, так и замирился с ними окаянный Едигей и отошел. <...>

В Тверском княжестве взяли Клинскую волость, что приписана к церкви Святого Спаса, и убили множество людей, а других увели в плен.

В этот же год была большая дороговизна на всякую пищу. Многие христиане умерли от голода, а продавцы хлеба обогатились.

Вероятнее всего, снять осаду Едигея заставили события в Орде, где кипела ожесточенная борьба за престол. Так или иначе, Москва отразила последнее в своей истории нашествие татаро-монголов – большие они город не осаждали (позднее случались, скорее, разбойные набеги – враги в 1439 и 1451 годах лишь «посады сжигали»).

Смутные годы, 1425–1462 годы Московский летописный свод

Князь Василий Дмитриевич на смертном одре завещал трон своему сыну Василию Васильевичу, тем самым нарушив закон о престолонаследии, по которому трон должен был перейти к его брату князю Юрию Галицкому. Из-за этого завещания в государстве начались феодальные распри, растянувшиеся почти на тридцать лет; Юрий Галицкий и его сыновья Василий Косой и Дмитрий Шемяка упорно враждовали с князем Василием, который, будучи ослеплен Шемякой в 1446 году, получил прозвище Темный.

Политические неурядицы сопровождались природными и техногенными катастрофами. Так, в 1427 году на Русь обрушилось моровое поветрие; как сообщает Софийская летопись: «Осенью был мор велик во Пскове, в Новгороде Великом, в Торжке, в Твери, на Волоке, в Дмитрове, на Москве, и во всех городах русских и в волостях и селах». Четыре года спустя «засуха большая была, земля и болота горели, мгла же стояла шесть недель, так что и солнца не видно, и рыба в воде дохла. В тот же год Фотий-митрополит скончался». А в 1445 году в Москве произошел очередной пожар: «Тем же годом Москва погорела в полночи – с Кремля, от собора Архангельского, когда в нем скрывались, и многие люди сгорели, а иные задохнулись».

Что касается города, который за эти десятилетия не раз переходил из рук в руки, Москва продолжала отстраиваться, и в ней появлялись новые церкви, укрепленные посады, подворья, а также технологические новинки: так, еще в 1404 году на великокняжеском дворе были установлены первые на Руси часы. Летопись сообщает:

Князь великий на своем дворе за Благовещеньем часы поставил чудные велми и с луною, мастер же им чернец Лазарь из Сербии... Сей Лазарь, чернец Сербии, иже пришел из Сербской земли... Сей же часник наречен часомерьем, на всякий же час ударяет молотом в колокол, измеряя и рассчитывая часы ночные и дневные: не бо человек ударяет, но человековидно, самозвонно и самодвижно, страннолепно сотворено есть человеческой хитростью, преизмечтано и преухищрено. <...>

В городе тех лет уже имелись полноценные улицы, самая большая из которых называлась Великой и шла мимо Кремля вдоль Москвы-реки до Васильевского луга. Князь Василий Темный вместо обветшавшей деревянной церкви Иоанна Предтечи построил каменную. В его правление также был основан Крестовоздвиженский монастырь, от которого позднее получила свое название улица Воздвиженка; как сказано в летописи: «В тот же год (1450) Владимир Григорьевич Ховрин, купец и боярин великого князя, поставил перед своим двором церковь кирпичную Воздвижения Святого Креста».

В 1451 году к Москве вновь подступили монголы, и их набег вызвал в городе сильный пожар.

Юрьев день пришелся на пятницу на Страстной неделе. В тот же год приходили татары из Сиди-Ахметовой орды изгоном, и, прослышав о том, князь великий послал воеводу своего, князя Ивана Звенигородского, наместника коломенского, на берег к великой реке Оке. И увидел множество татар бесчисленное, и побежал от берега к великому князю, и сообщил ему о силе великой татарской, а князь великий не успел собрать войско и вышел из града Москвы, а в обороне оставил Иону-митрополита да мать свою, великую княгиню Софью, и свою великую княгиню Марию, а сам пошел к рубежу тверскому. Месяца июля второго подошел к Москве царевич, Сиди-Ахметов сын, а с ним князья великие из Орды, и Едигер со многими силами,

и зажгли дворы все на посаде; и разнес ветер огонь на город со всех сторон, и было страдание великое всем людям. Святитель же Иона-митрополит повелел всем священникам петь молебны по всему городу и множеству народа молиться Богу и Пречистой Его Матери, и великим чудотворцам Петру и Алексею, и ветер утих, а татары в ту же ночь скрылись от города прочь, услышав за стенами страшный шум и решив, что князь великий вернулся с огромным войском.

После отравления Дмитрия Шемяки (1453) по приказу великого князя к Москве были присоединены Можайское и Галицкое княжества, а сам Василий Темный последние годы жизни правил вместе с сыном Иваном: все «грамоты» издавались от имени двух великий князей. Когда же Василий умер, его старший сын взойшел на престол под именем Ивана III; этому правителю предстояло объединить вокруг Москвы значительную часть разобщенных русских земель, от Вятки до Новгорода.

В Москву привозят вечевой колокол, 1478 год Степенная книга, Софийская летопись, Константин Случевский

Иван III, «собиратель русских земель», первым из московских правителей начал именовать себя «государем всея Руси», и у него были к тому немалые основания: через год после вступления на престол он выкупил владения ярославских князей, затем совершил поход на Новгород и Псков, в результате которого Московское княжество захватило часть новгородских земель, потом предпринял второй поход на Новгород, и местная «вольница» признала власть Москвы; в 1485 году была присоединена Тверь, через четыре года – Вятка, а еще через год – часть княжества Смоленского.

Об итогах второго похода на Новгород повествует Степенная книга.

Многомудрый благочестия ревнитель, достохвальный супостатов победитель и собиратель Богом дарованного ему изначальнейшего отечества великий князь Иван Васильевич Владимирский и Новоградский и всея России самодержец возвратился к Москве с великой победой, тако же и вся братия его, и князи и бояре, и все воеводы, и все воинство их со многую корыстью... Великий князь пришел в славный град свой Москву, победив своих супостатов, казнил противящихся ему и не хотящих повиноваться ему, жестоковыхных отступников Новоградских, их же всех помощью Божией привел в свою волю, и многое богатство получил, и великую славу приобрел... Когда же великий князь Иван Васильевич всея России Великий Новоград совершенно во всю свою волю привел, тогда... были перенесены честные мощи великого чудотворца Петра митрополита... Когда же переносили оные, виден был над гробом его голубь белый, превысоко парящий, после покрывший мощи святого и так невидимый стал... И поставлена и освящена была церковь Благовещения Пречистой Богородицы на дворе великого князя. <...>

В подтверждение «смирения» Новгорода Иван Васильевич лишил город его символа – вечевого колокола, который перевезли в Москву.

И велел (великий князь. – Ред.) колокол вечный спустить и вече разорить... Не быть в Новгороде ни посадникам, ни тысяцким, ни вечу, и вечевой колокол сняли долу и на Москву свезли... И привезен бысть (колокол) на Москву, и вознесли его на колокольницу на площади, с прочими колоколами звонить. <...>

С перевозкой этой колокола, которая прошла вполне благополучно, связана легенда о возникновении валдайских поддужных колокольчиков. Будто бы «колокол-пленник» так и не добрался до Москвы: на склоне Валдайских холмов сани, на которых его везли, покатались вниз, колокол сорвался и разбился вдребезги. Однако произошло чудо – мелкие осколки начали превращаться в колокольчики, которые местные жители подобрали и стали отливать по их подобию свои. Другой вариант легенды упоминает конкретные имена – валдайского кузнеца Фому и странника Иоанна. Вечевой колокол, свалившись с горы, разбился на мелкие части. Фома, собрав горсть осколков, отлил из них звонкоголосый колокольчик. Этот колокольчик выпросил у кузнеца странник Иоанн, надел себе на шею и, сев верхом на свой посох, облетел всю Россию, разнося весть о вольнице новгородской и славя валдайских мастеров.

Поэт К. А. Случевский пересказал легенду в стихах:

Да, были казни над народом...
Уж шесть недель горят концы!
Назад в Москву свою походом
Собрались царские стрельцы.
Смешить народ оцепенелый
Иван епископа послал,
Чтоб, на кобылке сидя белой,
Он в бубны бил и забавлял.
И новгородцы, не переча,
Глядели бледною толпой,
Как медный колокол с их веча
По воле царской снят долой!
Сияет копий лес колючий,
Повозку царскую везут;
За нею колокол певучий
На жердях гнущихся несут.
Холмы и топи! Глушь лесная!
И ту размыло... Как тут быть?
И царь, добравшись до Валдая,
Приказ дал: колокол разбить.
Разбили колокол, разбили!
Сгребли валдайцы медный сор
И колокольчики отлили,
И отливают до сих пор...
И был старинную вещая,
В тиши степей, в глуши лесной,
Тот колокольчик, изнывая,
Гудит и бьется под дугой.

На самом деле впоследствии новгородский вечевой колокол был помещен на звонницу колокольни Ивана Великого, а в 1673 году, как гласит предание, его перелили во «вспокошный», иначе «набатный» колокол, в который звонили, предупреждая о пожаре. Восемь лет спустя этот колокол сослали в Николо-Карельский монастырь – за то, что его звон в ночи напугал царя Федора Алексеевича.

Повседневная жизнь москвичей в XV столетии Амброджо Контарини

Как известно, чужой взгляд обычно куда внимательнее собственного. Именно поэтому ниже приводится иностранное свидетельство о повседневной жизни московитов, как называли в Европе подданных московского правителя; автор этого наблюдения – венецианский посол при дворе персидского шаха А. Контарини, посетивший Москву по пути на родину.

Город Московия расположен на небольшом холме; он весь деревянный, как замок, так и остальной город. Через него протекает река, называемая Моско. На одной стороне ее находится замок и часть города, на другой – остальная часть города. На реке много мостов, по которым переходят с одного берега на другой.

Это столица, т. е. место пребывания самого великого князя. Вокруг города большие леса, их ведь вообще очень много в стране. Край чрезвычайно богат всякими хлебными злаками. Когда я там жил, можно было получить более десяти наших стайев пшеницы за один дукат, а также, соответственно, и другого зерна.

[Русские] продают огромное количество коровьего и свиного мяса; думаю, что за один маркет его можно получить более трех фунтов. Сотню кур отдают за дукат; за эту же цену – сорок уток, а гуси стоят по три маркета за каждого.

Продают очень много зайцев, но другой дичи мало. Я полагаю, что [русские] не умеют ее ловить. Торгуют также разными видами дикой птицы в большом количестве.

Вина в этих местах не делают. Нет также никаких плодов, бывают лишь огурцы, лесные орехи, дикие яблоки.

Страна эта отличается невероятными морозами, так что люди по девять месяцев в году подряд сидят в домах; однако зимой приходится запастись продовольствием на лето: ввиду больших снегов люди делают себе сани, которые легко тащит одна лошадь, перевозя таким образом любые грузы. Летом же – ужасная грязь из-за таяния снегов, и к тому же крайне трудно ездить по громадным лесам, где невозможно проложить хорошие дороги. Поэтому большинство поступают именно так [т. е. пользуются зимней дорогой].

В конце октября река, протекающая через город, вся замерзает; на ней строят лавки для разных товаров, и там происходят все базары, а в городе тогда почти ничего не продается. Так делается потому, что место это считается менее холодным, чем всякое другое: оно окружено городом со стороны обоих берегов и защищено от ветра.

Ежедневно на льду реки находится громадное количество зерна, говядины, свинины, дров, сена и всяких других необходимых товаров. В течение всей зимы эти товары не иссякают.

К концу ноября обладатели коров и свиней бьют их и везут на продажу в город. Так целыми тушами их время от времени доставляют для сбыта на городской рынок, и чистое удовольствие смотреть на это огромное количество ободранных от шкур коров, которых поставили на ноги на льду реки. Таким образом, люди могут есть мясо более чем три месяца подряд. То же самое делают с рыбой, с курами и другим продовольствием.

На льду замерзшей реки устраивают конские бега и другие увеселения; случается, что при этом люди ломают себе шею.

Русские очень красивы, как мужчины, так и женщины, но вообще это народ грубый.

У них есть свой папа, как глава церкви их толка, нашего же они не признают и считают, что мы вовсе погибшие люди.

Они величайшие пьяницы и весьма этим похваляются, презирая непьющих. У них нет никаких вин, но они употребляют напиток из меда, который они готовят с листьями

хмеля. Этот напиток вовсе не плох, особенно если он старый. Однако их государь не допускает, чтобы каждый мог свободно его готовить, потому что если бы они пользовались подобной свободой, то ежедневно были бы пьяны и убивали бы друг друга, как звери.

Их жизнь протекает следующим образом: утром они стоят на базарах примерно до полудня, потом отправляются в таверны есть и пить; после этого времени уже невозможно привлечь их к какому-либо делу.

В город в течение всей зимы собирается множество купцов как из Германии, так и из Польши. Они покупают исключительно меха – соболей, лисиц, горностаев, белок и иногда рысей. И хотя эти меха добываются за много дней пути от города Московии, больше в областях на северо-востоке, на севере и даже, быть может, на северо-западе, однако все съезжаются в это место и купцы покупают меха именно здесь. Меха скопляются в большом количестве также в городе, называемом Новгород, земля которого граничит почти что с Фландрией и с Верхней Германией; от Московии Новгород отстоит на восемь дней пути. Этот город управляется как коммуна, но подчинен здешнему великому князю и платит ему дань ежегодно.

Князь, насколько я понял, владеет большой страной и мог бы иметь достаточно людей [для войска], но множество среди них – бесполезный народ. В северо-западном направлении страна эта граничит с Германией, принадлежащей польскому королю.

Говорят, что существует некий народ язычников, не имеющий никакого правителя; однако, когда им взбредет в голову, они подчиняются русскому великому князю. Рассказывают, что некоторые из них поклоняются первой попавшейся вещи, а другие приносят в жертву какое-нибудь животное у подножия дерева, которому и поклоняются. Рассказывают еще о многом, но я помолчу об этом, так как ничего этого не видел и так как мне все это не кажется заслуживающим доверия.

Реконструкция Кремля, 1485–1495 годы Степенная книга, Хронограф, Московский летописный свод, Павел Иовий

Пожар 1445 года в Москве привел к тому, что Кремль, построенный Дмитрием Донским, существенно пострадал; как записано в летописи, «стены градские каменные пали во многих местах». Когда татарская угроза миновала, горожане «совокупившиеся» принялись заделывать проемы в стенах и укреплять каменную кладку деревом, и в 1451 году отряд ордынского царевича Мазовши «приступати ко всем вратам и где нет крепости каменной» – то есть к середине XV века Кремль из каменной крепости превратился в крепость каменно-деревянную.

Известный русский зодчий Василий Ермолин «поновил стену от Свибловой стрельницы до Боровицких ворот камнем» (1462), но это были лишь временные меры. Настоящую реконструкцию Кремля – скорее даже полную перестройку – предприняли после того, как великий князь Иван отказался платить дань Орде (1476) и после великого стояния на Угре (1480), когда стало понятно, что Орда еще достаточно сильна и может предпринять новый карательный поход на Русь. Для перестройки крепости пригласили итальянских мастеров – «фрязинов», то есть жителей Фрязии, как русские именовали Италию. Степенная книга сообщает о строительстве следующее:

Тогда же пришли к нему (Ивану. – Ред.) на Москву из Рима послы великого князя, Димитрий и Мануил Ивановы дети Раевы, и привели с собою к великому князю лекаря из Венеции и иных мастеров фряжских, каковые были премудры весьма в создании церквей и палат, и в литье пушек и иной златой всякой утвари, а такожде и серебряной, делать горазды, и град Москва каменный поставлен был новый округ деревянного града. Старейшина же мастеров был фрязянин Петр Архитектон. Также и двор великого князя весь прехитро каменный же поставлен был.

Хронограф за 1486–1488 годы прибавляет:

Того же лета повелением великого князя Ивана Васильевича всея Руси основал палату великую Марко Фрязин на великого князя дворе, где терем стоял. Того же лета свершил Марко Фрязин стрельницу на угле вниз по Москве, Беклемишевскую.

В лето 6996, месяца мая в 27 день, заложил Онтон Фрязин стрельницу вверх по Москве, где стояла Свибловская стрельница, а под нею вывел тайник. Того же лета, августа во 12 день, Павлин Фрязин Деббосит слил пушку великую. Того же месяца в 13 день, после обеда на 9-м часу дни, загорелась церковь на посаде Благовещение на Болоте, и от того погорело от града и до Кулишки, мало не дошло до Всех Святых, да Покров в Садах да по Неглинную, а церквей тогда сгорело 42... Того же лета повелением великого князя Ивана Васильевича Петр архитектон Фрязин поставил на Москве две стрельницы: едину у Боровских ворот, а другую над Константинополскими воротами, да и стену совершил от Свибловской стрельницы до Боровицких врат.

Вообще в Хронографе содержится немало известий, из которых можно составить своего рода хронику перестройки Кремля и сопровождавших ее событий – в частности, сообщается о страшном пожаре 1492 года.

(1490) Того же лета Петр Фрязин да Марко заложили две стрельницы: Никольскую да Фроловскую... Той же весны повелением великого князя архимандрит Спасский Афонасей заложил церковь камену на Новом Преображении Господа нашего Иисуса Христа. Того же лета совершили церковь и палату каменную на Симоновском дворе у Никольских ворот Введения Пресвятой Богородицы. Того ж лета Марко да Петр Антоний архитектор Фрязин свершили большую палату князя великого каменную на площади... Того же лета Петр Антоний Фрязин совершил стрельницу Фроловскую.

(1491) Того же лета поставили великому князю двор деревянный за Архангелом, на Ярославичском месте. Того же лета от Фроловской стрельницы и до Никольской заложили подошву и стрельницу новую над Неглинною с тайником заложили.

(1492) Той же весны, апреля в 16 день, на Радуницу, погорел град Москва изнутри весь, разве остался двор великого князя новый за Архангелом, а у Чудова монастыря казна выгорела... Того же лета повелением великого князя Ивана Васильевича церкви сносили и дворы за Неглинною, и поставили меру от стены до дворов 100 сажен да 10. Того же лета поставили стену деревянную от Никольской стрельницы до тайника до Неглинной. Того же лета повелением великого князя копали ров от Боровитской стрельницы и до Москвы до реки... Того же лета, июля в 16 день, во вторник, в 11 часу дня, зажгли гром с молнией верх маковицы большей, тес под железом у соборной церкви Успения Пречистой на Москве, а внутри церкви мало попало на царских дверях, да половина опоны сгорела на амвоне, да два болванца деревянных разразило под амвоном, а верх вскоре угас, и Божию милостью церкви не было пакости ничтоже... Того же лета, июля в 28 день, в неделю, в 7 часу дня, загорелась церковь, от небесного огня, на Песку святой Никола, и в том часу встала буря велия зело и кинула огонь на другую сторону Москвы реки и ко Всем Святым, оттоле за Неглинную к каменной церкви, к Егорию святому. И в том часу нечисленно начало гореть во многих местах, и выгорел посад за Неглинною, а от Духа святого по Черторию и по Бориса и Глеба на Орбате (это одно из первых упоминаний о знаменитой московской улице. – *Ред.*) и до Петровской слободы, а за Московою от Софии святой выгорело до Иакима и Анны, а из Заречья во граде загорелся великого князя двор и великой княгини, и оттоле на Подоле житницы загорелись и двор новый великого князя за Архангелом выгорел, и у Пречистой алтарь сгорел под немецким железом, и митрополичий двор выгорел, и во граде все лачуги выгорели... и церковь Ивана Предтечи у Богородских ворот выгорела, а в церкви поп сгорел, а под церковью казна княгини великой Софьи выгорела, и Богородская стрельница выгорела, и градная кровля обгорела, и новая стена деревянная у Никольских ворот сгорела, и из города торг загорелся и оттоле посады возле Москвы по Зачатия на Востром конце и по Васильевский луг и по Все Святые на Кулишке и оттоле по Ивана Богослова и по Старую Троицу, и Сретенская улица вся выгорела и до Всполья и церковь каменная Сретения сгорела. И много тогда людям скорби было, больше двухсот человек сгорели, а животов бесчисленно выгорело у людей. А все то погорело единым полуднем до ночи, а в летописце старые люди сказывают, как Москва стала, таков пожар на Москве не бывал.

Кроме возведения крепостных стен великий князь затеял перестройку кремлевских церквей. К этому вынудили обстоятельства: в 1474 году рухнул почти достроенный новый Успенский собор. Поскольку отечественные мастера отказались вести строительство, было решено искать архитекторов за рубежом – и в 1475 году в Москву прибыл итальянец Рудольфо Фиораванти, за свои познания в «ремесле» получивший прозвище Аристотель. Софийская летопись сообщает: «В лето 6983 (1475) на Велик день пришел из Рима посол великого князя Семен Толбузин, а привел с собой мастера, кой ставит церкви и палаты, именем Аристотель». Архитектор воспользовался в качестве образца Успенским собором во Владимире, а работы по строительству начал с того, что разобрал стены упавшего собора, при-

чем разбивал их «бараном» – своего рода деревянным тараном; по выражению летописи, «что три года делали, он в одну седмицу и даже менее развалил».

Московский летописный свод за 1479 год говорит:

Того же лета свершена была соборная и великая церковь Успения Богородицы на Москве... Была же та церковь чудна велми величеством и высотой, светлостью и звоностью и пространством, таковой даже прежде того не бывало на Руси, опричь Владимирской церкви... Мало уступит кому, яко един камень, понеже ибо князь великий, поскорбев от первой церкви падения, посылал посла своего в Итальянскую землю близ града Рима, и привел тот мастера от града Болонья, Аристотеля именем. Так глаголют о нем: «Яко в той всей земле нет иных таковых не только в каменном деле, но и в ином всяком, и колокола и пушки льет, и всякое устройство и города берет и бьет их». Сей Аристотель учинил основание крепко по своему, и заложил церковь, и начал делать по своей хитрости, а не яко московские мастера, а делали наши же мастера по его указу... Верхи же той церкви крыть привел князь великий из вотчины своей, из Новгорода Великого, мастеров, они же начали крыть прежде деревом хорошо велми, а по дереву железом немецким... Месяца августа... освящена была великая соборная апостольская церковь... И начали звонить во все колокола, и принесли в новую церковь и поставили раку с честными мощами среди церкви. <...>

Помимо Успенского собора, иконостас которого создавал мастер Дионисий, были перестроены Благовещенский (1484–1490, сюда перенесли из старой церкви иконы Феофана Грека и Андрея Рублева) и Архангельский (1505–1509) соборы. Также в Кремле возвели новый княжеский дворец (1487–1508), к числу палат которого принадлежала и Грановитая (1487–1491). Свое название эта палата получила по внешней «граненой» отделке; с левой стороны к ней примыкало Красное крыльцо – парадный вход в княжеский дворец.

О том, какое впечатление перестроенная Москва производила на современников, можно прочесть у немецкого путешественника Павла Иовия.

Город Москва по своему положению в самой середине страны, по удобству водяных сообщений, по своему многолюдству и, наконец, по крепости стен своих, есть лучший и знатнейший город в целом государстве. Он выстроен по берегу реки Москвы на протяжении пяти миль, и дома в нем вообще деревянные, не очень огромны, но и не слишком низки, и внутри довольно просторны; каждый из них обыкновенно длится на три комнаты: гостиную, спальную и кухню. Бревна привозятся из Герцинского леса; их отесывают по шнуру, кладут одно на другое, скрепляют на концах – и таким образом стены строятся чрезвычайно крепко, дешево и скоро. При каждом почти доме есть свой сад, служащий для удовольствия хозяев и вместе с тем доставляющей им нужное количество овощей; от сего город кажется необыкновенно обширным. В каждом почти квартале есть своя церковь; на самом же возвышенном месте стоит храм Богоматери, славный по своей архитектуре и величине; его построил шестьдесят лет тому назад Аристотель Болонский, знаменитый художник и механик. В самом городе впадает в р. Москву речка Неглинная, приводящая в движение множество мельниц. При впадении своем она образует полуостров, на конце коего стоит весьма красивый замок с башнями и бойницами, построенный итальянскими архитекторами. В полях, принадлежащих городу, водятся необычайное множество диких коз и зайцев, которых, однако, никто не имеет права ни ловить тенетами, ни травить собаками; только своим приближенным и послам иностранным Государь позволяет иногда иметь это удовольствие. Почти три части города омываются реками Москвою и Неглинною; остальная же часть окопана широким рвом, наполненным водою, проведенною из тех же самых рек. С другой стороны город защищен рекою Яузою, также впадающею в Москву несколько ниже города. Самая же Москва, протекая на юг, изливается под городом

Коломную в большую реку Оку, которая, в просторном течении своем, приняв в себя еще несколько других рек, широким устьем втекает в Волгу.

Три с половиной столетия спустя А. С. Пушкин напишет о белокаменной и златоглавой Москве:

*Но вот уж близко. Перед ними
Уж белокаменной Москвы,
Как жар, крестами золотыми
Горят старинные главы.
Ах, братцы! как я был доволен,
Когда церковей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!
Как часто в горестной разлуке
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!..*

Москва в начале XVI века, 1500-е годы Сигизмунд Герберштейн

К началу XVI столетия Московское княжество существенно расширило свои границы (на запад – почти до Киева), а великий князь в 1493 году принял титул «Божией милостью государя всея Руси»; само же государство в соответствии с его греческим названием стали именовать Россией (впрочем, вполне употребительным у иностранцев оставалось и название Московия).

В Москву зачастили послы европейских государств, и среди них был австрийский дипломат С. Герберштейн, посол дома Габсбургов. Его объемное сочинение фактически открыло Россию для Европы.

Город Москва среди других северных городов значительно выдается на восток, что нам нетрудно было заметить во время своего путешествия. Именно после того как, выехав из Вены, мы направились прямо в Краков, а оттуда проехали почти сто немецких миль к северу, то затем повернули на восток и таким образом в конце достигли Москвы, расположенной если не в Азии, то в крайних пределах Европы, где она более всего соприкасается с Азией... Сам город – деревянный и довольно обширен, а издали кажется еще обширнее, чем на самом деле, ибо весьма увеличивается за счет пространных садов и дворов при каждом доме. Кроме того, в конце города к нему примыкают растянувшиеся длинным рядом дома кузнецов и других ремесленников, пользующихся огнем, между которыми находятся поля и луга. Далее, неподалеку от города заметим какие-то домики и заречные слободы (за рекой – особый обнесенный стеной городок, где немного лет тому назад государь Василий выстроил своим телохранителям новый город Наливки; на их языке это слово значит «налей», потому что [другим] русским, за исключением нескольких дней в году, запрещено пить мед и пиво, а телохранителям одним только предоставлена государем полная свобода пить, и поэтому они отделены от сообщения с остальными, чтобы прочие не соблазнялись, живя рядом с ними). Недалеко от города находится несколько монастырей, каждый из которых, если на него смотреть издали, представляется чем-то вроде отдельного города. Следствием крайней обширности города является то, что он не заключен в какие-либо определенные границы и не укреплен достаточно ни стенами, ни рвом, ни раскатами. Однако в некоторых местах улицы запираются положенными поперек бревнами и при первом появлении сумерек так стерегутся приставленными для того сторожами, что ночью после определенного часа там ни для кого нет проходу (ночью в положенный час решетками или деревянными воротами, чтобы не было всякому свободного прохода туда и сюда с преступной целью). Если же кто после этого времени будет пойман, то его или бьют и обидают, или бросают в тюрьму (если только это не будет человек известный и именитый: таких людей сторожа обычно провозжат к их домам). Такие караулы помещаются обыкновенно там, где открыт свободный доступ в город, ибо остальную его часть омывает Москва, в которую под самым городом впадает Яуза, через которую из-за ее крутых берегов в редком месте можно перейти вброд. На ней выстроено очень много мельниц для общего пользования граждан. Вот эти-то реки до известной степени и укрепляют город, а он весь деревянный, кроме немногих каменных домов, храмов и монастырей. Число домов в этом городе, которое приводят они сами, невероятно: они утверждали, будто за шесть лет до нашего приезда в Москву по повелению государя дома были переписаны и число их превысило 41 500. Этот столь обширный и пространный город совершенно грязен, почему на площадях, улицах и других людных местах повсюду устроены мостки. В городе есть крепость, выстроенная из кирпича, которую с одной стороны омывает река Москва, с другой – Неглинная. Неглинная же вытекает из каких-то болот

и перед городом, около высшей части крепости, так запружена, что разливается в виде пруда; вытекая отсюда, она наполняет рвы крепости, на которых находятся мельницы, и наконец, как я уже сказал, соединяется с рекой Москвой. Крепость же настолько велика, что, кроме весьма обширных и великолепно выстроенных из камня хором государевых, в ней находятся просторные деревянные палаты митрополита, а также братьев государевых, вельмож и других очень многих лиц. К тому же в крепости много церквей, так что своей обширностью она прямо-таки напоминает город. Вначале эта крепость была окружена только бревнами и до времени великого князя Иоанна, сына Даниилова, была мала и незначительна. Этот князь по совету митрополита Петра первый перенес сюда столицу державы. А Петр, движимый любовью к некоему Алексию, который, будучи погребен там, говорят, прославился чудесами, еще раньше избрал себе резиденцией это место. Когда и он умер и был тут же погребен, то у его могилы стали тоже совершаться чудеса, и самое это место стало столь знаменито вследствие его религиозной святости, что все последующие государи, преемники Иоанна, признали необходимым устроить здесь столицу державы. Именно, по смерти Иоанна его сын, носивший с ним одно и то же имя, оставил столицу там; после него Димитрий, после Димитрия Василий, который женился на дочери Витольда и оставил по себе Василия Слепого. От него родился Иоанн, отец того государя, у которого я был послом; он первый начал окружать город стеной; это сооружение было окончательно завершено его потомками почти тридцать лет спустя. Укрепления этой крепости, главные храмы, так же как дворец государя, выстроены из кирпича на итальянский лад итальянскими мастерами, которых государь за большие деньги вызвал из Италии. Как я сказал, в этой крепости много церквей; почти все они деревянные, за исключением двух, более замечательных, выстроенных из кирпича: одна из них посвящена Пресвятой Деве, другая – святому Михаилу. В храме Пресвятой Девы похоронены тела двух архиепископов, которые были причиной того, что государи перенесли сюда столицу своей державы и устроили здесь митрополию, и за это главным образом они причислены к лику святых. В другом храме погребают усопших государей (в Архангельском соборе. – *Ред.*). Климат страны до такой степени здоровый, что там, за истоками Танаиса, в особенности в северном направлении, а также по большей части и к востоку, люди не припомнят, чтобы свирепствовала какая-либо зараза. Однако по временам у них бывает какая-то болезнь в кишках и в голове, очень похожая на заразу (*pestis*); они называют эту болезнь жаром, и те, кто заболевают ей, умирают в течение нескольких дней. Эта болезнь вспыхнула в Москве при нас и унесла одного из наших товарищей. Хотя они и живут в такой здоровой местности, но все же опасаются заразы всякий раз, как она бывает в Новгороде, Смоленске и Пскове, и всех, приезжающих оттуда к ним, не допускают не только в город, но и в страну.

Народ в Москве, говорят, гораздо хитрее и лукавее всех прочих и особенно вероломен при исполнении обязательств; они и сами прекрасно знают об этом обстоятельстве, а потому всякий раз, когда общаются с иностранцами, притворяются, будто они не москвиты, а пришельцы, желая тем внушить к себе большее доверие.

Упомянутые Герберштейном «сторожа» в русских документах эпохи назывались «решеточными приказчиками». Им вменялось в обязанность не только охранять улицы, но и бороться с пожарами, этим многовековым бедствием Москвы. Свое название служба получила от «решеток-рогаток», которые великий князь в 1504 году приказал устанавливать на улицах города и в ночное время запирали – «чтобы бою, грабежу, корчмы и табаку, никакого воровства не было, чтобы воры нигде не зажигали, не набросали огню, не накинцли ни со двора, ни с улиц». В том же году, после очередного пожара, было запрещено топить летом без крайней необходимости, зажигать в доме свечи, а кузнецам и прочим ремесленникам, работавшим с огнем, повелели устраивать плавильни и горны вдалеке от строений и жилищ.

Колокольня Ивана Великого, 1508 год Павел Алеппский, Михалон Литвин

Князь и государь всея Руси Иван III Васильевич скончался в 1505 году. Последним его градостроительным предприятием в Москве стал снос древней церкви Иоанна Лествичника и закладка на ее месте нового храма с колокольней. Никоновская летопись говорит: «...Тогда же [7013–1505 г.] и другую церковь разобрали, Иоанна Святого Лествичника, иже под колоколы, созданную от великого же князя Ивана Даниловича в лето 6836 [1328]; заложили нову церковь Иоанна Святого на старом месте». В той же летописи под 1508 годом читаем: «...Того же лета совершили церкви святого Архангела Михаила на площади и Иоанна Святого, иже под колоколы... а мастер церквам Алевиз Новый, а колокольницы Бон Фрязин».

Путешественник XVII века Павел Алеппский оставил свидетельство об устройстве колокольни.

Число ступеней в Ивановской колокольне, в которой висит огромный колокол, 144. Внутри башни, по окружности ее, есть многочисленные кельи. Из этой башни можно проникнуть туда, где висят два колокола, назначенные для звона в будничные дни и в канун праздников. Башню эту выстроил и снабдил колоколами в Бозе почивший царь Иоанн, пожертвовав в свое время 120 домов с достаточным содержанием для приставленных к колокольням людей, которые приходят по очереди еженедельно и неотлучно пребывают в упомянутых кельях ночью и днем для звона в колокола. В большие праздники и в дни крестных ходов, когда звонят во все колокола, звонари являются все и производят звон. <...>

Более ранних описаний колокольни не сохранилось, если не считать краткого упоминания в сочинении опричника Г. Штадена (1574): «...Посреди Кремля стояла церковь с круглой красной башней, на этой башне висели все большие колокола, что великий князь привез из Лифляндии».

Летописи приводят имена главных московских колоколов – Лебедь, Новгородский, Медведь, Широкий, Слободской, Ростовский; еще один колокол в западной арке колокольни был утрачен. Для звона в первые три колокола, весьма тяжелые, требовалось минимум два звонаря на каждый, как, вероятно, и для Широкого и Слободского; в Ростовский же, уступавший прочим весом, мог звонить и один человек. Помимо главных колоколов, на колокольне висели еще средние и малые, так называемые зазвонные колокола. Русские поэты часто «откликались» на звон колоколов «Ивана Великого». Приведем несколько строк из стихотворения А. И. Полежаева:

*Опять она, опять Москва!
Редет зыбкий пар тумана,
И засияли – голова
И крест Великого Ивана!
Вот он, огромный Бриарей,
Отважно спорящий с громами,
Но друг народа и царей
С своими ста колоколами <...>
Один крестьянин полудикой
Недаром молвил во слезах:
Велик Господь на небесах,*

*Велик в Москве Иван Великий...
И так хвала тебе, хвала,
Живи, цветы, Иван Кремлевский
И, утешая слух московский,
Гуди во все колокола!*

После смерти Ивана III на престол возшел его сын Василий (от Софьи Палеолог), в наследство которому досталась страна, забывшая о былой раздробленности. Итог правления Ивана III подвел в своем трактате «О нравах татар, литовцев и москвитян» литовский дипломат М. Литвин (настоящее имя, скорее всего, – Венцеслав Миколаевич).

И сегодня заволжские и происшедшие от них перекопские татары называют князя москвитян своим холопом, то есть мужиком. Но без основания. Ведь себя и своих людей избавил от этого господства Иван, дед того Ивана, сына Василия, который ныне держит в руках кормило власти, обратив народ к трезвости и повсюду запретив кабаки. Он расширил свои владения, подчинив себе Рязань, Тверь, Суздаль, Володов и другие соседние княжества. Он же, когда король Польши Казимир и князь Литвы сражался в Пруссии с крестоносцами за границы королевства, а народ наш погрязал в распущенности, отнял и присоединил к своей вотчине литовские земли, Новгород, Псков, Север и прочие; он, спаситель и творец государства, был причислен своими людьми к лику святых. – Ведь и стольный град свой он украсил кирпичной крепостью, а дворец – каменными фигурами по образцу Фидия, позолотив купола некоторых его часовен. Также и рожденный им Василий, поддерживая ту же трезвость и ту же умеренность нравов, в год 1514 в последний день июля отнятую у нас хитростью Михаила Глинского крепость и землю со Смоленском присоединил к своей вотчине. Вот почему он расширил стольный град свой Москву, включив в нее деревню Наливки, создание наших наемных воинов, дав ей название на позор нашего хмельного народа. Точно так же рожденный от него, правящий ныне... в такой трезвости держит своих людей, что ни в чем не уступает татарам, рабом которых некогда был; и он оберегает свободу не мягким сукном, не сверкающим золотом, но железом; и он держит людей своих во всеоружии, укрепляет крепости постоянной охраной; он не выпрашивает мира, а отвечает на силу силой, умеренность его народа равна умеренности, а трезвость – трезвости татарской. <...>

Москва – третий Рим и семь московских холмов, 1520-е годы Старец Филофей, Иван Забелин

В 1472 году Иван III женился на племяннице последнего византийского императора Софье (Зое) Палеолог, тем самым официально подтвердив статус Руси как наследницы Византийской империи и оплота православия. После свадьбы великий князь заимствовал в качества герба своего государства бывший герб Византии – двуглавого орла.

Не удивительно, что именно в правление Ивана и его сына Василия сложилась столь популярная впоследствии концепция «Москвы как третьего Рима». До России на статус наследницы Византии претендовали Сербия и Болгария, правители которых состояли в родственных отношениях с византийской династией. Притязания России на византийское наследство подтверждались географической близостью и общей верой двух стран, брачным союзом Ивана III и византийской принцессы и даже шапкой Мономаха – даром императора Византии киевскому князю Владимиру.

Из русских мыслителей первым изложил представление о Москве как третьем Риме митрополит Московский Зосима, однако традиционно формулировка идеи приписывается старцу Елеазарова монастыря в Пскове иноку Филофею, который неоднократно рассуждал о третьем Риме в своих посланиях великому князю Василию и великокняжескому наместнику дьяку М. Г. Мисюрю-Мунехину.

Государя великого князя дьяку, господину Михаилу Григорьевичу, твой нищий богомолец старец Филофей Бога молит и челом бьет. <...>

Итак, о всем том прекратив речи, скажем несколько слов о нынешнем преславном царствовании пресветлейшего и высокопрестольнейшего государя нашего, который во всей поднебесной единый есть христианам царь и правитель святых Божиих престолов, святой вселенской апостольской церкви, возникшей вместо римской и константинопольской и существующей в богоспасаемом граде Москве, церкви святого и славного Успения пречистой Богородицы, что одна во вселенной краше солнца светится. Так знай, боголюбец и христолюбец, что все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книгам, это и есть римское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать. Много раз и апостол Павел упоминает Рим в посланиях, в толкованиях говорится: «Рим – весь мир». Ведь на христианской церкви уже совершилось блаженного Давида слово: «Вот покой мой во веки веков, здесь поселюсь, как возжелал я». Согласно же великому Богослову: «Жена, облаченная в солнце, и луна под ногами ее, и младенец на руках у нее, и тотчас вышел змей из бездны, имеющий семь голов и семь венцов на головах своих, и хотел младенца этой жены поглотить. И даны были жене крылья великого орла, чтобы бежала в пустыню, и тогда змей из своих уст источил воду, словно реку, чтобы в реке ее утопить». Водой называют неверие; видишь, избранник Божий, как все христианские царства затоплены неверными, и только одного государя нашего царство одно благодатью Христовой стоит. Следует царствующему управлять им с великою тщательностью и с обращением к Богу, не надеяться на золото и на преходящее богатство, но уповать на все дающего Бога. А звезды, как я и прежде сказал, не помогут ни в чем, не прибавят и не убавят. Ибо говорит верховный апостол Петр в соборном Послании: «Один день пред Господом, как тысяча лет, а тысяча лет, как один день, – не задержит Господь награды, которую обещал, и долго терпит, никогда не желая погубить, желая всех привести к покаянию». Видишь ли, боголюбец, что в руках его дыхание всех сущих, ибо говорит: «Еще однажды потрясу не только землей, но и небом». И так как и апостолы еще не

были готовы, то сверх силы не велел вникать: Богословесный же наперсник в своем «Откровении» говорит: «В последние времена спасаясь, спаси свою душу, да не умрем второю смертью, в геенне огненной», но обратимся ко всемогущему во спасении Господу с мольбами искренними и усердными слезами восплачемся перед ним, чтобы смиловившись, отвратил ярость свою от нас, и помиловал нас, и сподобил нас услышать сладкий, блаженный и вожделенный его глас: «Приидите, благословенные, наследуйте уготованное вам царство Отца моего прежде создания мира».

По мере того, как представление о третьем Риме делалось все более популярным, сторонники этой идеи искали ее подтверждения во всем, от идеологии до географии. Отсюда берет свое начало расхожее суждение о том, что Москва стоит на семи холмах, подобно Риму. Уже в XVII столетии в сочинениях иностранцев, посетивших Россию, упоминание о «семихолмной Москве» становится общим местом. Известный москвовед И. М. Снегирев в XIX столетии предпринял разыскания, дабы обнаружить все семь московских холмов. Историк И. Е. Забелин рассказывает о поисках и гипотезах Снегирева и опровергает его выводы:

В том же Цареграде объявились сами собою предсказания, что победу над басурманством исполнит не кто иной, как именно русский род. Очень естественно, что наш летописец воспользовался этими гаданиями цареградских христиан и внес в летопись их же свидетельство, что если исполнились предсказания о гибели Цареграда, то исполнится и последнее предсказание, как пишут, что «русский род Измаилита победит и Седмохолмного примут и в нем воцарятся».

Таковы были ходячие легенды о Седмохолмном. Ясное дело, что по этим легендам и Третьему Риму, славному городу Москве, надо быть также Седмохолмному.

Топографическое расположение Москвы в действительности представляет как бы очень холмистую местность, где легко обозначить не только семь, но и более разнородных холмов. По-видимому, эта мысль о семи московских холмах уже ходила в народе с того времени, как было составлено сказание о Третьем Риме. Один из иноземных путешественников в Москву, Яков Рейтенфельс, еще в семидесятых годах XVII столетия упоминает уже о семи холмах и пишет между прочим, что «город (Москва) расположен на семи средних по высоте холмах, кои тоже немало способствуют наружной его красоте». Другой путешественник Эрколе Дзани (1672) тоже повествует, что город «заключает в своей окружности семь холмов».

Иностранцы едва ли могли сосчитать московские холмы, не очень явственные и для тутошних обывателей, а потому несомненно они записали только ходячее сведение у тогдашних грамотных москвичей, которые очень хорошо знали свои урочищные горы, напр., Красную горку возле университета, Псковскую гору в Зарядье, Гостиную гору у Николы Воробино, Лыщикову гору на Воронцове, Вшивую при устье Яузы и т. д. и по этим горам могли насчитать полных семь гор или семь холмов. Однако нам не встретилось никаких указаний на такое старинное перечисление московских холмов.

В наше время толки о семи холмах особенно настойчиво были проводимы известным историком Москвы Ив. М. Снегиревым.

В разыскании московских семи холмов принимали участие естествоиспытатель Фишер фон Вальдгейм, журналист Сенковский, историк Погодин.

Вероятно, при содействии Снегирева естествоиспытатель Фишер в месторасположении города нашел именно семь холмов, маковицы которых, т. е. самые высокие места, он указывает – для первого холма колокольню Ивана Великого. Другие маковицы находятся: для второго холма на Покровке церковь Успения Богоматери, для третьего – Страстной монастырь, для четвертого – Три Горы (Трехгорка. – *Ред.*), для пятого – Вшивая горка; для шестого –

Лафертово, т. е. Введенские горы, и наконец, для седьмого холма – местность от Нескучного до Воробьевых гор.

Погодин вместо Трех Гор указывал возвышенность от Самотеки и Трубы к Сухаревой башне. Сенковский насчитал девять холмов, полагая Три Горы за три холма.

По мнению Снегирева, вообще «Москва составляет такую котловину, коей дно усеяно холмами с их пригорками».

Таковы новейшие сказания собственно о месторасположении Москвы. По этому поводу мы приводим здесь наши наблюдения, изложенные в критическом разборе сочинения Снегирева.

Москва действительно лежит «на горах и долинах», но эти горы и долины образовались собственно от потоков ее рек и речек. В сущности же, в общем очертании Москва большей частью занимает ровную местность, что замечали и иностранные путешественники еще в XVI столетии. В ее черте нет даже таких перевалов, какие находятся, например, в ближайших окрестностях под именем «Поклонных гор». Горы и холмы Москвы суть высокие берега рек; долины и болота – низменные, луговые их берега; таким образом, эти горы будут горами только в относительном смысле. Кремль – гора в отношении к Замоскворечью, так как местность Ильинки или Варварки – гора в отношении к низменному Зарядью; Маросейка в отношении к Солянке (Кулижкам); но и Кремль, и Ильинка, и Маросейка суть ровные места в отношении к Сретенке, Мясницкой и т. д. Поток Москвы-реки, как и всех почти мелких рек Московской области, в своем извилистом течении, беспрестанно поворачивая в разных направлениях, образует почти при каждом более или менее значительном повороте обширные луга, долины, которые нередко своим общим видом, окруженные высокими берегами, представляют действительные котловины. В отношении таких-то котловин высокие берега, разумеется, становятся горами.

Месторасположение Москвы и состоит из таких гор и долин; в этом и заключается общая характеристика ее топографии, но это же самое не дает точного основания представлять местность Москвы «котловиною, усеянную на дне холмами».

Ровная местность, на которой, главным образом, расположена Москва, бежит к Москве-реке с севера от Дмитровской и от Троицкой (Ярославской) дороги.

Оттуда же, с севера, от боровой лесистой стороны к югу, в Москву-реку текут – Неглинная посредине; к востоку от нее – Яуза, а к западу – речка Пресня. Приближаясь к городу, эта ровная местность начинает распределяться потоками упомянутых трех рек на несколько возвышений, т. е. возвышений лишь относительно русла этих потоков, относительно тех небольших долин, которые ими промыты.

Главная, так сказать, станова возвышенность направляется от Троицкой и Миусской заставы сначала по течению речки Напрудной (Самотека), а потом Неглинной прямо в Кремль; проходит Мещанскими через Сухареву башню, идет по Сретенке и Лубянке (древним Кучковым полем) и вступает между Никольскими и Ильинскими воротами в Китай-город, а между Никольскими и Спасскими воротами – в Кремль, в котором, поворачивая несколько к юго-западу, образует, при впадении в Москву-реку Неглинной, Боровицкий мыс – срединную точку Москвы и древнейшее ее городище, где, на месте нынешней Оружейной палаты, против разобранной церкви Рождества Иоанна Предтечи на Бору, первой на Москве, были найдены даже курганные серебряные вещи. <...>

С восточной стороны эта продольная возвышенность, образуя посредине, в Земляном городе, между Сухаревой башней и Красными воротами или между Сретенкою и Мясницкою Дебрь или Дервь (Никола Дербенский) с ручьем Ольховцем, постепенно скатывается к Яузе, сходя в иных местах, в верхней северной части, почти на нет, а в иных, по нижнему течению Яузы, образуя довольно значительные взгорья, особенно подле Маросейки в Белом городе и подле Зарядья в Китай-городе. <...>

В Китай-городе та же возвышенность образует Псковскую гору, по которой идет улица Варварка с низменностью урочищ: Мокрое, Болото (Зарядье). Затем возвышенность с той же стороны делает по Москве-реке Кремлевское береговое взгорье с низиной впереди к реке, называемой Кремлевским Подолом.

Другая часть той же северной ровной возвышенной местности идет в город от северо-запада, от дорог Дмитровской и Тверской, почти параллельно правому берегу Неглинной, который спускается к реке вообще довольно покато. С западной стороны этой возвышенности, также от севера, течет Пресня, с ручьями, опуская местность постепенно к Пресненским прудам.

Та же местность, приближаясь с западной стороны к Москве-реке по сю сторону Пресни, образует крутые берега в Дорогомилове, которые, идя дальше, постепенно понижаются к Девичьему монастырю. За Пресней те же берега делают урочище Три Горы, с новым Ваганьковым.

Проходя по Занеглименью, эта же возвышенность делится у Белого города на две ветви Сивцевым Вражком (по Пречистенскому бульвару). Одна ветвь, восточная, в Белом городе образует урочище Красную Горку (университет) и Остров (Воздвиженка), а при впадении в Москву-реку Черторыи – мыс, где теперь новый храм Спасителя и где найдены арабские монеты половины IX века. Другая, западная ветвь, в Земляном городе, образует возвышенность Пречистенки и Остоженки, за которыми на юго-запад уходит в Девичье поле и в Москворецкие луга за Девичьим монастырем к Воробьевым горам.

Замоскворечье представляет луговую низменность, где по берегу против Кремля и Китая находился великокняжеский Великий луг и Садовники. В середине, ближе к западу, на Полянке эта низменность имела также Дебрь или Дербь (церковь Григория Неокесарийского, что в Дербицах), а к Москве-реке, с той же западной стороны, оканчивается береговыми взгорьями – урочищами: Бабьим городком, Васильевским (Нескучное), Пленицами (связки плотов дровяного и строевого леса), где Андреевский монастырь, проходя такими же взгорьями к Воробьевым горам. Такова общая характеристика месторасположения Москвы.

Впрочем, предание о семи холмах, на которых якобы стоит Москва, остается широко известным по сей день.

Новодевичий монастырь, 1524 год Степенная книга, духовная грамота Василия III

В числе исторических московских достопримечательностей, наряду с Кремлем, Красной площадью и Замоскворечьем, неизменно упоминается Новодевичий монастырь, некогда располагавшийся вне городской черты. Не в последнюю очередь нынешняя известность монастыря связана с одноименным кладбищем, на котором в XX столетии стали хоронить «лица с общественным положением». Тем не менее и сам монастырь, основанный великим князем Василием III на Девичьем поле (Хамовники) в 1524 году в честь иконы Смоленской Богоматери Одигитрии в благодарность за взятие Смоленска, оставил значительный след в истории: в частности, здесь был избран на царство Борис Годунов, сюда после стрелецкого бунта заточили царевну Софью.

Степенная книга говорит:

Того же лета великий князь воздвиг над Москвой-рекою за посадом преименитую общую обитель, в ней же храм Пречистой Богородицы, и тут собрал инокинь девического чину множество; им же была начальница благоверная и благочинная инокиня Елена, зовомая Девочкина, монастыря Покровского из Суздаля, и прочие с нею избранницы инокини. <...>

В духовной грамоте (завещании) великий князь Василий Иванович подробно говорит об основании монастыря.

Да была на то Божья воля, достал свою вотчину город Смоленск и земли Смоленские, и тогда обещал поставить на Москве на посаде девичий монастырь, а в нем храмы во имя Пречистой, да Происхождения Честного Креста, и иные храмы; а которые храмы в том монастыре поставил, тому велел написать запись дьяку своему Трифону Ильину своею рукой, да дать печатнику своему Ивану Третьякову. А дать обещал в тот монастырь от своих сел дворцовых село или два; а пашни в тех селах в одном поле тысяча четвертей, а в двух полях по тому же, да на строение тому монастырю три тысячи рублей денег, и ныне того монастыря соорудить не успел. И ведая, что Божия воля надо мною станется, а того монастыря при своем животе не успею соорудить, приказал казначеям своим и приказным своим людям на том месте тот монастырь соорудить, и из сел из своих из дворцовых в тот монастырь велел дать село или два, в одном поле на тысячу четвертей, а в двух полях по тому же; а на строение тому монастырю наши казначеи выдадут три тысячи рублей денег.

В июле 1525 года в монастырь торжественно перенесли список с чудотворной иконы Смоленской Богоматери. В грамоте Ивана Грозного (1571) монастырь именуется «Пречистой Одигитрии новым девичьим»; это именование было призвано отличить новый монастырь от «старого девичьего», иначе Зачатьевского, основанного митрополитом Алексием в XIV веке.

Пятиглавый собор Новодевичьевого монастыря строился по образцу кремлевского Успенского собора. Другие же архитектурные шедевры, прославившие монастырь, были возведены уже в конце XVII столетия, при деятельном участии царевны Софьи, – и трапезная, и колокольня, и надвратные церкви.

Повседневная жизнь, 1526 год Сигизмунд Герберштейн

О повседневной жизни средневековых горожан Москвы оставил воспоминания австрийский дипломат С. Герберштейн.

В каждом жилом доме на почетном месте у них находятся образа святых, нарисованные или литые. Когда один из них приходит к другому, то, войдя в дом, он тотчас обнажает голову и оглядывается кругом, ища, где образ. Увидев его, он трижды осеняет себя крестным знаменем и, наклоня голову, говорит: «Господи, помилуй». Затем он приветствует хозяина такими словами: «Дай бог здоровья». Потом они протягивают друг другу руки, целуются и кланяются, причем один все время смотрит на другого, чтобы видеть, кто из них ниже поклонился и согнулся, и так они склоняют голову по очереди три или четыре раза, как бы состязаясь друг с другом в проявлении взаимного почтения. После этого они садятся, а по окончании своего дела гость выходит прямо на середину комнаты и, обратив лицо к образу, снова трижды осеняет себя крестным знаменем и повторяет, наклоня голову, прежние слова. Наконец, обменявшись (с хозяином) приветствиями в прежних выражениях, гость уходит. Если это человек, имеющий определенную власть, то хозяин провожает его до лестницы; если же это человек еще более знатный, то и еще дальше, принимая в расчет и учитывая достоинство каждого. Они соблюдают странные обряды. Именно, ни одному лицу более молодому или более низкого звания нельзя въезжать в ворота дома какого-нибудь более пожилого или более знатного лица, но надо спешиться. Для людей бедных и незнакомых труден доступ даже к низшей знати, которые показываются в народ очень редко, чтобы сохранить тем больше значительности и уважения к себе. Также ни один знатный человек из тех, кто побогаче, не пойдет пешком даже до четвертого или пятого дома, если за ним не следует лошадь. Однако в зимнее время, когда они не могут безопасно ездить по льду на неподкованных лошадях или если отправляются ко двору государя или в храм Божий, то обычно оставляют лошадей дома, а когда они идут пешком, то несут в руках (некие) трости, что, впрочем, прилично не всякому, а только более молодым либо невысокого звания.

Господа, находясь дома, обыкновенно сидят и редко или никогда не занимаются чем-нибудь, прохаживаясь. Они сильно удивлялись, когда видели, как мы расхаживаем в наших гостиницах и на прогулке часто занимаемся делами. <...>

И область московская не отличается ни просторностью, ни плодородием; плодородности препятствует главным образом ее песчаная повсюду почва, в которой посевы погибают при незначительном избытке сухости или влаги. К этому присоединяется неумеренная и чересчур жестокая суровость климата, так что, если зимняя стужа побеждает солнечное тепло, посевы иногда не успевают созреть. В самом деле, холод там бывает временами настолько силен, что, как у нас в летнюю пору от чрезвычайного зноя, там от страшного мороза земля расседается; в такое время даже вода, пролитая на воздухе, или выплюнутая изо рта слюна замерзают прежде, чем достигают земли. Мы лично видели, как от зимней стужи прошлого года совершенно погибли ветки плодовых деревьев. В тот год стужа была так велика, что очень многих ездовых, которые у них называются гонцами, находили замерзшими в их возках. Случалось, что иные, которые вели в Москву из ближайших деревень скот, привязав его за веревку, от сильного мороза погибали вместе со скотом.

Село Коломенское и церковь Вознесения, 1532 год Воскресенская летопись, Гектор Берлиоз, Иван Андреевский, Сергей Гаврилов

Еще одним «религиозным аванпостом» растущей Москвы стало село Коломенское. Впервые оно упоминается еще в духовной грамоте Ивана Калиты, которая датируется 1339 годом: «...А се дал есмь сыну своему Андрею: ...село Ясиновское, село Коломнинское, село Ногатинское». Свое название это село получило от города Коломна; предание гласит, что Коломенское основали беженцы из Коломны, спасавшиеся от жестоких воинов хана Батыея в 1237 году. В летописях упоминается, что здесь останавливались перед возвращением в Москву войска Дмитрия Донского после Куликовской битвы, а археологические раскопки позволили установить, что именно в Коломенском некогда находилось городище Дьяково – древнейшее человеческое поселение на территории Москвы.

В 1532 году князь Василий III – как считается, в честь рождения сына Ивана, будущего Ивана Грозного, – после паломничества по святым местам «ради обретения чадородия» – заложил в Коломенском, которое в ту пору являлось летней усадьбой московских князей, церковь Вознесения Господня (архитектор – итальянец Пьетро Аннибале, Петрок Малый летописей). По другой версии, храм строился не как обетный, а как молельный, то есть в нем великий князь собирался молить Бога о ниспослании наследника. Так или иначе, церковь была построена – на крутом берегу Москвы-реки; по соседству с нею несколько десятилетий спустя появились церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи и церковь Святого Георгия Победоносца с колокольней.

О построенной церкви Вознесения летописец упомянул так:

Того же лета свершена была в Коломенском церковь каменная Вознесения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Бе же церковь та вельми чудна высотой, красотою и светлостью, такова не бывала прежде сего на Руси. Князь же великий Василий Иванович, государь всея Руси, возлюбил ее и украсил всякою добротой, каковой достойна Божия церковь, честными и святыми сосудами и святыми владычными образами Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и пречистой Царицы Девы Богородицы Марии... и святых, Ему угождавших, обложенными золотом и серебром, и повелел ее благочестивый государь освятить.

И столетия спустя впечатление от церкви ничуть не ослабело, как явствует из мемуаров французского композитора Г. Берлиоза.

Ничто меня так не поразило в жизни, как памятник древнерусского зодчества в селе Коломенском. Много я видел, многим любовался, многое поражало меня, но время, древнее время в России, которое оставило свой памятник в этом селе, было для меня чудом из чудес. Я видел Страсбургский собор, который строился веками, я стоял вблизи Миланского собора, но кроме налепленных украшений я ничего не нашел. А тут предо мною предстала красота целого. Во мне все дрогнуло. Это была таинственная тишина. Гармония красоты законченных форм. Я видел какой-то новый вид архитектуры. Я видел стремление ввысь, и я долго стоял ошеломленным.

В 1917 году в церкви произошло обретение Державной иконы Богоматери. О том, как это произошло и какие чувства вызвало у верующих, вспоминал профессор И. М. Андреевский (Андреевский).

Вскоре после трагического отречения государя императора Николая Александровича от престола, которое произошло 2 марта 1917 года, всю Россию облетело известие, что именно в этот день в селе Коломенском под Москвой (в 6 верстах от Даниловской заставы) произошло чудесное явление новой иконы Божией Матери, названной «Державной», так как Царица Небесная была изображена на этой иконе как Царица земная.

Пораженный этим известием, в начале лета 1917 года я решил отправиться в Москву и попытаться пробраться в село Коломенское, чтобы поклониться новоявленной иконе и лично узнать обстоятельства ее явления.

Господь помог мне осуществить мое намерение, хотя подобные паломничества в то время были чрезвычайно затруднительны. Одна добрая знакомая, раба Божия Мария (научная сотрудница Московского университета, большая специалистка по старинной русской иконописи), проживавшая постоянно в Москве и уже успевшая побывать в селе Коломенском, – взялась помочь мне, и мы вдвоем с ней отправились в путешествие. От Москвы до села Коломенского мы прошли пешком. Пришли к священнику Вознесенской церкви села Коломенского о. Николаю. Он нас встретил очень приветливо и ласково, накормил, показал свои многочисленные домашние иконы и рассказал следующее.

Благочестивой мирянке, крестьянке Броницкого уезда Жирошкинской волости деревни Починок Евдокии Ивановне Адриановой, проживавшей в слободе Перерве, была открыта воля Пресвятой Богородицы: 13 февраля (на следующий день после праздника Иверской иконы Божией Матери) в сонном видении некий голос сообщил ей о большой черной иконе, находящейся в храме села Коломенское. Сию икону нужно взять, сделать красной и пусть молятся. Как бы в ответ на усердную молитву, 26 февраля Адрианова увидела во сне белый храм и находящуюся в нем женщину, в которой своим сердцем она признала и ощутила Царицу Небесную, хотя и не увидела Ее святого лика.

2 марта Евдокия Ивановна отправилась из Перервы в Коломенское. Она сразу же узнала ту самую церковь, которую видела во сне. Настоятелем храма был священник о. Николай Лихачев.

Выслушав заявление Андриановой, священник пригласил ее в храм, где показаны были ей все иконы, находящиеся на своих местах в ризах; осмотрев их, Андрианова спросила, нет ли где еще икон? На этот вопрос священник приказал церковному сторожу и бывшему в храме прихожанину принести из подвала самую большую икону; когда ее принесли, то на ней от осевшей пыли не было видно лика, тотчас же промыли икону и на ней оказалось изображение Царицы Небесной, восседающей на Царском Троне, в руках имея скипетр и державу в красной мантии, на голове корона, на коленях Божией Матери – Благословляющий Спаситель. Андрианова, находя, что эта икона вполне соответствует ее видениям, тотчас же попросила отслужить молебен, и с этого времени стала разноситься слава об иконе среди всех окрестных жителей, и весьма многие прибегают к помощи Царицы Небесной.

Весть о явлении новой иконы в день отречения государя от престола 2 марта 1917 г. быстро понеслась по окрестностям, проникла в Москву и стала распространяться по всей России. Большое количество богомольцев стало стекаться в село Коломенское и перед иконой были явлены чудеса исцеления телесных и душевных недугов, как об этом стали свидетельствовать получившие помощь. Икону стали возить по окрестным храмам, фабрикам и заводам, оставляя в Вознесенской церкви села Коломенского только на воскресные и праздничные дни. Мы с рабой Божией Марией пришли поклониться иконе именно в воскресенье.

После своего рассказа о. Николай повел нас в церковь. При входе в храм я сразу же заметил направо около клироса большую (мне показалось, даже огромную), узкую темную икону. Царица Небесная была изображена как Царица земная, восседающая на царском троне, в темно-красной царской порфире на зеленой подкладке, с короной на голове и скипетром и

державой в руках. На коленях находился благословляющий Богомладенец. Необычайно для Богоматери был строг, суров и властен взгляд ее скорбных очей, наполненных слезами.

В трепете и страхе, с мольбой о прощении, упал я ниц и после троекратного земного поклона приложился к иконе. Долго, молча, сосредоточенно, внимательно, с сердцем, захлебывающимся от горьких слез покаяния и сладких слез умиления и благодарности, смотрел я на дивную икону, овеянную духовным благоуханием святости и тонким физическим запахом розового масла.

Мы с рабой Божией Марией словно окаменели: молча вышли из храма, молча, со слезами поблагодарили священника и молча пешком отправились в Москву. <...>

Через несколько недель мне вторично удалось побывать в селе Коломенском, и я был глубоко потрясен изменением иконы: она сама собой обновилась, стала светлой, ясной и... «красной», так как особенно ярко стала бросаться в глаза царская порфира, как бы пропитанная кровью.

С радостным страхом и покаянным трепетом начал народ русский молиться «Державной» иконе Божией Матери по всей России, а сама икона в бесчисленных копиях стала украшать все русские храмы. Появился дивный акафист и канон этой иконе, слушая который вся церковь падала на колени. <...>

В советское время храм Вознесения входил в состав музея-усадьбы «Коломенское», основанного в 1923 году. В 1990 году храм вернули церкви, а четыре года спустя он получил статус патриаршего. При этом предпринятая в конце 1970-х годов и продолжавшаяся до окончания столетия реставрация едва не уничтожила церковь. Бывший главный архитектор музея «Коломенское» С. А. Гаврилов писал:

В 1970-е годы в повышении уровня воды в Москве-реке, в границах территории Коломенского, не только не было необходимости, но и запрещено законом, так как это противоречит статусу заповедника. Здесь судовую проходимость можно было улучшить углублением русла, но городским руководством было «решено», поэтому сделали повышение.

Строительство начиналось под предлогом противооползневых работ. Берегоукрепительные меры должны были заложить в проекте, но нас (реставраторов) к нему даже не подпустили. Подлинные родники, над которыми была построена церковь, составлявшие с ней единый архитектурно-природный комплекс, были при строительстве просто завалены грунтом. По проекту строительства в основание набережной забили шпунтовые сваи, исключая возможность дренирования грунтовых вод, а при производстве «забыли» устроить водосборный коллектор и ложе для него стали выдалбливать в бетоне отбойными молотками только после нашего письма Брежневу (качественно сделать уже не смогли), отказались также от облицовки берега железобетонными плитами, иначе природное основание церкви Вознесения было бы похоже на септик (отстойник), но с мраморными лестницами, от которых тоже отказались по нашему требованию. Саму набережную строители построили полностью и в срок. Но проведенные работы привели к обратному результату. Грунтовая вода поднялась выше, образовала случайные промоины, берег заболотился. В результате оползневый процесс активизировался. В 1980-е годы грунты смещались на 20–25 миллиметров в год. Максимальные смещения грунта зафиксированы противооползневой станцией в 1987 г. Однако было «решено, что оползень побежден», и одновременно с максимальным смещением грунта наблюдения противооползневой службы прекратили. Перед Олимпиадой реставрационные и исследовательские работы были «временно приостановлены». Комплексные исследования памятника, начатые в 1990 г., прекратила директор музея, напуганная критической передачей телепрограммы «Добрый вечер, Москва», хотя надо было ответить на несправедливую критику. По программе-90 в фундаментной плите шурфов не было. Все последующие попытки продолжить исследование

церкви, в том числе инструментальное наблюдение за просадками и за отклонениями памятника от вертикали (1994 г.), а также исследования геофизиков 1997–1998 гг. были прекращены из-за отсутствия финансирования. В 1996 г. московское правительство выделяло на изыскания по памятнику 1 млрд руб., но об использовании этих средств мне ничего не известно.

В 1998 г., когда мне стали известны результаты исследования геофизиков, я составил заключение о неудовлетворительном состоянии памятника (правильность моих выводов подтвердили специалисты по основаниям и фундаментам Московского государственного строительного университета) и с сопроводительным письмом, подписанным директором музея, отвез в Главное управление охраны памятников. Письмо содержало единственную просьбу: рассмотреть состояние церкви Вознесения на методсовете ГУОП, с привлечением широкого круга специалистов. Ответ специалистов органа охраны памятников был таким, каким его хотела увидеть директор музея. Дело в том, что по Коломенскому была принята установка: «В Коломенском проблем нет!», а заключение о неудовлетворительном состоянии главного памятника музея к этой директиве никак не подходило. <...>

В 2007 году реставрация церкви завершилась.

С Коломенским также связаны некоторые легенды из числа тех, которые принято относить к «городскому фольклору». Так, один из оврагов, который называют Голосовым, считается электромагнитной и пространственно-временной аномалией, в которой якобы пропадают люди. Сторонники аномальной гипотезы ссылаются, в частности, на доклады полицейского управления Московской губернии за 1825–1917 годы, в которых неоднократно отмечались случаи загадочного исчезновения жителей сел Коломенское, Дьяково, Садовники и Новинки. В газете «Московские ведомости» за 9 июля 1832 года сообщалось о двух крестьянах, пропавших в 1810 году и вернувшихся двадцать один год спустя. Также рассказывают о том, что в Коломенском прячется реликтовый гоминид. Еще в селе долгое время – и безуспешно – искали знаменитую библиотеку Ивана Грозного.

Китай-город и казни за порчу денег, 1534–1538 годы Воскресенская летопись

Князь Василий Иванович умер в 1533 году; поскольку его сыну Ивану было всего три года, опекунство до совершеннолетия будущего князя было доверено его матери, Елене Глинской. При этом все документы издавались от имени «великого князя Ивана Васильевича всея Руси и его матери». Правление Елены оказалось для Москвы весьма благотворным: был проложен земляной вал, окруживший посады, а чуть позднее эти посады обнесли каменной стеной. Воскресенская летопись сообщает:

Той же весной повелением великого князя Ивана Васильевича всея Руси и его матери великой княгини Елены сделан был град в Москве земляной по тому месту, где же мыслил его отец князь великий Василий ставить... Того же лета... князь великий Иван Васильевич всея Руси и его мать великая княгиня Елена повелели град каменный ставить подле Земляного города, а того дня повелели отцу своему Даниилу митрополиту со всем священным собором, с крестами и с иконами, идти тем местом граду где быть и святой водою кропить, а мастеру Петру Малому Фрязину повелели подошву городскую создать.

В этом отрывке из летописи речь идет об обнесении стеной главного московского посада, носившего название Пожар (из-за того, что он часто горел) или Китай-город. Летописец лаконично говорит: «Нарекоша граду имя Китай»; по мнению большинства исследователей, это название происходит от древнерусского слова «кита» – веревка, сплетенная из хвороста или соломы.

Кроме того, сразу после вступления в права опекунства Елена Глинская провела в государстве денежную реформу. Целями реформы были унификация денежного обращения и борьба с «порчей монет», в которых «ловкие людишки» снижали количество серебра. Летопись говорит:

Того же месяца марта князь великий Иван Васильевич всея Руси и его мать великая княгиня Елена велели переделывать старые деньги на новый чекан того ради, что было в старых деньгах много обрезанных денег и подмеса, и в том была христианству великая тягость: в старой гривенке было полтрети рубля, а в новых гривенках велели делать по три рубля, а поддельщиков, которые людям деньги подделывали и обрезали, тех велели обыскивать, и иных, обыскав, казнили, а старым деньгам широко ходить не велели.

В частности, именно в ходе этой реформы появилась монета копейка – от изображенного на ней Георгия Победоносца, убивающего змея копьём. Впрочем, как отмечает современный исследователь, «с нумизматической точки зрения монетная реформа 1535–1538 годов имеет ряд особенностей и загадок: изображение на деньгах “ездца с копьём” появилось не сразу. Первоначально была “мечевая копейка”, монета весом с копейку, но всадник на ней изображен не с копьём, а с мечом».

Пожар и восстание, 1547 год Иван Грозный, Летописный сборник XVII века, Новгородская летопись

Великая княгиня Елена скончалась в 1538 году, власть в государстве, поскольку князь Иван еще не достиг совершеннолетия, принялись оспаривать боярские семейства – Глинские, Шуйские, Бельские. Впоследствии Иван Васильевич писал князю Курбскому:

Когда же Божьей судьбой родительница наша, благочестивая царица Елена, переселилась из земного царства в небесное, остались мы с покойным братом Георгием круглыми сиротами – никто нам не помогал; осталась нам надежда только на Бога, пречистую Богородицу, на всех святых и на родительское благословение. Было мне в это время восемь лет; подданные наши достигли осуществления своих желаний – получили царство без правителя, об нас, государях своих, заботиться не стали, бросились добывать богатство и славу и напали при этом друг на друга. И чего только они не наделали! Сколько бояр и воевод, доброжелателей нашего отца, перебили! Дворы, села и имения наших дядей взяли себе и водворились в них! Казну матери перенесли в Большую казну, и при этом неистово пихали ее ногами и кололи палками, а остальное разделили между собой. А ведь делал это дед твой, Михайло Тучков. Тем временем князь Василий и Иван Шуйские самовольно заняли при мне первые места и стали вместо царя, тех же, кто больше всех изменяли нашему отцу и матери, выпустили из заточения и привлекли на свою сторону. А князь Василий Шуйский поселился на дворе нашего дяди, князя Андрея Ивановича, и его сторонники, собравшись, подобно иудейскому сонмищу, на этом дворе захватили Федора Мишурина, ближнего дьяка при нашем отце и при нас, и, опозорив его, убили; князя Ивана Федоровича Бельского и многих других заточили в разные места; подняли руку и на церковь: свергнув с престола митрополита Даниила, послали его в заточение, и так осуществили свои желания и сами стали царствовать. Нас же с покойным братом Георгием начали воспитывать как иностранцев или как нищих. Какой только нужды ни натерпелись мы в одежде и в пище! Ни в чем нам воли не было; ни в чем не поступали с нами, как следует поступать с детьми. Припомню одно: бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель нашего отца и положив ногу на стул, а на нас и не смотрит – ни как родитель, ни как властелин, ни как слуга на своих господ... Все расхитили коварным образом, – говорили, будто детям боярским на жалованье, а взяли себе, а их жаловали не за дело, назначали не по достоинству; бесчисленную казну нашего деда и отца забрали себе и наковали себе из нее золотых и серебряных сосудов и надписали на них имена своих родителей, будто это их наследственное достояние; но известно всем людям, что при матери нашей у князя Ивана Шуйского шуба была мухояровая [полушерстяная] зеленая на куницах, да еще на ветхих, – так если бы это было их наследственное имущество, то чем сосуды ковать, лучше бы шубу переменить, а сосуды ковать, когда есть лишние деньги. Что касается казны наших дядей, то ее всю захватили. Потом напали на города и села, мучили различными способами жителей, без милости грабили их имения.

Так они жили долгое время, но когда я стал подрастать, я не захотел быть под властью своих рабов; князь Иван Васильевич Шуйского отправил служить вдали от себя, а при себе велел быть своему боярину князю Ивану Федоровичу Бельскому. Но князь Иван Шуйский, собрав многих людей и приведя их к присяге, пришел с войсками к Москве, и его советники, Кубенские и другие, еще до его приезда захватили боярина нашего, князя Ивана Федоровича Бельского, и иных бояр и дворян и, сослав на Белоозеро, убили; а митрополита Иоасафа с великим бесчестием прогнали с митрополии. Потом князь Андрей Шуйский со своими единомыш-

ленниками явились к нам в столовую палату, неистовствуя, захватили на наших глазах нашего боярина Федора Семеновича Воронцова, обесчестили его, вытащили из палаты и хотели его убить. Тогда мы послали митрополита Макария и своих бояр Ивана и Василия Григорьевичей Морозовых передать им, чтобы они его не убивали, и они, с неохотой послушавшись наших слов, сослали его в Кострому; при этом они оскорбляли митрополита, теснили его и разорвали на нем мантию с источниками [цветными полосами] и толкали в спину наших бояр. Не это ли их доброжелательство, что они, вопреки нашему повелению, захватили угодных нам бояр и перебили их, предав мукам? Так ли они душу за государей своих полагают, что ходят на государей войной, сонмищем захватывают людей, и государю приходится сносить с холопами и упрашивать своих холопов? Хороша ли такая верная служба? Поистине вся вселенная будет смеяться над такой верностью! Что и говорить о притеснениях, совершенных ими в то время? Со времени кончины нашей матери и до того времени шесть с половиной лет не переставали они творить зло!

В 1547 году Иван венчался на царство – он первым из русских правителей принял титул «царь»; зимой того же года молодой монарх женился, а летом в Москве вспыхнул грандиозный пожар, обернувшийся бунтом против бояр Глинских.

Летописи сообщают:

В лето 7055-го, апреля, после великого дня во вторник на святой неделе был пожар на Москве. Загорелось в ряду в Москотинном на девятом часу дня, и панский двор загорелся внутри города Китая, и на низу все дворы выгорели от стены Соляной двор. От Соляного двора торги все погорели и дворы до Николы до Старого и Устретенской улицы. И монастырь Бого-явленский сгорел, и в церкви иконы. Церквей же кирпичных много погорело и деревянных, и товару в торгу и по гостиным дворам. <...>

Того же лета, месяца июня, упал колокол большой с колокольницы благовестами, с колокольницы на площади напрасно. Отломились у него уши, слит был и поставлен на деревянной колоколице при великом князе Василье Ивановиче, русском самодержце. Глас его был Богу угоден. Таков колокол преж того не бывал на Москве. <...>

Того же лета 7055-го. Месяца июня в 21 день на память святого священномученика Иульяна Тарсанина вторник в Петрово говеино, был второй великий пожар на Москве. Загорелось за городом на посаде, на Острове, в монастыре церковь от свечи. Начало гореть на все стороны. И пришел огонь на пожар к ямскому двору и Кубенского, бе бо тогда засуха велика и ветер силен, и пренесся огонь внутрь града на цареву и великого князя конюшню. Также огонь пошел на двор великого князя хоромы брусяные и на палаты, и загорелась кровля, бе бо крыты тесом деревянным, и загорелся верх Пречистой у церкви у соборной и на Иване Святом.

Прочее же вкратце скажем: весь град выгорел. Монастыри и церкви, и дворы, и церковь кирпичная Благовещение на великого князя дворе, у казенного двора выгорели внутри чудные иконы Корсунские, иконы принесены были от древних лет, и кузнь золотая и серебряная, и камень дорогое, и жемчуг, и много мощей святых погорело. <...>

Доводилось дотоле видеть град Москву велик и чуден, и много людей в нем, и всякого узорочья исполнен, и в том часе изменился, ибо погорел. Не видеть иного ничего же, но токмо дым и земля и трупия мертвых многолежаще. Много церквей святых погорело, а каменные выгорели внутри, и сгоревшим в ней несть пения и звонения. <...>

Благодарный же царь и государь князь великий Иван Васильевич всея Руси и брат его князь Юрий Васильевич, каждый со своими боярами, приехали в свою отчину на Москву в той же день из Острова на пожар. И видели град погоревший от огня, и святые церкви и людей погорело много, лежащие трупия мертвых. И о сем сжалился князь великий, кой расплакался

вельми слезно. И кто не плачется погибели градной или кто не жалуется, или кто не тужит толика народа... и во дворах мужей и жен, и детей, и отроков, и отроковиц, от огня изгоревших!

Виновниками пожара объявили Глинских. В «Царственной книге» говорится, будто «Анна Глинская... вымала сердца человеческие, да клала в воду, да тою водою, ездячи по Москве, да кропила, и оттого Москва выгорела». Новгородская летопись гласит:

На той же неделе москвичи, большие и черные люди, вытащили князя Юрия Михайловича Глинского, дядю великого князя по матери, из церкви у Пречистой у митрополита во время обедни, извлекли из церкви едва живого, и скончался он злой смертью, извлекли его из града привязанного ужом; был же князь великий в то время в Воробьеве, потому что на них наговор пришел, будто они велели зажигать Москву... норовя потакать приходу иноплемennых; ибо тогда же пришел со многою силою царь Крымский и стоял в полях. В то же время было смятение людям московским, и пошли многие люди черные к Воробьеву, со щитами и с сулицами, как по боевому кличу полагалось; князь же великий, того не ведая и узрев множество людей, удивился и ужаснулся... и не учинил им в том опалы, и положил ту опалу на повелевших народ скликать. <...>

Иван приказал стрелять по толпе, и бунтовщики разбежались. Сам царь в послании к князю Курбскому так вспоминал об этих событиях:

Когда же мы достигли пятнадцати лет, то взяли сами управлять своим царством, и, слава Богу, управление наше началось благополучно. Но так как человеческие грехи всегда раздражают Бога, то случился за наши грехи по Божьему гневу в Москве пожар, и наши изменники-бояре, те, которых ты называешь мучениками (я назову их имена, когда найду нужным), как бы улучив благоприятное время для своей измены, убедили скудоумных людей, что будто наша бабка княгиня Анна Глинская, со своими детьми и слугами, вынимала человеческие сердца и колдовала и таким образом спалила Москву и что будто мы знали об этом их замысле. И по наущению наших изменников народ, собравшись сонмищем иудейским, с криками захватил в церкви Дмитрия Селунского нашего боярина, князя Юрия Глинского; оттуда его выволокли и бесчеловечно убили в Успенском соборе напротив митрополичьего места, залив церковный помост кровью, и, вытащив его тело через церковные двери, положили его на торжище как осужденного преступника. Это убийство в святой церкви всем известно, а не то, о котором, ты, собака, лжешь. [Мы жили тогда в своем селе Воробьеве, и те же изменники убедили народ убить и нас за то, что мы будто бы прятали у себя мать князя Юрия Глинского, княгиню Анну, и его брата, князя Михаила. Такие измышления, право, достойны смеха! Чего ради нам самим в своем царстве быть поджигателем? Из родительского имущества у нас сгорели такие вещи, каких во всей вселенной не найдешь. Кто же может быть так безумен и злобен, чтобы, гневаясь на своих рабов, спалить свое собственное имущество? Он бы тогда поджег их дома, а себя бы поберег! Во всем видна ваша собачья измена. Разве же можно кропить на такую высоту, как колокольня Ивана Великого? Это – явное безумие! В этом ли состоит достойная служба: наших бояр и воевод, что они, собираясь без нашего ведома в такие собачьи сборища, убивают наших добрых бояр, да еще – наших родственников? Этим ли душу за нас полагают, что всегда жаждут отправить нас на тот свет? Нам велят свято чтить закон, а сами нам в этом не следуют! Чего же ты, собака, хвастаешься военной храбростью и хвалишь за нее других собак и изменников?

Англичане в Москве, 1553 год Ричард Ченслор

В 1548 году в Англии возникла идея основать «общество купцов-предпринимателей для открытия стран, земель, островов, государств и владений, неведомых и даже доселе морским путем не посещаемых». В исполнение этой идеи снарядили экспедицию из трех кораблей; во главе экспедиции встал сэр Хью Уиллоуби, а главным кормчим назначили Ричарда Ченслора. Английские корабли планировали обогнуть Норвегию с севера, рассчитывая обнаружить «северо-восточный проход» в Китай.

Из-за бури, разметавшей эскадру, корабль Ченслора остался в одиночестве и, не дождавшись остальных в точке сбора, продолжил путь. В конце августа 1553 года он вошел в устье Северной Двины. Оттуда Ченслор по суше двинулся в Москву, выдавая себя за посла короля Эдуарда. Его мемуар «Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском» стал первой английской книгой о России.

Москва находится в 120 милях от Ярославля. Страна между ними изобилует маленькими деревушками, которые так полны народа, что удивительно смотреть на них. Земля вся хорошо засеяна хлебом, который жители везут в Москву в таком громадном количестве, что это кажется удивительным. Каждое утро вы можете встретить от семисот до восьмисот саней, едущих туда с хлебом, а некоторые с рыбой. Иные везут хлеб в Москву; другие везут его оттуда, и среди них есть такие, которые живут не меньше, чем за тысячу миль, все их перевозки производятся на санях. Едущие за хлебом из столь отдаленных местностей живут в северных частях владений великого князя, где холод не дает расти хлебу – так он жесток. Они привозят в Москву рыбу, меха и шкуры животных; в тех местностях количество хлеба невелико.

Сама Москва очень велика. Я считаю, что город в целом больше, чем Лондон с предместьями. Но она построена очень грубо и стоит без всякого порядка. Все дома деревянные, что очень опасно в пожарном отношении. Есть в Москве прекрасный замок, высокие стены которого выстроены из кирпича. Говорят, что стены эти толщиной в 18 футов, но я не верю этому, они не кажутся такими. Впрочем, я не знаю этого наверно, так как ни один иностранец не допускается к их осмотру. По одну сторону замка проходит ров, по другую – река, называемая Москвой, текущая в Татарию и в море, называемое Каспийским. С северной стороны расположен нижний город; он также окружен кирпичными стенами и таким образом примыкает к стенам замка. Царь живет в замке, в котором есть 9 прекрасных церквей и при них духовенство. Там же живет митрополит с различными епископами. Я не буду описывать их зданий и сооружений и оценивать их крепости, потому что у нас в Англии замки лучше во всех отношениях. Впрочем, московские крепостные сооружения хорошо снабжены всевозможной артиллерией.

Дворец царя или великого князя как по постройке, так и по внешнему виду и по внутреннему устройству далеко не так роскошен, как те, которые я видел раньше. Это очень низкая постройка из камня, обтесанного гранями, очень похожая во всех отношениях на старинные английские здания.

Теперь перехожу к рассказу о моем представлении царю. После того как прошло уже 12 дней с моего приезда, секретарь, ведающий дела иностранцев, послал за мной и известил меня, что великому князю угодно, чтоб я явился к его величеству с грамотами короля, моего государя. Я был очень доволен этим и тщательно приготовился к приему. Когда великий князь занял свое место, толмач пришел за мной во внешние покои, где сидели сто или больше дворян, все в роскошном золотом платье; оттуда я прошел в зал совета, где сидел сам великий князь со своею знатью, которая составляла великолепную свиту. Они сидели вдоль стен комнаты на

возвышении, но так, что сам великий князь сидел много выше их на позолоченном сидении в длинной одежде, отделанной листовым золотом, в царской короне на голове и с жезлом из золота и хрусталя в правой руке; другой рукой он опирался на ручку кресла... Я удалился в комнату секретаря, где оставался два часа. Затем снова пришли за мной и повели меня в другую палату, называемую «Золотой». Я не вижу, однако, причин, почему бы ей так называться, ибо я видел много гораздо лучших, чем эта. Итак, я вошел в залу, которая невелика и гораздо меньше зал английского королевского величества. Стол был накрыт скатертью, на конце его сидел маршал с небольшим белым жезлом в руке, стол был уставлен золотой посудой; на другой стороне залы стоял поставец с посудой. Отсюда я прошел в обеденную палату, где сам великий князь сидел не в торжественном наряде, в серебряном одеянии с царской короной на голове. Он сидел на кресле, поставленном довольно высоко; около него не сидел никто; все сидели в некотором отдалении. Длинные столы были накрыты вокруг комнаты; все они были заполнены теми, кого великий князь пригласил к обеду; все были в белом. Все места, где стояли столы, были на две ступени выше, чем пол остальной части палаты. Посередине палаты стоял стол, или поставец для посуды: он был полон золотых кубков, среди которых стояли четыре чудесных жбана, или кружки, как их здесь называют. Я думаю, что они были высотой в добрые полтора ярда. У поставца стояли два дворянина с салфетками на плечах; каждый из них держал в руках золотую чашу, украшенную жемчугом и драгоценными камнями: это были личные чаши великого князя, когда у него являлось желание, он выпивал их одним духом. Что касается яств, подаваемых великому князю, то они подавались без всякого порядка, но сервировка была очень богата: все подавалось на золоте не только ему самому, но и всем нам, и блюда были массивные, кубки также были золотые и очень массивные. Число обедавших в этот день было около 200, и всем подавали на золотой посуде.

По возвращении в Англию Ченслор поведал обо всем увиденном «обществу купцов-предпринимателей», и это общество добилось от короны хартии на исключительное право торговли с Московским государством (1555). Была образована «Московская компания», которая ведала англо-русской торговлей во второй половине XVI века и в XVII веке.

Покровский собор и Василий Блаженный, 1560 год Пискаревский летописец, Иван Грозный, Джильс Флетчер

В 1552 году московское войско приступом взяло Казань. В ознаменование этого события на площади перед Кремлем (свое название она получит позднее) был возведен деревянный храм во имя Покрова – именно в канун этого церковного праздника начался штурм казанской твердыни. А спустя три года началось строительство каменного собора Покрова «на рву» – по рву, проходившему перед кремлевскими стенами, иначе «Алевизову рву».

Пискаревский летописец говорит:

Того же года повелением царя и государя и великого князя Ивана зачали делать церковь обетную, еже обещался в взятие казанское: Троицу и Покров и семь приделов, еже именуется «на Рву». А мастер был Барма с товарищи. И пришел царь на оклад той церкви с царицею Настасиею и с отцом богомольцем Макарием митрополитом и принес образы чудотворные многие и Николу чудотворца, кой пришел с Вятки. И стали молебны совершать и воду святить. И первое основание сам царь касался своими руками. И рассмотрели мастера, что лишней престол обретен, и сказали царю. И царь и митрополит, и весь синклит царский в удивление пришли о том, что обретен лишней престол. И позволил царь тут быть престолу Николину: «И изволи де Бог, и полюби то место Никола, а у меня да не бысть в помышлении того».

Никола в данном случае – список с чудотворного Великорецкого образа святителя и чудотворца Николая, который доставили в Москву незадолго до закладки каменного храма. Что касается архитекторов соборов, то еще недавно считалось, что их было двое – Барма и Постник, однако современные исследователи склоняются к мнению, что это два имени одного и того же человека. В этом случае лишается оснований легенда об ослеплении мастеров по приказу царя после завершения строительства – дабы они не построили впредь ничего более прекрасного; известно, что Барма несколько лет спустя трудился в Казани.

Степенная книга говорит о возведении не единого храма, но разных церквей «премудро и дивно... на едином основании». Очевидно, имеются в виду приделы собора, каждый из которых был посвящен своему святому. Сам царь Иван объяснял «многосвятие» собора так:

Отец мой, Василий Иоаннович, воздвиг храм в Коломенском в честь рождения моего. Я же восхотел поставить памятник в честь Казанской победы – не одну церковь, но несколько, однако чтоб все они единое целое составляли. Вот в августе 30 числа победили наши войска Епанчу. В сей день почитают пустынножителя Александра, что на речке Свири основал монастырь. Посему да будет во храме престол Александра Свирского. Спустя же месяц на день Григория Армянского взорвали мы Арскую башню в Казани и под ней одержали победу. Того ради надо упомянуть и Григория. А пала Казань на день Куприяна и Устиния, и то надобно отметить. Затем хочу вспомнить отца моего, кой перед смертью принял монашеский чин под именем Варлаама; посему Варлаамовский придел надобен. Эти все храмы поместить обок, а в середине три главных: Троицы и Покрова, ибо Богоматерь и Троица покровительствуют государству нашему. А оставшийся придел будет входом в Иерусалим в память пришествия нашего в Москву после Казанского похода. Есть здесь смысл апокрифический, сиречь тайный. Храм сей явится якобы целым градом, святым Иерусалимом, ибо надобно в Москве иметь такой: нынче она – единственная столица православная.

В 1588 году, после канонизации, в Покровский собор были перенесены мощи юродивого Василия Блаженного, по имени которого храм получил свое неофициальное название.

Английский путешественник Дж. Флетчер писал о московских юродивых:

Кроме монахов, у них есть особенные блаженные (которых они называют святыми людьми), очень похожие на гимнософистов, и по своей жизни и поступкам, хотя не имеют ничего общего с ними относительно познаний и образования. Они ходят совершенно нагие, даже зимой в самые сильные морозы, кроме того, что посредине тела перевязаны лохмотьями, с длинными волосами, распущенными и висящими по плечам, а многие еще с веригами на шее или посредине тела. Их считают пророками и весьма святыми мужами, почему и позволяют им говорить свободно все, что хотят, без всякого ограничения, хотя бы даже о самом Боге. Если такой человек явно упрекает кого-нибудь в чем бы то ни было, то ему ничего не возражают, а только говорят, что заслужили это по грехам; если же кто из них, проходя мимо лавки, возьмет что-нибудь из товаров, для отдачи куда ему вздумается, то купец, у которого он таким образом что-либо взял, почтет себя весьма любимым Богом и угодным святому мужу.

Но такого рода людей немного, потому что ходить голым в России, особенно зимой, очень нелегко и весьма холодно. В настоящее время, кроме других, есть один в Москве, который ходит голый по улицам и восстанавливает всех против правительства, особенно же против Годуновых, которых почитают притеснителями всего государства. Был еще такой же другой, умерший несколько лет тому назад (по имени Василий), который решился упрекать покойного царя в его жестокости и во всех угнетениях, каким он подвергал народ. Тело его перенесли недавно в великолепную церковь, близ царского дворца, в Москве, и причли его к лику святых. Он творил здесь много чудес, за что ему делали обильные приношения не только простолюдины, но и знатное дворянство, и даже сам царь и царица, посещающие этот храм с большим благоговением.

Василий Блаженный еще при жизни прославился не только дерзостью и независимостью суждений. Когда в 1521 году к Москве подступал крымский хан Мехмет-Гирей и город готовился к осаде, Василий молился у ворот Успенского собора и вдруг увидел, как двери храма отворились, и услышал глас от иконы Владимирской Богоматери: «За грехи людей я повелением Сына Своего с русскими чудотворцами покину этот город». Икона сошла с места, а храм наполнился огнем. Впрочем, молитвы горожан сделали свое дело, икона вернулась в собор, а татары отступили от Москвы. В Степенной книге рассказывается, что Василий провидел страшный пожар 1547 года.

Сообщения о чудесах от мощей юродивого относятся уже ко времени царствования Федора Ивановича. Как сказано в Соловецком летописце, «в лето 7096 (1588) августа в 2 день Божиим изволением в пресловущем граде Москве при благоверном царе и великом князе Феодоре Ивановиче всея Руси и при митрополите Иове явился новый великий чудотворец Василей Нагой и простил три души, две девицы да нищего старца, и от того дня у чудотворцова гроба великие чудеса и прощение многим людям».

В соборе Василию был посвящен собственный придел, в котором хранилась государственная казна. По сообщению Нового летописца, в 1595 году князь Лебедев замыслил «зажечь град Москву во многих местах, а самим у Троицы на Рву у Василия Блаженного разграбить казну, что в те поры была велия казна»; однако заговор раскрыли, злоумышленников казнили. Позднее, в 1612 году, захватившие Москву поляки «раку блаженного и цельбоносного телесами великого Василия, о Христе юродивого, рассекли на многие части, и одр с места, изже был над ракою, вздвигнули, и над тем местом, где лежит блаженное тело, коньям места устроили и с женообразными лицами, бесстыдные, и бесстрашно в того святого церкви блудное скаредие творили» («Плач о пленении и разорении Московского государства»). После

изгнания поляков раку восстановили, а святого со временем стали почитать как покровителя Москвы.

Родом Василий был из села Елох, примыкавшего к Немецкой слободе. Из приходской церкви этого села со временем выросла знаменитая Елоховская Богоявленская церковь (1835–1845).

Опричнина, 1564–1570 годы Иван Грозный, Пискаревский летописец, Генрих Штаден

Завершение строительства Покровского собора совпало по времени с началом «темных лет» правления Ивана Грозного: царь заподозрил в измене своих ближайших советников (Андрей Курбский, Алексей Адашев, священник Сильвестр), их самих удалил от двора, а их родственников и близких преследовал и казнил. Наговоры новых фаворитов вели к тому, что вырезались целые боярские роды, а в 1564 году, после путешествия с семьей по монастырям, Иван из Александровской слободы отправил в Москву послание боярам, дворянам и духовенству, обвинив всех в измене и отрекаясь от престола. В письме князю Курбскому царь так излагал свои побуждения:

По возвращении в царствующий град Москву бог оказал нам милосердие и дал нам наследника – сына Димитрия; когда же, немного времени спустя, я, как бывает с людьми, сильно занемог, то те, кого ты называешь доброжелателями, с попом Сильвестром и вашим начальником Алексеем во главе, восстали, как пьяные, решили, что нас уже не существует и, не заботясь о нашей душе и своих душах, забыв присягу нашему отцу и нам – не искать себе иного государя, кроме наших детей, – решили посадить на престол нашего отдаленного родственника князя Владимира, а младенца нашего, данного нам от бога, погубить, подобно Ироду... Когда же мы, слава богу, выздоровели, и замысел этот рассыпался в прах, поп Сильвестр и Алексей и после этого не перестали утеснять нас и давать злые советы, под разными предложениями изгоняли наших доброжелателей, во всем потакали князю Владимиру, преследовали ненавистью нашу царицу Анастасию и уподобляли ее всем нечестивым царицам, а про детей наших и вспомнить не желали. В это время собака и изменник, князь Семен Ростовский, который был принят нами в думу не за свои достоинства, а по нашей милости, изменнически выдал наши замыслы литовским послам и говорил им оскорбительные слова про нас, нашу царицу и наших детей, мы же, расследовав это злодейство, наказали его, но милостиво. А поп Сильвестр после этого вместе с вами, злыми советниками своими, стал оказывать этой собаке всяческое покровительство и помогать ему всякими благами, и не только ему, но и всему его роду. Таким образом, после этого всем изменникам было хорошо, а мы терпели притеснения; ты также в этом участвовал. <...>

Когда же началась война с германцами [ливонцами], о которой дальше будет написано подробнее, поп Сильвестр с вами, своими советниками, жестоко на нас за нее восстал: когда за свои грехи заболел я, наша царица или наши дети, – все это, по их словам, случилось за наше непослушание им! Как не вспомнить немилостивый обратный путь из Можайска с больной царицей Анастасией? Из-за одного неподобающего слова! Молитв, путешествий к святым пустыням, приношений и обетов о душевном спасении и телесном выздоровлении и о благополучии нас самих, нашей царицы и детей – всего этого нас коварно лишили, о врачебном же искусстве против болезни и помянуть нельзя было.

Пребывая в такой жестокой скорби и не будучи в состоянии снести эту тягость, превышающую силы человеческие, мы, расследовав измены собаки Алексея Адашева и всех его советников, наказали их за все это, но милостиво: смертной казнью не казнили, а разослали по разным местам. Поп же Сильвестр, увидя, что его советники впали в ничтожество, ушел по своей воле, но мы, благословив его, не отпустили, не потому, чтобы устыдились его, но потому, что за его коварную службу и понесенные от него телесные и душевные страдания мы хотим судиться с ним не здесь, а в будущей жизни, перед агнцем божьим. Поэтому и сыну его я и

до сих пор позволил пребывать во благоденствии, только являться к нам он не смеет... Что же касается мирских людей, бывших под нашей властью, то мы наказали их по их изменам: сначала никого не казнили смертной казнью, но всем, кто не был с ними заодно, повелели с ними не общаться, в чем и была взята присяга; но те, кого ты называешь мучениками, и их сообщники презрели наш приказ и нарушили присягу, и не только не отстали от этих изменников, но стали им помогать еще больше и всячески старались вернуть их на первое место, чтобы устраивать против нас еще более коварные заговоры, и так как тут обнаружилась неутолимая злоба и непокорство, то виновные получили наказание, достойное их вины. Не из-за того ли, что я не подчинился тогда вашей воле, ты и попрекаешь меня отступничеством? Вы, бесовские, привыкли нарушать клятвы ради золота, – видно, вы и нам то же советуете?

Так или иначе, Иван добился того, что бояре стали умолять его вернуться на трон; он согласился, но поставил два условия – отныне царь имел право казнить изменников по своему усмотрению, а территория государства делилась на опричнину (личные владения царя) и земщину (остальные земли). Опричные земли Иван раздавал тем боярам и дворянам, которые пользовались его доверием, а те, кто этого доверия лишился, расставались со своими владениями, переходившими в опричнину. Людей ссылали, пытали, убивали без суда и следствия.

Пискаревский летописец гласит:

Того же года попущением Божиим за грехи наши возъярился царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси на все православное христианство по злых людей совету Василия Михайлова Юрьева да Олексея Басманова и иных таких же, учинил опричнину, разделение землям и градам. И иных бояр и дворян, и детей боярских взяли в опричнину, а иным повелел быть в земских. А грады также разделил, и многих выслал из городов, кои взял в опричнину, и из вотчин, и из поместий старинных. А сам царь, живя за Неглинною на Петровке, ходил и ездил в черном, и все люди опричники. И была в людях ненависть на царя от всех людей. И били ему челом и давали ему челобитную за руками об опричнине, что не достоин сему быть. И пристали тут лихие люди, ненавистники добру, стали клеветать великому князю на всех людей, а иные по грехам словес своих погибали. И потом большая беда зачалася.

Лета 7078 положил царь и великий князь опалу на многих людей и повелел их казнить разными казнями на Поганой луже. Поставили стол, а на нем всякое оружие: топоры и сабли, и копия, ножи да котел на огне. А сам царь выехал, вооружась в доспехе и в шеломе и с копием, и повелел казнить дьяка Ивана Висковатого, по суставам резать, а Никиту Фуникова, дьяка же, варом обварить; а иных многих разными муками казнили. И всех 120 человек убили грех ради наших. <...>

Положил царь опалу на многих людей, повелел казнить на площади у Пречистой в Большом городе при себе боярина князя Петра Куракина, Протасия Юрьева, владыку наугородского, протопопа архангельского, Ивана Бутурлина, Никиту Бороздина, архимандрита чудовского и иных многих; а главы их метали по дворам к Мстисловскому ко князю Ивану, к митрополиту, Ивану Шереметеву, к Андрею Щелкалову и иным. <...>

Свидетельства очевидца об опричнине оставил Г. Штаден, вестфалец на русской службе, волей обстоятельств записанный в опричнину.

Так управляли при всех прежних уже умерших великих князьях. Некоторые из последних заводили было опричные порядки, но из этого ничего не выходило. Также повелось и при нынешнем великом князе, пока не взял он себе в жены княжну, дочь князя Михаила Темрюковича из Черкасской земли. Она-то и подала великому князю совет, чтобы отобрал он для себя из своего народа 500 стрелков и щедро пожаловал их одеждой и деньгами и чтобы повсе-

дневно и днем и ночью они ездили за ним и охраняли его. С этого и начал великий князь Иван Васильевич вся Русь и отобрал из своего народа, а также и из иноземцев особый избранный отряд. И так устроил опричных и земских. «Опричные» – это были люди великого князя, земские же – весь остальной народ. Вот что делал [далее] великий князь. Он перебирал один за другим города и уезды и отписывал имения у тех, кто по смотренным спискам не служил со своих вотчин его предкам на войне; эти имения раздавались опричным.

Князья и бояре, взятые в опричнину, распределялись по степеням не по богатству, а по породе. Они целовали крест, что не будут заодно с земскими и дружбы водить с ними не будут. Кроме того, опричные должны были носить черные кафтаны и шапки и у колчана, куда прятались стрелы, что-то вроде кисти или метлы, привязанной к палке. По этому узнавали опричников. <...>

Великий князь из-за мятежа выехал из Москвы в Александрову слободу – в двух днях пути от Москвы; оцепил эту слободу воинской силой и приказал привести к себе из Москвы и других городов тех бояр, кого он потребует.

Великий князь послал в земщину приказ: «Судите праведно, наши виноваты не были бы».

Тогда-то из-за этого приказа земские и пали духом. Любой из опричных мог, например, обвинить любого из земских в том, что этот должен ему будто бы некую сумму денег. И хотя бы до того опричник совсем не знал и не видал обвиняемого им земского, земский все же должен был уплатить опричнику, иначе его ежедневно били публично на торгу кнутом или батогами до тех пор, пока не заплатит. И тут никому не было пощады: ни духовному, ни мирянину. Опричники устраивали с земскими такие штуки, чтобы получить от них деньги или добро, что и описать невозможно. <...>

Великий князь вместе со своими опричниками поехал и пожег по всей стране все вотчины... Села вместе с церквями и всем, что в них было, с иконами и церковными украшениями – были спалены. Женщин и девушек раздевали донага и в таком виде заставляли ловить по полю кур.

Великое горе сотворили они по всей земле!

Под Александровой слободой, в 3 верстах от нее на юг, по Московской дороге была застава, Каринская по названию. И те, кто были при великом князе в Слободе, не могли выйти и никто извне не мог войти без памяти, то есть памятной записки в качестве удостоверения [...]. Об этом узнали все неверные слуги своих господ – земских. И когда кто-нибудь из них подходил к заставе и говорил: «У меня есть дела господарские», его тотчас же доставляли от заставы в Слободу, в приказ, и всему, что бы ни говорил он о своем господине, всему давалась вера.

А великий князь продолжал: приказывал приводить к нему бояр одного за другим и убивал их так, как ему вздумается, – одного так, другого иначе.

Митрополит Филипп не мог долее молчать в виду этого. Он добром увещевал великого князя жить и править подобно своим предкам. И благодаря этим речам добрый митрополит попал в опалу и до самой смерти должен был сидеть в железных, очень тяжелых цепях. А великий князь вновь избрал митрополита – по своему желанию.

Затем великий князь отправился из Александровой слободы вместе со всеми опричниками. Все города, большие дороги и монастыри от Слободы до Лифляндии были заняты опричными заставами, как будто бы из-за чумы; так что один город или монастырь ничего не знал о другом.

Как только опричники подошли к яму, или почтовому двору, Черная, так принялись грабить. Где великий князь оставался на ночь, поутру там все поджигалось и опаливалось.

И если кто-нибудь из его собственных избранных людей, из князей, бояр или их слуг, приходил из Москвы на заставу и хотел [проникнуть] в лагерь, того приводили от заставы

связанным и убивали тотчас же. Некоторых приволакивали к великому князю нагими и гоняли по снегу до смерти. То же самое было и с теми, кто хотел (уйти) из лагеря в Москву и был схвачен стражей.

Затем великий князь пришел в Тверь и приказал грабить все – и церкви, и монастыри; пленных убивать, равно как и тех русских людей, которые породнились и сдружились с иноземцами. Всем убитым отрубали ноги – устрашения ради; а потом трупы их спускали под лед в Волгу. То же было и в Торжке; здесь не было пощады ни одному монастырю, ни одной церкви. <...>

Великий князь разделил Москву на две части. [Себе] он взял совсем незначительную часть: город и кремль он оставил земским.

Всякий раз, когда великий князь брал в опричнину какой-либо город или уезд, он отписывал себе в опричнину одну или две улицы из пригородных [московских] слобод.

Так убывали в числе земские – бояре и простой люд. А великий князь – сильный своими опричниками – усиливался еще более.

Князь или боярин, не включенный в [опричный] список, заносился в особый список, с тем чтобы взамен его вотчины ему было дано поместье где-нибудь в другом уезде. Это случалось редко. А когда это случалось, и великий князь «перебирал» уезды, а опричники отбирали от земских их вотчины, то отбирали они все, что в этих вотчинах находили, не оставляя ничего, если им что полюбитя.

Через Москву протекает ручей Неглинная в один фут шириной и глубиной. Ручей этот и был границей опричнины и земщины. На нем великий князь приказал отстроить такой большой двор, какого в Русской земле еще и не видывали. Он так дорого обошелся стране, что земские желали, чтобы он сгорел. Великий князь узнал об этом и сказал своим опричникам, что он задаст земским такой пожар, что они не скоро его потушат. И своим опричникам он дал волю всячески обижать земских. Многие рыскали шайками по стране и разъезжали якобы из опричнины, убивали по большим дорогам всякого, кто им попадался навстречу, грабили многие города и посады, били насмерть людей и жгли дома. Захватили они много денег, которые везли к Москве из других городов, чтобы сдать в казну. За этими делами присмотра тогда не было.

Опричники не могли насытиться добром и деньгами земских. [Раньше] если опричники искали на ком-нибудь из земских 1000 рублей [будто бы данные им в долг], тогда как земские получили [от них] только сотню, а то и того меньше, но записывали-то они [опричные] всю сумму [в 1000 рублей] – все жалобы [потерпевших] вместе с расписками и судными списками. клались под сукно: ведь опричные присягали, что они не будут дружить с земскими, что с ними они не будут иметь никаких дел.

[Теперь] великий князь сыграл обратную игру: он приказал подобрать все жалобы. И если опричные говорили: «на 1000» и на эту сумму была дана расписка, а земские получили [на самом деле] не все полностью, то опричники должны были выплатить земским дополнительно.

Это решение пришлось не по вкусу опричникам.

Тогда великий князь принялся расправляться с начальными людьми из опричнины.

Князь Афанасий Вяземский умер в посаде Городецком в железных оковах. Алексей [Басманов] и его сын [Федор], с которым великий князь предавался разврату, были убиты. Малюта Скуратов был убит в Лифляндии под Вейссенштейном: этот был первым в курятнике! По указу великого князя его поминают в церквах и до днесь.

Князь Михаил сын [Темрюка] из Черкасской земли, шурин великого князя, стрельцами был насмерть зарублен топорами и аллебардами. Князь Василий Темкин был утоплен. Иван Зобатый был убит. Петр Suisse – повешен на своих собственных воротах перед спальней. Князь Андрей Овцын – повешен в опричнине на Арбатской улице; вместе с ним была повешена живая овца. Маршалк Булат хотел сосватать свою сестру за великого князя и был убит, а сестра его

изнасилована 500 стрельцами. Стрелецкий голова Курака Унковский был убит и спущен под лед [...] в прошлом году затравлен собаками у Каринской заставы под Александровой слободой. <...>

Всех опричников и земских, всех тех, кого должны были казнить, били сначала публично на торгу батогами до тех пор, пока те, у кого было добро или деньги, не передавали их в казну великого князя. А у кого не было ни денег, ни добра, тех [сразу] убивали [где ни попадая] и у церквей, и на улицах, и в домах – во время сна или бодрствования, а потом выбрасывали на улицу. При этом писалась цидула, в ней указывалась причина казни. Записка эта пришиливалась к одежде мертвеца, и труп должен был лежать в острастку народа – все равно, был ли [казненный] прав или виноват.

Если бы Москва не выгорела со всем, что в ней было, земские получили бы много денег и добра по неправильным распискам, которые они должны были получить обратно от опричников. Но так как Москва сгорела, а с ней вместе и все челобитья, судные списки и расписки, земские остались в убытке.

До того как великий князь устроил опричнину, Москва с ее Кремлем и слободами была отстроена так.

На восток город имел двойные ворота; на север он широко раскинулся по реке; на юге лежал Кремль; на запад были также двойные ворота. [В Кремле] было 3 ворот: одни ворота Кремля были на запад и двое ворот на север. От восточных ворот города до западных, город – весь насквозь – представлял собою площадь и рынок – и только! На этой площади под Кремлем стояла круглая церковь с переходами; постройка была красива изнутри и над первым переходом расписана многочисленными священными изображениями, изукрашенными золотом, драгоценными камнями, жемчугом и серебром. Митрополичий выезд со всеми епископами на вербную субботу происходил ежегодно именно к этому храму. Под переходом похоронено несколько человек; на их могилах горели день и ночь восковые свечи; они [т. е. мертвые] не тлеют, как говорят русские, а посему они считают их очень святыми и молятся им днем и ночью. У этого храма висело много колоколов.

Там, где стоит храм, площадь сама по себе расположена высоко, как маленькая гора. Неподалеку от храма стоят несколько пушек, [из них] можно стрелять поверх восточных ворот через стену и Москва-реку.

На этой-то площади умерщвляли и убивали господ из земщины. Тогда вся площадь – от западных ворот и до этого храма – бывала окружена и занята опричными стрелками. Трупы оставались обнаженные на площади и днем и ночью – народу в назидание. Потом их сбрасывали в одну кучу в поле, в яму. <...>

С площади на юг – вниз к погребам, поварням и хлебням – шла лестница. С площади на запад был переход к Большой палате, которая была перекрыта медью и все время стояла открытой.

Здесь от перехода в середине было четырехугольное крыльцо; через это крыльцо в большие праздники проходил обычно великий князь в своем одеянии в сопровождении многочисленных князей и бояр в бриллиантах и золоте. Великий князь держал в руке прекрасный драгоценный посох с тремя огромными драгоценными камнями. Все князья и бояре также держали в руках по посоху; по этим посохам отличали правителей. Теперь с великим князем ходят новодельные господа, которые должны бы быть холопами тем – прежним!..

Вдоль западных стен с внутренней их стороны до ворот, которые ведут в город, было несколько сотен житных дворов: они принадлежали опричному двору.

[В Кремле] было еще несколько монастырей, где погребались великие князья и иные великие господа.

Посреди Кремля стояла церковь с круглой красной башней; на этой башне висели все большие колокола, что великий князь привез из Лифляндии.

Около башни стояла лифляндская артиллерия, которую великий князь добыл в Феллине вместе с магистром Вильгельмом Фюрстенбергом; стояла она неприкрытая, только напоказ.

У этой башни сидели все подьячие, которые всем и каждому ежедневно писали за деньги челобитные, кабалы или расписки; все они приносили присягу. По всей стране челобитья писались на имя великого князя. Около этой башни или церкви ставили на правеж всех должников из простонародья. И повсюду должники стояли на правеже до тех пор, пока священник не вознесет даров и не зазвонят в колокола.

Между башней и церковью висел еще один колокол: самый большой по всей стране. Когда звонили в него по большим праздникам, великий князь в своем одеянии направлялся в церковь в сопровождении священников, несших перед ним крест и иконы, и князей и бояр. <...>

Посредине города был заново отстроенный двор, в нем должны были лить пушки.

По всем улицам были устроены «решетки», так что вечером или ночью никто не мог через них ни пройти, ни проехать – разве что по знакомству со сторожем. А если хватали кого-нибудь под хмельком, того держали в караульной избе до утра, а затем приговаривали к телесному наказанию.

Вот как по всей стране устроены все города и посады [...]. В этом городе [Москве] все епископы страны имеют свои особые дворы – в городе и слободах, равно как и все знатнейшие монастыри; священники и дьячки, воеводы и начальные люди; все приказы и дьяки... Но когда была учреждена опричнина, все те, кто жил по западному берегу речки Неглинной, безо всякого снисхождения должны были покинуть свои дворы и бежать в окрестные слободы, еще не взятые в опричнину. Это относилось одинаково и к духовным, и к мирянам. А кто жил в городе или слободах и был взят в опричнину, тот мог легко перейти из земщины в опричнину, а свои дворы в земщине или продать, или, разобрав, увести в опричнину.

Тогда же подоспели великий голод и чума. Многие села и монастыри от того запустели. Многие торговые люди из-за указа, который пришел от великого князя из опричнины в земщину, покидали свои дворы и металась по стране туда и сюда.

Великий князь приказал разломать дворы многих князей, бояр и торговых людей на запад от Кремля на самом высоком месте в расстоянии ружейного выстрела; очистить четырехугольную площадь и обвести эту площадь стеной; на 1 сажень от земли [выложить ее] из тесаного камня, а еще на 2 сажени вверх – из обожженных кирпичей; наверху стены были сведены ост-роконечно, без крыши и бойниц; [протянулись они] приблизительно на 130 саженей в длину и на столько же в ширину, с тремя воротами: одни выходили на восток, другие – на юг, третьи – на север. Северные ворота находились против кремля и были окованы железными полосами, покрытыми оловом. Изнутри – там, где ворота открывались и закрывались – были вбиты в землю два огромных толстых бревна и в них [проделаны] большие отверстия, чтобы через них мог пройти засов; засов этот [когда ворота были открыты] уходил в стену, а когда ворота закрывались, его протаскивали через отверстия бревен до противоположной стены. Ворота были обиты жестью. На них было два резных разрисованных льва – вместо глаз у них были пристроены зеркала; и еще – резной из дерева черный двуглавый орел с распростертыми крыльями. Один [лев] стоял с раскрытой пастью и смотрел к земщине, другой такой же смотрел во двор. Между этими двумя львами стоял двуглавый черный орел с распростертыми крыльями и грудью в сторону земщины.

На этом дворе были выстроены три мощных постройки и над каждой наверху на шпиче стоял двуглавый черного цвета орел из дерева, с грудью, обращенной к земщине.

От этих главных построек шел переход через двор до юго-восточного угла.

Там, перед избой и палатой, были выстроены низкие хоромы с клетью ровень с землей. На протяжении хором и клетки стена была сделана на полсажени ниже для [доступа] воздуха и солнца. Здесь великий князь обычно завтракал или обедал. Перед хорамами был погреб, полный больших кругов воску.

Такова была особная площадь великого князя. Ввиду сырости она была засыпана белым песком на локоть в высоту. Южные ворота [калитка] были малы: только один и мог в них въехать или выехать.

Здесь были выстроены все приказы и ставились на правеж должники, которых били батогами или плетью, пока священник не вознесет за обедней даров и не прозвонит колокол. Здесь подписывались все челобитья опричников и отсылались в земщину, и что было здесь подписано, то было уж справедливо. <...>

В июне 1570 года на площади перед Кремлем состоялась показательная казнь бывших предводителей опричников и любимцев царя. Их ожидали 18 виселиц. Около половины из 300 приговоренных в итоге помиловали, остальных казнили. Осенью же 1572 года царь объявил об отмене опричнины.

«Апостол» – первая русская печатная книга, 1564 год Иван Федоров

Как ни удивительно, в «темные годы», борясь с настоящими и мнимыми изменниками, царь Иван находил время и для иных дел; в частности, он проявил интерес к печатному ремеслу – в Москве на Никольской улице построили типографию, а 4 марта 1564 года печатники Иван Федоров и Петр Мстиславец, обученные датским мастером, с благословения митрополита Макария напечатали первую русскую книгу – «Деяния апостолов», или просто «Апостол».

Благочестивый царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси повелел покупать святые книги на торгу и полагать их во святых церквах – псалтыри, евангелия, апостолы и прочие святые книги. Но из них мало оказалось годных, остальные же все искажены несведущими и неразумными переписчиками, а иные оттого, что пишущие оставляли их без исправления. И это стало известно царю, и он начал размышлять, как бы издать печатные книги, как у греков, и в Венеции, и в Италии, и у прочих народов, чтобы впредь святые книги излагались правильно. И так возвещает мысль свою преосвященному Макарию митрополиту всея Руси. Святитель же, услышав, весьма обрадовался и, воздав благодарение Богу, сказал царю, что мысль эта ниспослана Богом и есть дар, нисходящий свыше. И так, по повелению благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и по благословию преосвященного Макария митрополита начали изыскивать мастерство печатных книг в год 61-й восьмой тысячи (1553); в 30-й же год (1563) царствования его благоверный царь повелел устроить на средства своей царской казны дом, где производить печатное дело.

И, не жалея, давал от своих царских сокровищ делателям, диакону церкви Николы чудотворца Гостунского Ивану Федорову да Петру Тимофееву Мстиславцу на устройство печатного дела и на их обеспечение до тех пор, пока дело их не пришло к завершению. И начали печатать впервые эту святую книгу, Деяния апостольские и послания соборные и святого апостола Павла послания в год 7070 первый (1563), апреля 19-го на память преподобного отца Иоанна Палеврета, т.е. из древней Лавры. Окончены же были в год 7070 второй (1564), марта в 1 день при архиепископе Афанасии, митрополите всея Руси, в первый год святительства его, во славу всемогущей живоначальной Троицы, Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

«Сказание известно о воображении книг печатного дела» гласит, что вскоре «после тех мастеров Иоанна и Петра стал мастером ученик их Андроник Тимофеев сын, по прозвищу Невежа, с товарищами, и также царским повелением велено ему издавать книги в печатном виде в царствующем граде Москве и раздавать их по всем городам и по всей России. А после тех мастеров иные мастера были, и от того времени пошло дело крепко и без помех бесперебойно, как непрерывная вервь».

Набег Девлет-Гирея, 1571 год Пискаревский летописец, Генрих Штаден

Как сказано в летописи, после многочисленных казней в Новгороде, Пскове и Москве, не говоря уже о малых городах, «установилась тишина великая в людях и безмолвие великое во всех русских городах». Этой тишиной решил воспользоваться крымский хан Девлет-Гирей; почти не встречая сопротивления, он дошел до Москвы, разорил и сжег город, а царь едва успел бежать в Александровскую слободу.

Пискаревский летописец сообщает:

В лето 7079-го попущением Божиим за грехи христианские пришел царь крымский на Русскую землю. И прежде пришел на Тулу и пожег посады. И от Тулы пошел к Оке реке на Серпухов и перелез Оку тут, и пошел к Москве, а у города посады пожег. А воеводы пошли изо всех городов к Москве князь Иван Бельский Дмитриевич с товарищи. А царь и великий князь Иван Васильевич пошел было в Серпухов, да услышал, что царь пришел к Оке реке, и он побегал в Слободу, а ехал на Бронницы да в Слободу, а из Слободы побегал в Кириллов. Да как царь пошел, и он воротился к Москве. И пришел царь крымский к Москве и Москву выжег всю, в три часа вся сгорела, и людей без числа сгорело всяких. А князь Иван Бельский приехал с дела к себе на двор побывать да вошел в погреб к сестре своей к Васильевой жене Юрьевича, и там и задохся со всеми тут, да княгиня Аксения Ивановна, князя Юрьева княгини Михайловича Галицына. Да князь Никита Петрович Шуйский, меньшей брат князю Ивану, ехал в ворота на Живой мост и стал пробиваться в тесноте вон, и тут его Татев человек ножом поколол, и он тотчас и преставился; и иных отрядных без числа. Да в ту же пору вырвало две стены городовых: у Кремля пониже Фроловского моста против Троицы, а другую в Китае против Земского двора; а было под ними зелия; ино и вдосталь людей побилло многих. И как царь крымский пошел от Москвы, и прислал послов к великому князю по выходе. И князь великий нарядился в сермягу, бусырь да в шубу баранью и послам отказал: «Видишь де меня, в чем я? Так де меня царь сделал! Все де мое царство вышленил и казну пожег, дать де мне нечево царю!» Того же году и на другой год на Москве был мор и по всем градам русским. <...>

Г. Штаден прибавляет подробности о набеге крымцев.

Крымский царь пошел к Москве с Темрюком из Черкасской земли – свойственником великого князя. А великий князь вместе с воинскими людьми – опричниками – убежал в незащищенный город Ростов.

Поначалу татарский хан приказал подпалить увеселительный двор великого князя – Коломенское – в 1 миле от города.

Все, кто жил вне [города] в окрестных слободах, – все бежали и укрылись в одном месте: духовные из монастырей и миряне, опричники и земские.

На другой день он поджег земляной город – целиком все предместье; в нем было также много монастырей и церквей.

За шесть часов выгорели начисто и город, и кремль, и опричный двор, и слободы.

Была такая великая напасть, что никто не мог ее избежать!

В живых не осталось и 300 боеспособных людей. Колокола у храма и колокольня, на которой они висели [упали], и все те, кто вздумал здесь укрыться, были задавлены камнями. Храм вместе с украшениями и иконами был снаружи и изнутри спален огнем; колокольни также. И остались только стены, разбитые и раздробленные. Колокола, висевшие на колокольне посре-

дине Кремля, упали на землю и некоторые разбились. Большой колокол упал и треснул. На опричном дворе колокола упали и врезались в землю. Также и все [другие] колокола, которые висели в городе и вне его на деревянных [звонницах], церквей и монастырей. Башни или цитадели, где лежало зелье, взорвались от пожара – с теми, кто был в погребках; в дыму задохлось много татар, которые грабили монастыри и церкви вне Кремля, в опричнине и земщине.

Одним словом, беда, постигшая тогда Москву, была такова, что ни один человек в мире не смог бы того себе и представить.

Татарский хан приказал поджечь и весь тот хлеб, который еще необмолоченным стоял по селам великого князя. <...>

Татарский царь Девлет-Гирей повернул обратно в Крым со множеством денег и добра и многим множеством и положил в пуге у великого князя всю Рязанскую землю.

Он приказал запалить слободы и подгородные монастыри, и один монастырь [действительно] был подожен, тогда трижды ударили в колокол, еще и еще раз... – пока огонь не подступил к этому крепкому двору и церкви. Отсюда огонь перекинулся на весь город Москву и Кремль. Прекратился звон колоколов. Все колокола этой церкви расплавились и стекли в землю. Никто не мог спастись от этого пожара. Львы, которые были под стенами в яме, были найдены мертвыми на торгу. После пожара ничего не осталось в городе – ни кошки, ни собаки.

Так осуществились пожелания земских и угроза великого князя. Земские желали, чтобы этот двор сгорел, а великий князь грозился земским, что он устроит им такой пожар, что они не сумеют его и потушить. Великий князь рассчитывал, что и дальше он будет играть с земскими так же, как начал. Он хотел искоренить неправду правителей и приказных страны, а у тех, кто не служил его предкам верой и правдой, не должно было оставаться в стране [ни] роду, [ни племени]. Он хотел устроить так, чтобы новые правители, которых он посадит, судили бы по судебникам без подарков, дач и приносов. Земские господа вздумали этому противиться и препятствовать и желали, чтобы двор сгорел, чтобы опричнине пришел конец, а великий князь управлял бы по их воле и пожеланиям. Тогда всемогущий Бог послал эту кару, которая приключилась через посредство крымского царя, Девлет-Гирея.

С этим пришел опричнине конец, и никто не смел поминать опричнину под следующей угрозой: [виновного] обнажали по пояс и били кнутом на торгу. Опричники должны были возратить земским их вотчины. И все земские, кто [только] оставался еще в живых, получили свои вотчины, ограбленные и запустошенные опричниками.

В 1572 году в битве на реке Молодь русское войско под командованием князя М. Воротынского разгромило татар, Девлет-Гирей бежал в Крым, и с тех пор Крымское ханство уже не покушалось на русские земли.

Москва при Грозном царе, 1580-е годы Патриарх Иеремия II

Несмотря на все бедствия, обрушившиеся на Москву, город в конце правления Ивана Грозного производил на путешественников неизгладимое впечатление. Вот каким увидел его константинопольский патриарх Иеремия II, прибывший в Москву в 1588 году, чтобы учредить в России патриаршество:

Это был не город, а скорее громадный, раскинувшийся вплоть до самых пределов горизонта монастырь. Глаз разбегался, желая пересчитать колокольни и вызолоченные, посеребренные или лазурные, звездами испещренные, главы церквей, поднимающиеся к небу. На каждой из бесчисленных церквей сверкали пять металлических куполов. Между церквями виднелось множество кровель, выкрашенных по большей части в зеленую краску, что придавало городу вид медной зелено-серой шахматной доски. Здесь можно было различать несколько концентрических, мелкозубчатых оград, с возвышающимися на них через известные расстояния башенками, совершенно как в городах отдаленной Азии. Та из этих оград, которая составляла центр остальных, заключала в себе треугольную площадь Кремля, господствующего над Москвою, наподобие акрополя греческих городов. На этой площади привлекали взор выкрашенные в белую краску храмы со множеством раззолоченных глав и крестов; тут же виднелись, между прочим, постройки теремного дворца, с их совершенно еще свежее эмалированной штукатуркою. Затем, несколько вправо от Кремля и книзу от его ограды, глаз невольно переносился на церковь Василия Блаженного, – этот монумент, представляющий собою кучу поставленных одна на другую церквей, поднимался наподобие фантастического животного, со своими разноцветными чешуйчатыми кровлями, со своими двенадцатью разубранными множеством привесок главами, которые могли напоминать нашим грекам каук, огромный парадный тюрбан пашей и янычарских офицеров. Между церковью Василия Блаженного и святыми воротами Кремля виднелась площадь, с виселицами Ивана Грозного. Переходя от центра города к его окружности, взор за второй каменной оградой уже не различал ничего более, как только лабиринт переулков и беспорядочно наставленных домов, да деревянные, ярко раскрашенные избы, терявшиеся в садах, изрезанных прудами. На краю горизонта и на крутых берегах реки этот благочестивый и воинственный город опоясывался рядом больших, защищенных валами монастырей, представлявших собой крепости, служившие для молитвы и для войны. Монахи этих монастырей посвящали свое время храму и воинским упражнениям в ожидании татарских полчищ. И над всею этою необъятною панорамой носился гул сотен колоколов, так что и на ухо, как на глаз, город производил впечатление скорее гигантского монастыря, чем столицы с ее кипучею человеческою деятельностью.

Говоря об Иване Грозном применительно к Москве, нельзя не упомянуть о загадке, которая не дает покоя историкам на протяжении нескольких столетий, – а именно о бесследно пропавшей после его кончины легендарной библиотеке русских государей. Считается, что начало библиотеки заложил Иван III, получивший в качестве приданого за Софьей Палеолог в том числе часть Константинопольской библиотеки. Впоследствии библиотека исправно пополнялась; при Иване Грозном в нее передали арабские книги из собрания казанского царя Сефа-Гирея. В городе, который так часто горел, библиотека, вполне естественно, хранилась в царских подземельях – по одному из преданий, в тайнике, построенном Р. Фиораванти. И. Е. Забелин, впрочем, полагал, что это книги не спасло и что библиотека погибла в пожаре 1571 года, устроенном Девлет-Гиреем. Другие энтузиасты считали – и считают, – что библио-

теку следует искать не в Москве, а в Коломенском, в Александрове (бывшая Александровская слобода) или даже в Вологде, куда царь Иван хотел перенести столицу государства. Большинство современных исследователей сходятся на том, что царская библиотека не представляла собой ничего особенного, а книги из нее впоследствии разошлись по рукописным хранилищам в Москве и Петербурге.

Скородом и Белый город, 1591–1593 годы Пискаревский летописец, Самуил Маскевич

В 1591 году, уже в правление сына Ивана Грозного Федора, у стен Москвы вновь появились крымские татары; набег успешно отразили, однако стало понятно, что разросшийся город нуждается в крепостных стенах. Всего за год из дерева и земли были возведены стены протяженностью 15 километров, с 50 башнями. В летописи говорится:

Лета 7102 [1593/94 г.] ...поставлен град деревянной на Москве около всего посаду; конец его от Воронцова Благовещения, а другой приведен к Семчинскому сельцу, немного пониже, а за Москвою-рекою против того же места конец, а другой конец немного выше Спаса Нового, а за Яuzu тоже.

За скорость постройки сооружение прозвали Скородом, а руководил строительством будущий царь Борис Годунов. Сегодня на месте стен Скородома – точнее, земляного вала, которым укрепили город после ухода поляков в 1611 году, – пролегло Садовое кольцо.

Одновременно со Скородомом строились и внутренние укрепления – Белый город. Как сказано в летописи, царь Федор «повелел заложить на Москве... город каменный... имя же ему царев Белый каменный город». Архитектором выступал русский зодчий Ф. С. Конь¹, протяженность стен составляла более 9 км с 27 башнями. Стена Белого города начиналась от Москвы-реки (в районе Васильевского спуска), шла к Яuzu, поворачивала на север и полукольцом возвращалась к Кремлю. Сегодня на месте стен Белого города разбито Бульварное кольцо.

Польский рыцарь С. Маскевич успел увидеть московские укрепления до того, как они были разрушены в войнах Смутного времени.

Московские цари живут в Кремле; каждый из них, вступив на престол, строит себе новые палаты по своему вкусу, сломав прежние. Самое красивое здание есть дворец Димитрия Первого, похожий на польский. Шуйский в нем не жил, а выстроил для себя другой. Есть и каменный дворец, именуемый Золотою палатою; на стенах его находятся изображения всех великих князей и царей Московских, писанные по золоту, а потолок искусно украшен картинами из Ветхого Завета. Окна в нем огромные, в два ряда, одни других выше, числом 19; печь устроена под землею, с душниками, для нагревания комнат. Здание имеет вид квадрата, заключая в каждой стороне до 20 сажен; среди него стоит столп, на коем весь свод опирается. Из окон дворца царь показывается народу, а в известное время и царица. Здесь я жил довольно долго с некоторыми товарищами, укрываясь от огня: ибо москвитяне часто приветствовали нас огненными ядрами. Лошади наши стояли в дворцовых сенях, чего прежде, вероятно, не случалось: не только конь, но и думный боярин без царского дозволения не смел войти во дворец, со страхом Бога видеть.

---

¹ Это был человек весьма жизнелюбивый и, так сказать, колоритный, как явствует из челобитной, обращенной к Борису Годунову: «Государю царю и великому князю Борису Федоровичу всея Руси нищие твои богомольцы игумен Сквородского Михайлова монастыря Алексей, да чернецы соборные... да келарь, да казначеи и вся братия Михайлова монастыря бьют челом и извещают на бельца Федора сына Савельева Коня. Живет тот Конь не по чину по монастырскому. В церкви Божие, государь, не ходит и из казны и из погребов и сушила всякие запасы проводит к себе в келью. И сам есть безбожник... а в монастырь, государь, Михайлов, приехав, меня, игумена честного, и старцев соборных лает б..скими детьми, а иных, государь, и из собора выметал и в поле разогнал, а прочую, государь, братию, служебников и крылошаня, колет остцом и бьет плетями и без нашего игуменского и без старческого совета... И после Ефимона на погребке пьет сильно и тебе, государю, хочет оговаривать ложью старцев и всю братию...»

Есть другой дворец, где принимают послов иноземных, но не столь огромный. Подле дворцов находится церковь Благовещения Богородицы, с золотым на куполе крестом: в ней царь обыкновенно слушает литургию. Главный же храм в столице есть церковь Пречистой Богородицы, где сам патриарх совершает службу; здесь коронуются цари и в торжественные праздники присутствуют при богослужении. В числе других храмов замечательна еще церковь Михаила Архангела: здесь погребают царей; гробницы их не великолепны; при каждой из них находится изображение умершего, частью на стене, частью на самом гробе, вышитое по бархату. Там я видел гроб и того младенца Димитрия, вместо которого у нас явился другой: ибо Шуйский, умертвив царя Димитрия, господствовавшего в России, и сам вступив на престол, чтобы доказать справедливость своего действия, перенес из Углича в Москву тело какого-то младенца, назвал его истинным сыном царя Иоанна, убиенным еще в детстве, по повелению Бориса Годунова, и похоронил между другими царями. Тот же Димитрий истинный, который царствовал, по словам Шуйского, был обманщик.

Прочих церквей считается в Кремле до 20; из них церковь Св. Иоанна, находящаяся почти среди замка, замечательна по высокой, каменной колокольне, с которой далеко видно во все стороны столицы. На ней 22 больших колокола; в числе их многие не уступают величиною нашему краковскому Сигизмунду; висят в три ряда, одни над другими; меньших же колоколов более 30. Непонятно, как башня может держать на себе такую тяжесть. Только то ей помогает, что звонари не раскачивают колоколов, как у нас, а бьют в них языками; но чтоб размахнуть иной язык, требуется человек 8 и 10. Недалеко от этой церкви есть колокол, вылитый для одного тщеславия: висит он на деревянной башне, в две сажени вышиною, чтобы тем мог быть виднее; язык его раскачивают 24 человека. Незадолго до нашего выхода из Москвы колокол подался немного на Литовскую сторону, в чем Москвитяне видели добрый знак: и в самом деле вскоре нас выжили из столицы.

Вся крепость застроена боярскими дворами, церквями, монастырями так, что нет ни одной пустыри: в этом смысле она похожа на двор шляхтича. Ворота в ней четверо: одни ведут к Москве реке, другие к Ивангороду. Над воротами Фроловскими, на шаре стоит орел, знамение герба Московского. Высокая, толстая стена и глубокий, обделанный с обеих сторон камнем ров отделяют Кремль от Китая-города. <...>

В Китае-городе 6 ворот и более 10 башен; мост из него чрез Москву реку навешен живой. Вся крепость застроена домами частью боярскими, частью мещанскими, а более лавками; пустых мест мало, только при самом рве, отделяющем ее от Кремля. Китай-город и Кремль находятся внутри третьего замка Ивангорода, который окружен валом и выбеленною стеною, отчего некоторые называют его Белым городом. В нем столько же ворот, сколько башен. Все же замки обтекает Москва река, в ней много мест мелких, но топких, оттого наши охотнее переплывали ее, нежели переходили в брод. Ивангород равным образом застроен домами бояр и посадских людей, так что нет ни одного пустого места; только при воротах, ведущих в Кремль и Китай-город, есть небольшое незастроенное пространство. Впрочем, как дома находятся в значительном расстоянии от стен и палисадников, то здесь довольно много места для защиты от неприятеля.

До прихода нашего все три замка обнесены были деревянною оградю, в окружности, как сказывают, около 7 польских миль, а в высоту в 3 копья. Москва река пересекала ее в двух местах. Ограда имела множество ворот, между коими по 2 и по 3 башни; а на каждой башне и на воротах стояло по 4 и по 6 орудий, кроме полевых пушек, коих так там много, что перечеть трудно. Вся ограда была из теса; башни и ворота весьма красивые, как видно, стоили трудов и времени. Церквей везде было множество и каменных и деревянных: в ушах гудело, когда трезвонили на всех колоколах. <...>

Царь-пушка и прочие диковинки, 1596 год Дон Хуан Персидский, Самуил Маскевич

Русская артиллерия берет начало со времен Ивана Грозного, войско которого имело значительное количество мортир. В 1555 году Кашир Ганусов отлил мортиру своего имени – Кашириву пушку, грандиозных размеров орудие, стрелявшее каменной картечью и ядрами. В том же году мастер Степан Петров отлил огромную мортиру Павлин. Оба эти орудия охраняли подступы к Кремлю со стороны Фроловской (Спасской) башины, а порой их брали в поход: по сообщению летописи, в 1563 году царь при осаде Полоцка приказал «пушки большие Кашириву да Степанову да Павлин да Орел да Медведь и весь наряд стеной и верхней поставити близко городских ворот» и стрелять «без опочивания день и ночь». (Обе эти пушки, а также Ехидну, Кречета и Соловья по приказу Петра I впоследствии перелили «в пушечное и мортирное литье».)

В 1586 г. ученик Кашира Ганусова Андрей Чехов отлил мортиру, превосходившую размерами и Павлина, и Кашириву пушку. Пискаревский летописец сообщает: «Повелением государя царя и великого князя Феодора Ивановича... слита пушка большая, такова в Руси и в иных землях не бывала, а имя ей Царь».

О колоссальных пушках и иных «диковинах» московского двора оставил сообщение посланник персидского шаха Орудж-бек Байат, позднее принявший католичество и известный под именем дона Хуана Персидского.

Когда мы вошли в город, нас разместили в больших домах, которые походили на крепость; в одном поместили персидского посланника, который был отправлен к московскому царю; в другом – нашего посланника и нас самих, а в третьем поместили англичан; и оставили с нами триста человек стражи, и царь тотчас повелел нам прислать девять человек, которые понимали наш язык, по три в каждом доме, и приказал прислать нам большие подарки. И когда мы отдохнули там восемь дней, в воскресенье прислал он своего дворецкого звать нас, и мы вышли (из своих домов) в том же порядке, в каком вошли в город, и пешая стража стояла так же, как и в день нашего въезда, вплоть до самого дворца, и нам нужно было пройти четверть мили до дворца от замка, где нас поместили. Царский дворец – это и есть та самая цитадель, о которой мы говорили и в которой около шести тысяч домов, все из дерева, за исключением царского дворца и стен, которые из камня, и построены они и укреплены на итальянский манер, как мы уже сказали. Внутри этой укрепленной окружности находилось много церквей, и в самой большой из них есть колокол столь замечательный, что в него зазвонили, чтобы мы услышали это чудо, и тридцать человек не могли его двинуть; и в него звонят только в день рождения и коронации государя. Когда мы подошли к воротам дворца, мы нашли там царского дворецкого, ростом почти гиганта, который имел рядом с собою свирепейшего пса, привязанного на цепь, которого спускают ночью; этот дворецкий провел нас до второй двери, где находился другой, который довел нас до третьей двери, а дворецкий третьей двери довел нас до царской залы, где мы увидели 500 кавалеров, всех в платье из парчи, подбитой мехом, и в шапках, украшенных драгоценными камнями и другими изящными вещами невероятной цены. Эти кавалеры встретили нас и проводили до конца залы, где и находился сам царь; зала эта так велика, что от начала ее у дверей с трудом можно различить, что делается на конце ее. Своим построением она напоминает галерею или церковь, но она так длинна, как это уже было сказано; ее своды и купола поддерживаются на известном расстоянии сорока колоннами из позолоченного дерева, которые украшены резьбой и множеством листьев, а толщину их с трудом обхватят двое людей. Когда мы дошли до конца залы, мы увидели царя, который сидел

на троне, стоявшем на возвышении из многих ступеней, а трон был из массивного золота и украшен самыми драгоценными камнями. На царе была одежда из золотой материи, подбитой мехом, со многими пуговицами из алмазов; на голове (у него была) шляпа наподобие митры, а в руке скипетр, наподобие пастырского жезла. Сзади царя стояло сорок кавалеров с серебряными скипетрами, которые суть знаки, носимые царем на войне... Обед был чрезвычайно обильен и подан с большою роскошью, потому что каждому было предложено более сорока блюд, и все, что подавалось, подавалось в целом виде, и это было – телятина, дичь, баранина, гуси, утки и другие водяные птицы; хлебы, которые были поданы, были так велики, что один с трудом несли два человека, и (кроме того был поставлен) серебряный рукомойник, наподобие очага с ручками; и царь послал каждому отведать со своего блюда, сообразно с достоинством каждого гостя, в особенности же (посылал отведать) виноградного вина, которое есть предмет всего более ценимый в том царстве; это вино привозят очень издалека для царя и епископов, для того чтобы они могли распределить его между своими церквами для совершения таинства. За небольшою загородкою внутри залы, в которой мы обедали, все время играли на различных инструментах и пели, и обед продолжался с двух часов пополудни до восьми вечера, и потом мы вернулись в наше помещение, в сопровождении той же свиты и той же стражи, с которыми отправились во дворец, при освещении ста факелов, а слугам нашим было отправлено великое изобилие яств. И всякий день, когда кто-нибудь из нас желал отправиться посмотреть город, надо было просить позволения у капитана той крепости, и он давал нам четыре человека стражи; по прошествии восьми дней нам стали показывать достопримечательности города, в особенности царскую сокровищницу, в дверях которой стояли два очень некрасивых изображения львов; одно из них было, по-видимому, из серебра, другое – из золота; а что касается богатства, которое имелось там, то трудно этому поварить, не то что сказать, и потому я умалчиваю. Гардероб царский также заключал в себе неоценимые драгоценности, а в арсенале хранилось так много оружия, что им можно было бы вооружить двадцать тысяч кавалеров. Также показали нам клетку с дикими зверями, и среди них был лев величиною с лошадь, у которого грива была чрезвычайной длины, и он так рассвирепел, увидев нас, что сломал один из брусьев клетки очень больших размеров. Затем мы бродили по городу, видели великое разнообразие ее лавок и большую площадь, на которой стояли пушки такой огромной величины, что два человека могли войти в их жерло для того, чтобы чистить их, и каждая из них была длиною 7 аршин, и для заряда в них клали по 2 аробы (около 100 фунтов) порошу в каждую.

Польский рыцарь С. Маскевич прибавлял:

Высокая, толстая стена и глубокий, обделанный с обеих сторон камнем ров отделяют Кремль от Китая-города. Много можно было бы написать о последней крепости; но всего пересказать неудобно. Трудно вообразить, какое множество там лавок: их считается до 40 000; какой везде порядок (для каждого рода товаров, для каждого ремесленника, самого ничтожного, есть особый ряд лавок, даже цирюльники бреют в своем ряду), какое бесчисленное множество осадных и других огнестрельных орудий на башнях, на стенах, при воротах и на земле. Там, между прочим, я видел одно орудие, которое заряжается сотнею пуль и столько же дает выстрелов; оно так высоко, что мне будет по плечо; а пули его с гусиные яйца. Стоит против ворот, ведущих к живому мосту. Среди рынка я видел еще мортиру, вылитую, кажется, только для показа: сев в нее, я на целую пядень не доставал головою до верхней стороны канала. А пахолики наши обыкновенно влезали в это орудие человека по три, и там играли в карты, под запалом, который служил им вместо окна.

Царь-пушку установили на пушечном настиле из бревен на площади перед Кремлем, а в XVIII столетии перевезли в Кремль – сначала во двор здания Арсенала, а затем к его глав-

ным воротам. В 1960-х годах пушку перевезли на Ивановскую площадь Кремля, к собору Двенадцати Апостолов, и поставили на чугунный лафет.

В 1980 году был проведен осмотр и ремонт Царь-пушки, позволивший установить, что пушка представляет собой классическую бомбарду (осадную мортиру) и что из нее стреляли по крайней мере один раз.

Москва Бориса Годунова: Иван Великий и Лобное место, 1598–1605 годы Исаак Масса, Пискаревский летописец

После кончины царя Федора престол занял брат вдовы усопшего Ирины Годуновой боярин Борис Годунов. Этот человек успел показать себя рачительным хозяином и, как сказали бы сегодня, эффективным менеджером: именно он от имени царя учредил в России патриаршество, именно он строил московский Скородом и, как записал шведский посланник при русском дворе Петр Петрей, «нес свою должность с таким усердием и благоразумием, что многие дивились тому и говорили, что не было ему равного во всей стране по смыслености, разуму и совету».

Голландский купец И. Масса своими глазами наблюдал за правлением царя Бориса.

Меж тем страна стала заметно процветать, и население весьма возросло, ибо до того была почти совершенно опустошена и разорена вследствие великой тирании покойного великого князя (Ивана Грозного. – *Ред.*) и его военачальников, во всем ему подражавших, и начисто разорена и разграблена, теперь же только благодаря добросердию и кротости князя Федора, а также великому умению Бориса снова начала оправляться и богатеть. <...>

Борис приказывал поджигать Москву в разных местах, и так три или четыре раза, и каждый раз сгорало более 200 домов, и все поджигатели были подкуплены Борисом, и многих из них приводили к нему, и он, угрожая позорной смертью, приказывал сажать их по разным тюрьмам; таким образом он снова навел страх на всю страну; сверх того он послал воеводами в пограничные города несколько человек, которые лживо писали, что крымский хан с большим войском снова готовится вторгнуться в страну, и посылали письма с такими вестями в Москву, так что повергли всю страну в такой страх, что народ забыл обо всех делах... и опасались, что эта измена и эти поджоги учинены татарами, и по причине необыкновенной хитрости Годунова оставили все подозрения, так что каждый был занят собственным горем и бедствием и, забывая о всех других делах, оплакивал только свои.

Борис, видя, что все совершается по его желанию, послал московским домовладельцам, дома и имущество которых погорели, много денег, сообразно с потерей каждого, и велел своим друзьям и слугам утешать их, соболезнуя их несчастью, и велел от своего имени весьма ласково утешать их, предлагая свою помощь, сколько он может, и ежели кто хотел обратиться к царю с просьбой, он обещал ходатайствовать за того, что он и исполнял, а сверх того все жалобы, каждодневно подаваемые царю во время его шествия в церковь, а также все прошения Борис принимал, тщательно сохранял и прочитывал, дабы знать, что происходит во всей стране; и все получали милости и ответы от Бориса, чем он так расположил к себе, что о нем говорили повсюду и не могли достаточно нахвалиться им, желая, чтобы по смерти царя он получил корону; этого только он и желал, и ему и его близким посчастливилось; Борис пользовался бóльшим уважением, чем царь, ибо царь не утруждал себя ничем, кроме того, что ходил в церковь и присутствовал при богослужениях, и Борис управлял всею землею, как глава государства, будучи над всем царем, а Федор Иванович носил только титул. <...>

Дядя покойного царя, Федор Никитич, получивший от него корону и скипетр и объявленный царем в присутствии всех вельмож, более желавших видеть на престоле его, чем Бориса... зная Бориса, и зная все действия Бориса, и зная также, что невозможно воспрепятствовать ему, ибо народ любил Бориса и взывал к нему, и чтобы избавить свое любезное отечество от внутренних междоусобий и кровопролитий, ибо он хорошо знал, что своими действиями

может навлечь великую опасность, передал корону и скипетр Борису, смиренно прося его как достойного принять их.

Борис не желал и слышать о том, притворялся весьма изумленным, отказывался с великой мольбой, говоря: «Кто я такой, чтобы управлять таким несказанно большим государством, мне довольно трудно управлять и самим собою», и просил, чтобы его более тем не утруждали. Федор Никитич тоже называл себя недостойным, также не хотел слышать о том и сам решительно отказывался, и так оставалось нерешенным.

Великий страх обуял бояр и придворных, они все время взывали к Федору Никитичу и желали, чтобы он был над ними царем; народ меж тем повсюду кричал: «Сохрани, боже, царя Бориса»; и почти все толпой побежали ко дворцу, и поклялись, и присягнули повиноваться царю Борису, как следовало верноподданным; принял от них присягу Иван Васильевич Годунов, дядя Бориса; увидев это, все бояре также пришли и, опасаясь, чтобы народ не схватил их как изменников, стали присягать; а также Федор Никитич со всеми своими братьями, и так признали Бориса Федоровича государем и великим князем, а сына его – царевичем и наследником. <...>

В год 1599 после Рождества Христова, 1 сентября... совершилось венчание Бориса Федоровича царем всея Руси, а сын его объявлен царевичем московским... Венчание на царство было совершено с большой пышностью и великолепием, и царский пир, весьма роскошный, продолжался восемь дней. Венчание происходило в храме Богородицы. Венец на голову Бориса надел патриарх в присутствии епископов и митрополитов, со многими церемониями, благословениями и каждением; и царь шествовал по золотой парче, посланной поверх пурпурового сукна по всем дорогам, по коим ему надлежало пройти ко всем церквам, по Кремлю и к дворцу, и перед царем щедро разбрасывали золотые монеты, и каждый, сколько мог, подбирал их.

В Кремле, в разных местах, были выставлены для народа большие чаны, полные сладким медом и пивом, и каждый мог пить сколько хотел, ибо для них наибольшая радость, когда они могут пить вволю, и на это они мастера, а паче всего на водку, которую запрещено пить всем, кроме дворян и купцов, и если бы народу было дозволено, то почти все опились бы до смерти; но довольно о том писать, ибо сие не относится к предмету нашего сочинения. <...>

В то время (1601–1603 гг. – *Ред.*), по воле Божией, во всей московской земле наступила такая дороговизна и голод, что подобного еще не приходилось описывать ни одному историку... велик был голод и нужда во всей Московии. Так что даже матери ели своих детей; все крестьяне и поселяне, у которых были коровы, лошади, овцы и куры, съели их, невзирая на пост, собирали в лесах различные корни, грибы и многие другие и ели их с большой жадностью; ели также мякину, кошек и собак; и от такой пищи животы у них становились толстые, как у коров, и постигала их жалкая смерть; зимою случались с ними странные обмороки, и они в беспмятстве падали на землю. И на всех дорогах лежали люди, помершие от голода, и тела их пожирали волки и лисицы, также собаки и другие животные. <...>

В самой Москве было не лучше; провозить хлеб на рынок надо было тайком, чтобы его не отняли силой; и были наряжены люди с телегами и санями, которые каждодневно собирали множество мертвых и свозили их в ямы, вырытые за городом в поле, и сваливали их туда, как мусор, подобно тому, как здесь в деревнях опрокидывают в навозные ямы телеги с соломой и навозом, и когда эти ямы наполнялись, их покрывали землей и рыли новые; и те, что подбирали мертвых на улицах и дорогах, брали, что достоверно, много и таких, у коих душа еще не разлучилась с телом, хотя они и лежали бездыханными; их хватили за руки или за ноги, втаскивали на телегу, где они, брошенные друг на друга, лежали, как мотовила в корзине, так что поистине иные, взятые в беспмятстве и брошенные среди мертвых, скоро погибали; и никто не смел подать кому-нибудь на улице милостыню, ибо собиравшаяся толпа могла задавить того до смерти. И я сам охотно бы дал поесть молодому человеку, который сидел против нашего дома и с большой жадностью ел сено в течение четырех дней, от чего надорвался и умер, но

я, опасаясь, что заметят и нападут на меня, не посмел. Утром за городом можно было видеть мертвых, одного возле кучи навоза, другого наполовину съеденного и так далее, отчего волосы становились дыбом у того, кто это видел. <...>

В это время происходило в Москве много ужасных чудес и знамений, и большей частью ночью, близ царского дворца, так что солдаты, стоявшие на карауле, часто пугались до смерти и прятались. Они клялись в том, что однажды ночью видели, как проехала по воздуху колесница, запряженная шестеркой лошадей, в ней сидел поляк, который хлопал кнутом над Кремлем и кричал так ужасно, что многие караульные убежали со страху в горницы. Солдаты каждое утро рассказывали об этих видениях своим капитанам, которые передавали своим начальникам, так что эти и им подобные рассказы доходили до царя, оттого боязнь его день ото дня возрастала... Это все были предвестники грядущей напасти, и хотя эта страна, претерпевающая голод и нищету, исполненная бедствий, была сурово наказана, казалось, ее ожидала еще большая кара. <...>

Что касается градостроительной деятельности нового царя, в историю Москвы Борис Годунов вошел как правитель, при котором нарастили колокольню Ивана Великого, устроили в городе три богадельни и возвели на площади перед Кремлем Лобное место.

Пискаревский летописец повествует:

Лета 7108 царь и великий князь велел прибавить у церкви Ивана Великого высоты 12 сажень и верх позолотить, и имя свое царское велел написать. Того же года слит колокол большой, таков колокол весом не бывал, и поставлен на колокольнице деревянной тягости ради.

Того же года подписан храм в дому у Пречистой Богородицы, в Новом в Девичьем монастыре каменный, большой, соборный, о пяти верхах, чудно, и образы чудотворные обложены дорогим окладом с камнями...

Того же года сделаны зубцы каменные по рву кругом Кремля-города, где львы сидели, и до Москвы реки от Неглиненских ворот; да подле Москвы реки от Свибловой башни во весь город по берегу сделаны зубцы же каменные и по мельницу по Неглиненскую... И на Москве поставлены три богадельни: у Моисея Пророка на Тверской улице богадельня, а в ней были нищие миряне; да богадельня против Пушечного двора, а в ней инокини; да богадельня на Кулишках, а в ней нищие, женской пол. Того же году учинилось знамение в Грановитой палате: выпало верху против царского места с полсажени, а инде весь верх цел. <...>

Того же года (1599) сделано Лобное место каменное, резанное, двери – решетки железные. <...>

В комментариях к так называемому Петрову чертежу, составленному в начале царствования Годунова, то есть в 1598–1599 годах, сказано, что Лобное («Налобное») место представляет собой «помещение или возвышение, выстроенное из кирпича, на котором патриарх в дни молитв воспевае некоторые песнопения, также служит для объявлений народу».

Убийство Григория Отрепьева, 1606 год Иное сказание

В 1604 году беглый монах Григорий Отрепьев в Литве стал выдавать себя за царевича Дмитрия, сына Ивана Грозного (на самом деле скончавшегося – или убитого – в Угличе в 1591 году). Польский король Сигизмунд III поддержал самозванца, и Лжедмитрий стал собирать войско для «отвоевания отчего престола». В России между тем все сильнее становились антигодуновские настроения, и на сторону самозванца перешли сначала донские казаки, а затем и московское войско. 20 июня 1605 года, уже после смерти Бориса Годунова, Лжедмитрий триумфально въехал в Москву. Его сопровождало множество поляков, которые фактически оккупировали город. Пристрастие Лжедмитрия ко всему «иноземному», преобразование Боярской думы в сенат, введение при дворе новых должностей по польскому образцу малопомалу переполнили чашу терпения. В ночь с 16 на 17 мая 1606 года состоялся дворцовый переворот, о котором и повествует Иное сказание – литературно-публицистическая повесть, составленная в 1620-х годах неизвестным автором.

И задумал тот окаянный гонитель со своими злыми советниками перебить бояр и гостей и всех православных христиан... И он хотел святые места осквернить, а монастыри превратить в жилища нечестивых, а юных иноков и инокинь по своему злему замыслу хотел, окаянный, женить, а инокинь выдавать замуж, а тех иноков и инокинь, кто не захочет снять с себя ангельский образ и не желает прелестей здешней быстротекущей жизни, казнить мечом. И все это зло окаянный замыслил сотворить и наводнить Московское государство погаными иноверцами – литовцами, евреями и поляками и иными скверными, так что русские люди среди них мало будут заметны. <...>

В десятый день после своей свадьбы, 114 [1606] года, месяца мая в 16 день, на четвертой неделе после Христовой Пасхи, в субботу, он (Отрепьев. – *Ред.*) был убит мечами и прочим оружием, по земле выволочен из высочайших светлейших своих чертогов руками многих человек, которым прежде на него живого и взглянуть было нельзя, не то что прикоснуться к нему. И так был выброшен из крепости и брошен на торжище, всеми прокливаемый и попираемый и всеми всяким образом оскверняемый за его злобный и жестокий нрав. И невидимой своей силой Творец-избавитель наш в одночасье победил и советников его, великое множество упомянутых выше злохитренных нечестивцев. А русские люди, отчаявшиеся и безоружные, с Божьей помощью их смертоносное оружие у них отняли и их, вооруженных, победили. И столько их, нечестивых, в тот субботний день погибло, что по всем улицам великого града Москвы из-за их трупов нельзя было пройти. А нас, грешных рабов своих, избавил от той великой, убивающей душу смертоносной язвы.

И три дня пролежал на торжище труп окаянного богоборца, и всякий смотрел на нечистый его труп, никем не покрытый, нагой, каким вышел из чрева матери своей. И идолы, которым он поклонялся, но никак ему не помогли, были положены ему на грудь. А по прошествии трех дней окаянный был выброшен из города в поле. И на его труп, выброшенный на позор, не только людям было противно смотреть, но и сама земля, из которой он был взят, гнушалась им. И мы видели все это, и каждый себе говорил: «О, злое дело: родился, просветился святым крещением и назвался сыном света, а ныне сам захотел стать сыном погибели!»

И когда он лежал в поле, многие люди слышали в полночь и до самых петухов громкие вопли и бубны и свирели, и прочие бесовские игрища над его телом: так Сатана радовался приходу своего слуги. Ох, так тяжело проклятие на тебе, окаянном, что и земля гнушается принять в себя твое проклятое еретическое тело, и воздух начал смрадом дышать, а облака

не дали дождя, не желая омывать его окаянного тела, и солнце не согревало земли, морозы ударили и лишили нас пшеничных колосьев, пока его смрадное тело лежало на земле.

Поход на Москву Ивана Болотникова и Тушинский вор, 1606–1607 годы Пискаревский летописец

Боярская дума провозгласила царем Василия Шуйского. Новый царь перенес из Углича в Москву останки царевича Дмитрия, церковь причислила последнего к лику святых, однако по стране вновь поползли слухи о том, что Дмитрий жив. В частности, в Рязани выдавал себя за Дмитрия дворянин Прокопий Ляпунов, к которому примкнул с отрядом крестьянин Иван Болотников.

Пискаревский летописец сообщает:

И немного спустя начался мятеж в северских градах и в украинских, и стали говорить, что жив царь Дмитрий, утек, не убили его. И с тех мест стали многие называться воры царевичем Дмитрием за грехи наши всех православных христиан. И назвался некоторый детина именем Илюшка, послужилец Елагиных детей боярских, нижегородец, а назвался Петр царевич, сын царя Федора Ивановича, а жил в Путивле и много крови пролил бояр и дворян, и детей боярских лучших, и всяких людей побил без числа. А воеводы от него приходили с Тулы со многими людьми Истома Пашков, сын боярской, веневаитин, да Ивашко Болотников, холоп князя Андрея Телятевского. А стояли в Коломенском, и их московские воеводы побили. А Пашков приехал к Москве, а Болотников побежал в Калугу. И воеводы большие ходили с Москвы под Калугу со мною силою и стояли много времени и крови многие проливали, а Калуги не взяли. И по грехом из-под Калуги полки все дрогнули и гонимы были Божиею силою и побежали иные к Москве, и иные в Серпухов. А Болотников пошел на Тулу к Петрушке, которой и назвался царевичем (имеется в виду казачий атаман Илейка Горчаков, называвший себя Петром, якобы сыном царя Федора. – *Ред.*). И князь великий ходил под Тулу сам и под Тулою стоял многое время, а взял водою подтопил острог, воду взвел на Упе на реке. И Тула добила челом за крестным целованьем. И Петрушку, и Болотникова взяли; и Петрушку повесили, а Болотникова сослали в Каргополе, и там его в воду посадили. И после того назвался иной вор царевичем Дмитрием, а сказывают, сынчишко боярской Веревкиных из Северы, и пришел под Москву в Тушино со многими людьми с литовскими и русскими. И стояли у Москвы больше двух годов и били, беспрестанно кровь христианскую лили... А сам князь великий стоял за городом на Ваганькове в обозе многое время, и вся рать, бояре и воеводы, с ним. А на Москве в то время был голод великой, рублев в пять и в шесть, и в семь четверть ржи купили, потому что дороги все отняты были. И того вора литвины хотели изымать и в Литву к королю отвести. И он не со многими людьми побежал из Тушина в Калугу. <...>

И после того опять собрались литовские и русские многие люди, а с ними изменники Михайло Салтыков да торговый человек Фетька Андронов, иные изменники московские пошли к Москве. И князь великий Василий послал против них воевод своих князя Дмитрия Шуйского да князя Андрея Голицына со многими людьми с русскими и с немцами. И воеводы московские сошлись за Можайском в Цареве Займище. И судом Божиим, а грехом нашим литовские люди московских и немецких людей побили. И с того дела всякие люди пошли врозь, немецкие люди пошли к немцам, а русские иные к Москве, а иные к вору в Калугу. И та литва опять пришла вскоре к Москве... А с другой стороны пришел вор из Калуги, которой назывался царевичем Дмитрием. И в ту пору стало на Москве волнение великое в боярах и в дворянах, и в гостях, и вся чернь восстала... И московские люди почали бить челом королю (Польши. – *Ред.*) да сыну его королевичу, чтоб король пожаловал, дал на Московское государство сына своево королевича и крестится б ему велел... А литва крест целовала, и в город их пустили.

Разорение Москвы поляками и освобождение города, 1610–1612 годы Плач о пленении и конечном разорении Московского государства, В. Г. Белинский

Польские войска под командованием гетмана Жолкевского заняли Москву в 1610 году.

Когда же пришло время святого Великого поста и настала Страстная неделя, приготовились окающие поляки и немцы, которые вошли с ними в царствующий град, к нечестивой резне и жестокосердно, как львы, устремились, поджегши сначала во многих местах святые церкви и дома, подняли потом меч на православных христиан и начали без милости убивать народ христианский. И пролили, как воду, кровь неповинных, и трупы мертвых покрыли землю. И обагрилось все многонародною кровью, и всеядным огнем истребили все святые церкви и монастыри, и укрепления, и дома, каменные же церкви разграбили и прекрасные иконы Владыки и Богоматери Его и святых угодников Его с установленных мест повергли на землю и бесчисленной добычей, всяческими предорогими вещами, свои руки наполнили. И расхитили сокровища царские, в течение многих лет собранные, на которые и глядеть таким, как они, не годилось бы! И гробницу блаженного и исцеления приносящего тела великого Василия, Христа ради юродивого, рассекли на многие части, и ложе, что было под гробницей, с места сдвинули, а на том месте, где лежит блаженное его тело, для коней стойла устроили и, похотев обличьем на женщин, бесстыдно и бесстрашно в церкви этого святого блудную мерзость творят. Неповинно же убиенных правоверных христиан и погребения не удостоили, но в реку тела всех их побросали. И опозорили многих женщин и дев растлили; из тех же, кто избежал их рук, многие на дорогах скончались от мороза, голода и различных невзгод.

В 1611 году собралось первое ополчение, которое освободило Москву, однако внутренние дрязги среди предводителей ополченцев позволили полякам укрепиться в Кремле. Год спустя второе ополчение, созванное в Нижнем Новгороде купцом Кузьмой Мининым и князем Дмитрием Пожарским, осадило Кремль, и в октябре поляки сдались.

В 1803 году начался сбор средств на установку памятника Минину и Пожарскому, а скульптор И. П. Мартос сделал проект композиции. Нужную сумму удалось собрать к 1811 году, и к этому времени вдобавок решили установить памятник не в Нижнем Новгороде, как предполагалось изначально, а в Москве. Торжественное открытие памятника состоялось 4 марта 1818 года, причем скульптура стояла посреди площади.

В письме к А. П. и Е. П. Ивановым В. Г. Белинский писал:

Монумент Минина и Пожарского стоит на Красной площади, против Кремля. Пьедестал оного сделан из цельного гранита и вышиною будет не менее четырех аршин. Статуи вылиты из бронзы. Пожарский сидит, опершись на щит, а Минин перед ним стоит и рукою показывает на Кремль. На передней стороне пьедестала вылито из бронзы изображение людей обоих полов и всех возрастов, приносящих на жертву отечеству свои имущества. Вверху сего изображения находится следующая краткая, но выразительная надпись:

ГРАЖДАНИНУ МИНИНУ И КНЯЗЮ ПОЖАРСКОМУ
БЛАГОДАРНАЯ РОССИЯ

Когда я прохожу мимо этого монумента, когда я рассматриваю его, друзья мои, что со мною тогда делается! Какие священные минуты доставляет мне это изваяние! Волосы дыбом

поднимаются на голове моей, кровь быстро стремится по жилам, священным трепетом исполняется все существо мое, и холод пробегает по телу. «Вот, – думаю я, – вот два вечно сонных исполина веков, обессмертившие имена свои пламенной любовью к милой родине. Они всем жертвовали ей: имением, жизнью, кровью. Когда отечество их находилось на краю пропасти, когда поляки овладели матушкой Москвой, когда вероломный король их брал города русские, – они одни решились спасти ее, одни вспомнили, что в их жилах текла кровь русская. В сии священные минуты забыли все выгоды честолюбия, все расчеты подлой корысти – и спасли погибающую отчизну. Может быть, время сокрушит эту бронзу, но священные имена их не исчезнут в океане вечности. Поэт сохранит оные в вдохновенных песнях своих, скульптор – в произведениях волшебного резца своего. Имена их бессмертны, как дела их. Они всегда будут воспламенять любовь к родине в сердцах своих потомков. Завидный удел! Счастливая участь!»

К собору Василия Блаженного памятник перенесли лишь в 1931 году.

Торжественное вступление в Москву и венчание на царство Михаила Романова, 1613 год Дворцовые разряды

Из Смуты, как стали называть бурное пятнадцатилетие после смерти царя Федора Иоанновича, государство вышло не только разоренным и обескровленным, но и лишенным правителя. В 1613 году на Земском соборе было решено «просить на царство» 16-летнего Михаила Романова, сына митрополита Филарета и двоюродного внука Ивана Грозного (по первой жене). Избрание состоялось в январе, а в апреле новый царь торжественно въехал в Москву.

Об этом въезде и о венчании Михаила на царство сохранились сведения в так называемых Дворцовых разрядах – придворных писцовых книгах.

Того же года, апреля после великого дня, в третью неделю святых жен мироносиц, государь царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси с матерью своею с великою государынею Марфою Ивановною пришел в царствующий град Москву на свой царский престол, и государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси и мать его великую государыню старицу инокиню Марфу Ивановну встречали с чудотворными иконами, за городом, митрополиты и архиепископы, и весь освященный собор, и бояре, и окольничие, и стольники, и стряпчие, и дворяне, и дьяки, и дворяне и дети боярские из городов, и головы стрелецкие, и атаманы, и казаки, и стрельцы, и гости, и посадские и всяких чинов люди, от мала и до велика. И государь царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси и мать его великая государыня старица инокиня Марфа Ивановна, пришед в соборную церковь Пречистой Богородицы, и совершались молебные пения, и принял благословения от митрополита и от архиепископов, и пожаловал государь бояр и окольничих, и стольников, и стряпчих, и дворян, и всяких чинов людей, велел быть у своей царской руки. И Московского государства бояре, и окольничие, и стольники, и стряпчие, и дворяне, и всяких чинов люди с радостотворными слезами здравствовали ему, великому государю, чтоб он, великий государь царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси, на своих великих государствах многолетен и счастлив был, в неисчетные лета; а они ему великому государю на том крест целовали и души свои дали, и век служить и прямить до конца живота ради. <...>

Из золотой палаты послал государь, на казенный двор, по царское платье бояр: Василия Петровича Морозова, да князя Дмитрия Михайловича Пожарского, да Никифора Васильева сына Траханиотова. И с казенного двора диадему, и крест и шапку Мономахову нес на блюде Благовещенский протопоп Кирилл; скипетр нес боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарский; яблоко (державу. – *Ред.*) нес Никифор Траханиотов; стоянец нес дьяк Алексей Шапилов; а перед саном шел, с казенного двора, боярин Василий Петрович Морозов. И как пришли с саном в золотую палату, и государь велел им же нести из золотой палаты в соборную церковь к Пречистой Богородице. <...>

И после того государь царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси пошел из золотой палаты в соборную церковь, и в соборной церкви венчался царским венцом от преосвященного Ефрема, митрополита Казанского и Свияжского. И в те поры шапку Мономахову держал боярин Иван Никитич Романов; скипетр держал боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой; яблоко держал князь Дмитрий Михайлович Пожарский; блюдо держал думный разрядный дьяк Сыдавной-Васильев; стоянец держал дьяк Алексей Шапилов. И, слушав обедню, государь царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси пошел из соборной церкви, и в церковных дверях осыпал государя золотыми боярин князь Федор Иванович Мстиславский, и пошел госу-

дарь из соборной церкви в церковь Архангела Михаила. И пошел государь из церкви Архангела Михаила, и в дверях осыпал государя золотыми боярин князь Федор Иванович Мстиславский, а от Архангела Михаила вошел государь к Благовещению; а от Благовещения пошел государь в верх, золотою лестницею, подле Грановитой палаты, и на лестнице осыпал государя золотыми боярин князь Федор Иванович Мстиславский, и государь пришел к себе в хоромы.

Москва при Михаиле Федоровиче, 1630-е годы Опись Москвы, Адам Олеарий

При Михаиле завершилась война со Швецией, и Россия вернула себе Новгород и Ладугу, но потеряла Ивангород и крепость Орешек. Также был подписан мирный договор с Польшей (королевич Владислав в 1617 году стоял у Кремля, под стенами Белого города, но вынужден был уйти ни с чем), по которому Смоленск и черниговские земли отошли полякам, зато Россия сохранила независимость. При этом продолжали досаждают набегами крымские татары, в Поволжье вспыхивали крестьянские восстания.

Что касается столицы, город отстраивался после польской оккупации. При этом многие «торговые и мастерские люди» нарушали положение, установленное еще при царе Федоре: улицы в Белом городе должны быть шириной по 12 сажени, а переулки по 6 сажени. На деле же улицы оказались шириной всего от 3 до 4 сажени. Не удивительно, что восстановлению Москвы изрядно препятствовали часто возникавшие пожары.

После пожара 1629 года царский указ повелел составить опись «столичного граду Москвы».

И по государеву цареву и в. кн. Михаила Федоровича всяя Руси и отца его государева в. г. святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всяя Руси указу окольничий Лев Иванович Долматов-Карпов да дьяк Иван Грязев в Белом в Каменном городе по пожарным местам по Тверскую улицу измерили и описали улицы большие и переулки и тупики и около церквей и монастырей и от городских стен до дворов в государеву указную в дворовую сажень в ширину, которая большая улица и переулки и тупики и около церквей и монастырей и от города до вала было до нынешнего пожара, как поставили дворы после московского разорения; а измерив и написав на роспись порознь и по статьям, о том о всем докладывали. <...>

От водяных от первых ворот Белого Каменного города по пожарному месту, едучи возле вал к Чертольским воротам, у водяных ворот от вала до погорелых дворовых мест по мере три сажени; а против церковного горелого места Николы Явленского от вала две сажени с четвертью, а от Всех Святых – от каменного храма до дворов четыре сажени, а тот храм Всех Святых стоит в вале.

А приехав от Чертольских ворот к Арбатским воротам у каменного у самого застенка были дворы сотника стрелецкого Ермолы Уварова да Карпа Чудова и иных всяких людей; и в пожар от тех дворов застенки попортились: камень и кирпич во многих местах от огня истрескался и пообвалился, а наперед сего до московского разорения в том месте подле застенка дворов не было. <...>

Улица Знаменская большая, едучи от Кремля города к Белому городу, меж погорелых дворов, посторонь двора боярина князя Ивана Ивановича Шуйского, по мере поперек три сажени, а двор боярина князя Ивана Ивановича Шуйского, и иные дворы к Благовещению и у Николы на Старом Ваганькове, в пожаре уцелели; Знаменские ж улицы по левой стороне, мимо окольничего Ортемьева двора Васильевича Измайлова, к Онтипью чудотворцу переулком, – с одну сторону дворы целы, а с другой стороны дворы погорели, – по мере меж целых и погорелых дворов две сажени; да в том же переулке направо тупик к Ортемьеву двору Лодыгина, по мере меж дворов две сажени; Знаменские ж улицы налево переулком, мимо Знамения Пречистой Богородицы до Николы Турыгина и до Пречистой Ржевской, по мере меж дворов две сажени. В том же переулке налево переулком, мимо Федорова двора Толочанова, к Онтипью Чудотворцу, по мере меж дворов три сажени; да против того переулка направо переулком к Луке Евангелисту, по мере меж дворов полторы сажени; на той же стороне переулком к Луке Еван-

гелисту, по мере меж дворов две сажени; да от Луки Евангелиста налево тупик к Федорову двору Малого, по мере меж дворов две сажени без четверти. <...>

Арбатские ворота меж каменных застенков по мере шесть сажен.

Улица Никитская большая, едучи от Кремля к Белому городу, у решетки меж погорелых дворов боярина князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского, да Исака Погожего, по мере поперек шесть сажен.

С Никитской же улицы к Тверской улице, мимо Михайлова двора Бутурлина, переулок по мере меж дворов три сажени с четвертью.

А против того переулка, меж дворов Михаила Бутурлина да дьяка Ивана Болотникова, по Никитской по большой улице по мере шесть сажен.

Да от церкви от Воскресения Христова налево ж, позади Иванова двора Бороздинцова, к овражку переулок, по мере поперек сажень.

А по сказке Воскресенского попа Матвея, что тот переулок бывал исстари до московского разорения проезжий на вражек, а после разорения проходили только тем переулком меж дворов ко вражку пешие люди; и в нынешнем-де во 137-м (1629) году тот переулок весь занял к себе во двор подьячий Иван Бороздинцов. И били челом государю тот поп Матвей и иные тутошние всякие люди, чтоб тот переулок велели у подьячего у Ивана из двора отгородить по прежнему в переулок. <...>

Улица Тверская большая левая сторона, стольника от Олексеева двора Годунова дворы горели, а с другую с правую сторону боярина от князь Офонасьева двора Лобанова-Ростовского дворы целы во всю Тверскую улицу и по самые Тверские ворота, а по мере промеж тех целых и погорелых дворов у решетки поперек семь сажен с четвертью. <...>

Тверская ж большая улица, меж князь Васильевского двора Тюменского и меж Воскресенского монастыря, проехав святые ворота, по мере восемь сажень без четверти; да у Воскресенского ж монастыря против алтаря церкви Василия Кесарийского на правой стороне стоят пять лавок у самого моста, а от лавок до церкви Василия Кесарийского большая улица, по мере поперек пять сажен, а под лавками занято уличной земли 7 сажень с четвертью.

А по сказке тутошних всяких людей, что та земля, которая под лавками, была исстари большой Тверской улицы, а не лавочная, а лавочные люди сказали, что им тое землю под лавки давал на оброк Воскресенского монастыря игумен Иона за монастырскую землю.

А у самых у Тверских ворот меж лавок по мере четыре сажени, а лавки стоят по обе стороны по самый мост; да тут же у ворот на левой стороне стоят на уличном месте к алтарю к церкви Дмитрию Селунскому четыре лавки; а по сказке тутошних лавочных людей, что в том месте лавок исстари не бывало, а поставлены те лавки внове.

А Тверские ворота по мере меж каменных застенков шесть сажен.

А позади лавок на левую сторону у Тверских ворот церковь Живоначальной Троицы деревянная, и дворы по двум переулком до Николы, что в Гнездниках, в пожаре уцелели. <...>

По тем же пожарным местам, по большим улицам и по переулкам, монастыри и приходные церкви, и к тем монастырям и к церквам по старым дачам монастырские и церковные места, а на тех монастырских и на церковных местах жили дворами, поставясь под самые церкви, всякие люди по даче из оброку тех монастырей игуменов и попов, и многие церкви каменные и деревянные, которым было в пожар и можно уцелеть, от тех от ближних дворов, которые стояли на монастырских землях, погорели. <...>

И в 137-м (1629) году г. ц. и в. кн. Михаил Федорович всея Руси и отец его государев в. г. святейший патриарх Филарет Никитич Московской и всея Руси, слушав докладные выписки, указали: в Белом во каменном городе от вала, где было до пожару до дворов поперечнику по пяти и по четыре и по три сажени, быть по-прежнему, а где по две сажени и по полтора и меньше, и в тех во всех местах велели учинить от вала до дворов поперечнику по три сажени, а в большие улицы и в переулки указали прибавлять земли поперечнику от погорелых от дво-

ровых мест и от ломаных дворов, а от целых дворов, которые от пожара уцелели и не ломаны, прибавлять не велели, а велели в улицах учинить поперечники. <...>

Ближе к концу правления Михаила Москву в составе голицинского посольства посетил датчанин Адам Олеарий, оставивший известное «Описание путешествия в Московию».

1 октября у русских справлялся большой праздник, в который его царское величество со своими придворными и патриарх со всем клиром вошли в стоящую перед Кремлем искусно построенную Троицкую церковь, которую немцы зовут Иерусалимскою. Перед Кремлем, на площади с правой стороны, находится огороженное место вроде круглого помоста, на котором стоят два очень больших металлических орудия: у одного из них в диаметре локоть. Когда они теперь в процессии подошли к этому помосту, великий князь с патриархом одни взошли на помост. Патриарх держал перед царем книгу в серебряном переплете, с рельефною на нем иконою; царь благоговейно и низко кланялся этой иконе, дотрагиваясь до нее головой. Тем временем попы, или священники, читали. После этого патриарх опять подошел к царю, подал ему для целования золотой с алмазами крест, длиною с добрую руку, и приложил тот же крест ко лбу и обоим вискам его. После этого оба пошли в означенную церковь и продолжали свое богослужение. В эту же церковь направились и греки, которых русские охотно допускают в свои церкви, так как и они греческой веры; других исповеданий единоверцев своих они совсем не терпят в своих церквах. Для участия в той же процессии находилось здесь бесчисленное множество народа, который поклонами и крестным знамением выказывал свое благоговение.

Что касается Москвы, столицы и главного города всего великого княжества, то она вполне того стоит, чтобы подробнее на ней остановиться. <...>

Город этот лежит посередине и как бы в лоне страны, и москвиты считают, что он отстоит отовсюду от границ на 120 миль; однако мили не везде одинаковы. Величину города в окружности надо считать в три немецких мили, но раньше, как говорят, он был вдвое больше... Она совершенно – вплоть до Кремля – погорела в 1571 г. при большом набеге крымских или перекопских татар; то же самое произошло с нею вторично в 1611 г., когда ее сожгли поляки... Говорят, еще теперь насчитывается до 40 тысяч пожарищ.

Жилые строения в городе (за исключением домов бояр и некоторых богатейших купцов и немцев, имеющих на дворах своих каменные дворцы) построены из дерева или из скрещенных и насаженных друг на друга сосновых и еловых балок... Крыши крыты тесом, поверх которого кладут бересту, а иногда – дерн. Поэтому-то часто и происходят сильные пожары: не проходит месяца или даже недели, чтобы несколько домов, а временами, если ветер силен – целые переулки не уничтожались огнем. Мы в свое время по ночам иногда видели, как в 3–4 местах зараз поднималось пламя. Незадолго до нашего прибытия погорела третья часть города и, говорят, четыре года тому назад было опять то же самое. При подобном несчастье стрельцы и особые стражники должны оказывать огню противодействие. Водю здесь никогда не тушат, а зато немедленно ломают ближайшие к пожару дома, чтобы огонь потерял свою силу и погас. Для этой надобности каждый солдат и стражник ночью должен иметь при себе топор.

Чтобы предохранить каменные дворцы и подвалы от стремительного пламени во время пожаров, в них устраивают весьма маленькие оконные отверстия, которые запираются ставнями из листового железа.

Те, чьи дома погибли от пожара, легко могут обзавестись новыми домами за Белой стеной: на особом рынке стоит много домов, частью сложенных, частью разобранных. Их можно купить и задешево доставить на место и сложить.

Улицы широки, но осенью и в дождливую погоду очень грязны и вязки. Поэтому большинство улиц застлано круглыми бревнами, поставленными рядом; по ним идут как по мосткам. Весь город русские делят на 4 главных части: первая называется Китай-городом, т. е.

«средним городом», так как она занимает средину, она окружена толстою каменною так называемую Красною стеною. С южной стороны стена эта омывается рекою Москвою, а с севера рекою Неглинною, которая за Кремлем соединяется с Москвою-рекою. Почти половину этой части города занимает великокняжеский замок Кремль, имеющий окружность величиною и шириною с целый город, с тройными каменными стенами, окруженными глубокою канавою и снабженными великолепными орудиями и солдатами. Внутри находится много великолепных, построенных из камня зданий, дворцов и церквей, которые обитаются и посещаются великим князем, патриархом, знатнейшими государственными советниками и вельможами. Хотя прежний великий князь Михаил Федорович, живший во время нашего посольства, имел хорошие каменные палаты, а также и для государя сына своего, нынешнего великого князя, построил весьма великолепное строение и дворец на итальянский манер, но сам он – ради здоровья, как они говорили, – жил в деревянном здании. Говорят, что нынешний патриарх также велел теперь построить себе для жилища весьма великолепное здание, которое немногим хуже здания великого князя.

Наряду с двумя монастырями, в которых живут монахи и монахини, стоят здесь 50 каменных церквей, из них знаменитейшие и величайшие – Троицкая, Пресв. Марии, Михаила Архангела (в этой последней погребаются великие князья) и Св. Николая... Эти церкви, как вообще все каменные церкви во всей стране, имеют 5 белых куполов, а на каждом из них тройной [осьмиконечный] крест... Что же касается кремлевских церквей, то в них колокольни обтянуты гладкою густо позолоченною жестию, которая, при ярком солнечном свете, превосходно блестит и дает всему городу снаружи прекрасный облик. Вследствие этого некоторые из нас, придя в город, говорили: «Снаружи город кажется Иерусалимом, а внутри он точно Вифлеем».

Посреди кремлевской площади стоит высочайшая колокольня – «Иван Великий», которая также обита вышеупомянутою позолоченною жестию и полна колоколов. Рядом с нею стоит другая колокольня, на которой висит очень большой колокол, который, как говорят, весом в 356 центнеров и отлит в правление великого князя Бориса Годунова. В этот колокол звонят во время больших торжеств или «праздников», как они говорят, или же при въезде великих послов, или при доставлении их на публичную аудиенцию. Его приводят в движение 24, а то и более людей, стоящих внизу на площади. С обеих сторон колокольни висят два длинных каната, к которым внизу примыкает много мелких веревок по числу людей, обязанных их тянуть.

Колокол этот, во избежание сильного сотрясения и опасности для колокольни, лишь слегка приводят в движение, вследствие чего несколько человек стоят наверху у колокола для помощи при раскачивании языка его.

Посреди этой стены находятся и сокровищницы, провиантные склады и пороховые погреба великого князя. <...>

Перед Кремлем находится величайшая и лучшая в городе рыночная площадь, которая весь день полна торговцев, мужчин и женщин, рабов и празднующихся... На площади и в соседних улицах каждому товару и каждому промыслу положены особые места и лавки, так что однородные промыслы встречаются в одном месте. Торговцы шелком, сукном, золотых дел мастера, шорники, сапожники, портные, скорняки, шапочники и другие – все имеют свои особые улицы, где они и продают свои товары. Этот порядок очень удобен: каждый благодаря ему знает, куда ему пойти и где получить то или иное. Тут же, невдалеке от Кремля, в улице направо, находится их иконный рынок, где продаются исключительно писанные изображения старинных святых. Называют они торг иконами не куплею и продажею, а «менюю на деньги»; при этом долго не торгуются.

Далее в эту сторону направо, если идти от Посольского двора к Кремлю, находится особое место, где русские, сидя, при хорошей погоде, под открытым небом, бреются и стригутся.

Этот рынок, у них называющийся Вшивым рынком, так устлан волосами, что по ним ходишь, как по мягкой обивке.

В этой части живут большинство, притом самых знатных гостей или купцов, а также некоторые московские князья.

Другую часть города именуют они Царь-городом; она расположена в виде полумесяца и окружена крепкой каменной стеною, у них именуемой Белою стеною; посередине через нее протекает река Неглинная. Здесь живет много вельмож и московских князей, детей боярских, знатных граждан и купцов, которые по временам уезжают на торг по стране. Также имеются здесь различные ремесленники, преимущественно булочники. Тут же находятся хлебные и мучные лабазы, лотки с говядиной, скотный рынок, кабаки для пива, меда и водки. В этой же части находится конюшня его царского величества. Здесь же находится литейный завод, а именно в местности, которую они называют Поганым бродом, на реке Неглинной; здесь они льют много металлических орудий и больших колоколов. <...>

Третья часть города Москвы называется Скородомом. Это крайняя часть, с востока, севера и запада окаймляющая Царьгород. Раньше, перед тем как татары сожгли город, она, как говорят, имела окружность в 26 верст, т. е. в 5 немецких миль. Река Яуза протекает через нее и соединяется с Москвою-рекою. В этой части находится лесной рынок и вышеназванный рынок домов, где можно купить дом и получить его готово отстроенным [для установки] в другой части города через два дня: балки уже пригнаны друг к другу, и остается только сложить их и законопатить щели мхом.

Четвертая часть города – Стрелецкая слобода – лежит к югу от реки Москвы в сторону татар и окружена оградой из бревен и деревянными укреплениями... Теперь в этой части живут стрельцы или солдаты, состоящие на службе его царского величества, а также другое просто-народье.

В настоящее время почти каждый пятый дом является часовнею, так как каждый вельможа строит себе собственную часовню и держит на свой счет особого попа; только сам вельможа и его домашние молятся Богу в этой часовне. По указанию нынешнего патриарха, ввиду часто возникающих пожаров, большинство деревянных часовен сломаны и построены вновь из камня; некоторые часовни внутри не шире 15 футов. <...>

У русских в церквах нет ни стульев, ни скамеек, так как никто не смеет сидя молиться, но все должны молиться и совершать богослужение стоя или коленопреклоненно или же лежа (так, говорят, часто поступал бывший великий князь Михаил Феодорович).

Они не терпят в своих церквах ни органов, ни других музыкальных инструментов, но говорят: «Инструменты, не имеющие ни души ни жизни, не могут хвалить Бога»... Однако вне церквей, в домах, в особенности же во время пиршеств, они охотно пользуются музыкой. Так как, однако, ею злоупотребляли в кабаках и в шинках, а также и на открытых улицах для всякого разврата и пения постыдных песен, то нынешний патриарх два года тому назад прежде всего велел разбить все инструменты кабацких музыкантов, какие оказались на улицах, затем запретил русским вообще инструментальную музыку, велел забрать инструменты в домах, и однажды пять телег, полных ими, были отправлены за Москву-реку и там сожжены. <...>

На церквах и колокольнях непременно должен находиться крест, который или простой, или (в большинстве случаев) тройной. Поэтому они не считают наших церквей, не имеющих крестов, за настоящие церкви. Они говорят, что крест обозначает главу церкви, т. е. Христа; так как Христос был распят на кресте, то крест стал гербом Христовым, и там, где подобного герба нет, там нет и церкви. Поэтому-то церковь и является святым, чистым местом, куда ничто нечистое не должно входить. Они неохотно впускают сюда приверженцев чужой религии... Церковные дворы они также держат в чистоте и святости. Под страхом высокой пени никто не имеет права на них мочиться.

У церквей у них висит много – иногда пять или шесть – колоколов, из которых самый большой весом не свыше 2 центнеров, обыкновенно даже значительно меньше; их звоном они зовут в церковь; звонят также и в тот момент, когда поп, служа обедню, поднимает чашу.

Ввиду большого количества церквей и часовен в Москве имеется несколько тысяч колоколов, которые во время богослужения дают разнообразный перезвон и мелодию, так что непривычный человек слушает это с изумлением. Один человек может управлять тремя или четырьмя колоколами. Тогда они привязывают веревки не к колоколам, а к языкам, и концы веревок частью берут в руки, частью привязывают к локтям; затем они приводят в движение один колокол за другим. При звоне они соблюдают известный такт.

Адам Олеарий немало места в своем сочинении уделил и описанию московского быта.

Мужчины у русских большей частью рослые, толстые и крепкие люди, кожей и натуральным цветом своим сходные с другими европейцами. Они очень почитают длинные бороды и толстые животы, и те, у кого эти качества имеются, пользуются у них большим почетом. Его царское величество таких людей из числа купцов назначает обыкновенно для присутствия при публичных аудиенциях послов, полагая, что этим усилено будет торжественное величие приема. Усы у них свисают низко над ртом.

Волосы на голове только их попы или священники носят длинные, свешивающиеся на плечи; у других они коротко острижены. Вельможи даже дают сбривать эти волосы, полагая в этом красоту... Однако, как только кто-либо погрешит в чем-нибудь перед его царским величеством или узнает, что он впал в немилость, он беспорядочно отпускает волосы до тех пор, пока длится немилость.

Женщины среднего роста, в общем красиво сложены, нежны лицом и телом, но в городах они все румянятся и белятся, притом так грубо и заметно, что кажется, будто кто-нибудь пригоршнею муки провел по лицу их и кистью выкрасил щеки в красную краску. Они чернят также, а иногда окрашивают в коричневый цвет брови и ресницы.

Некоторых женщин соседки их или гости их бесед принуждают так накрашиваться (даже несмотря на то, что они от природы красивее, чем их делают румяна) – чтобы вид естественной красоты не затмевал искусственной. <...>

Когда наблюдаешь русских в отношении их душевных качеств, нравов и образа жизни, то их, без сомнения, не можешь не причислить к варварам... Русские вовсе не любят свободных искусств и высоких наук и не имеют никакой охоты заниматься ими.

Большинство русских дают грубые и невежественные отзывы о высоких, им неизвестных, натуральных науках и искусствах в тех случаях, когда они встречаются иностранцев, имеющих подобные познания. Так, они, например, астрономию и астрологию считали за волшебную науку. Они полагают, что имеется что-то нечистое в знании и предсказании наперед солнечных и лунных затмений, равно как и действий светил... Хотя они и любят и ценят врачей и их искусство, но тем не менее не желают допустить, чтобы применялись и обсуждались такие общепотребительные в Германии и других местах средства для лучшего изучения врачевания, как анатомирование человеческих трупов и скелеты; ко всему этому русские относятся с величайшим отвращением.

Что касается ума, русские, правда, отличаются смышленостью и хитростью, но пользуются они умом своим не для того, чтобы стремиться к добродетели и похвальной жизни, но чтобы искать выгод и пользы и угождать страстям своим... Их смышленость и хитрость, наряду с другими поступками, особенно выделяются в куплях и продажах, так как они выдумывают всякие хитрости и лукавства, чтобы обмануть своего ближнего. А если кто их желает обмануть, то у такого человека должны быть хорошие мозги. Так как они избегают правды и любят при-

бегать ко лжи и к тому же крайне подозрительны, то они сами очень редко верят кому-либо; того, кто их сможет обмануть, они хвалят и считают мастером. <...>

Все они, в особенности же те, кто счастьем и богатством, должностями или почестями возвышаются над положением простонародья, очень высокомерны и горды, чего они, по отношению к чужим, не скрывают, но открыто показывают своим выражением лица, своими словами и поступками. Подобно тому, как они не придают никакого значения иностранцу сравнительно с людьми собственной своей страны, так же точно полагают они, что ни один государь в мире не может равняться с их главою своим богатством, властью, величием, знатностью и достоинствами. <...>

Порок пьянства так распространен у этого народа во всех сословиях, как у духовных, так и у светских лиц, у высоких и низких, мужчин и женщин, молодых и старых, что, если на улицах видишь лежащих там и валяющихся в грязи пьяных, то не обращаешь внимания; до того все это обыденно. Если какой-либо возчик встречает подобных пьяных свиней, ему лично известных, то он их кидает в свою повозку и везет домой, где получает плату за проезд. Никто из них никогда не упустит случая, чтобы выпить или хорошенько напиться, когда бы, где бы и при каких обстоятельствах это ни было; пьют при этом чаще всего водку. Поэтому и при приходе в гости и при свиданиях первым знаком почета, который кому-либо оказывается, является то, что ему подносят одну или несколько «чарок вина», т. е. водки; при этом простой народ, рабы и крестьяне до того твердо соблюдают обычай, что если такой человек получит из рук знатного чарку и в третий, в четвертый раз и еще чаще, он продолжает выпивать их в твердой уверенности, что он не смеет отказаться, – пока не упадет на землю и – в иных случаях – не испустит душу вместе с выпивкою. <...>

Что касается рабов и слуг вельмож и иных господ, то их бесчисленное количество; у иного в именье или на дворе их имеется более 50 и даже 100. Находящихся в Москве большей частью не кормят во дворах, но дают им на руки харчевые деньги, правда, столь незначительные, что на них трудно поддержать жизнь; поэтому-то в Москве так много воров и убийц. В наше время не проходило почти ни одной ночи, чтобы не было где-либо кражи со взломом. При этом часто хозяина загораживают какими-нибудь вещами в комнате, и ему приходится оставаться спокойным зрителем, если он недостаточно силен, чтобы справиться с ворами, не желает подвергать опасности жизнь и видеть свой дом зажженным над собственной головою. Поэтому-то на дворах знатных людей нанимают особых стражников, которые ежечасно должны подавать о себе знать, ударяя палками в подвешенную доску, вроде как в барабан, и отбивая часы. Так как, однако, часто случалось, что подобные стражники сторожили не столько для господ, сколько для воров, устраивали для этих последних безопасный путь, помогали воровать и убегали, то теперь не нанимают никого ни в стражники, ни в прислуги (ведь, помимо рабов, имеются еще наемные слуги) без представления известных и достаточных местных обывателей поручителями. Подобного рода многократно упомянутые рабы в особенности в Москве сильно нарушают безопасность на улицах, и без хорошего ружья и спутников нельзя избежать нападений.

Московские слободы, 1640-е годы

Книга об избрании на царство великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича, Михаил Тихомиров

Источники времен царствования Михаила лишь вскользь упоминают о восстановлении и расширении Москвы в его правление, поскольку в эту пору всех куда больше занимали внешне-политические события и вопросы государственного устройства. Тем не менее известно, что в 1624 году над кремлевскими Фроловскими (Спасскими) воротами была возведена шестигранная башня, на которой установили часы. В Успенском соборе восстановили своды и поврежденные в Смутное время фрески. В книге об избрании на царство великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича говорится:

По учинении сметы, поданной государю за руками иконописцев Ивана Паисена с товарищами, оказалось, что если собрано будет государевым изволением знаменщиков и иконописцев шестьдесят человек, то всю соборную церковь уповательно можно подписать в два лета. По приготовлению красок и всего материала, потребного к сему делу, начали левкас делать из старой извести, которую возили из Ростова. В привозе оной значится 200 бочек, ценою каждая по 50 коп., и притом за провоз 50 же. Оную же известь в левкас претворяли следующим образом: смешав с водою, цедили в 20 творил через решето, в творилах гребками мешали и из Москвы-реки воду в определенные часы переменяли; емжуг же, или сор с пеною с извести снимали и потом оную со льном сбивали; а лен приготавливали так: оный на мельницах терли и выбирали из него кострицу, а потом сушили в ведренное и теплое время на шестах, а в ненастное время нарочно избы топили, иссуша, вили веревки и, изрезав их, в творилах же, с известью мешали; таким образом приуготовив левкас, снимали со стен старое иконное письмо на бумажные листы; потом старый левкас сбивали и, где оказывались сверху на сводах трещины, заливали их вареной смолою. Очистив стены, набивали оные для укрепления нового левкаса гвоздями, где же гвозди в стену не входили, то наворачивали нарочно сделанными пробоями, а потом левкасили вновь стены и, чтобы гладок был левкас, потирали оный ветошками. Учредив все таким образом, писали иконописцы на стенах без свеч, а по необходимости и при свечах, против снятых старого письма рисунков, растворяя краски на яйце да на пшеничной вареной воде, в киноварь же и сурик-масло, а в бакан и ярь-нефть и скипидар клали, золотили же только на олифе, и оное стенное письмо покрывали олифою же. Ревностно продолжая сим порядком свой труд, окончили иконное писание в 1644 году.

Рядом с колокольней Ивана Великого была возведена пристройка для помещения колоколов. Это здание взорвали французы в 1812 году, позднее оно было восстановлено и поныне носит название Филаретовской (по отцу царя, митрополиту, а затем патриарху Филарету). Кроме того, в Кремле был построен собор в честь Александра Невского (уничтожен в конце XVII столетия). По разысканиям И. Е. Забелина, царь Михаил построил в Кремле несколько дворцов: «большие государевы хоромы» (1614, неоднократно горели и перестраивались), «каменные жилые хоромы» (1633–1636, Теремной дворец), «дворцовые палаты» (1642–1644), а также «потешные палаты» и дворцовые сады. В Китай-городе, Белом городе и Ско-родоме восстанавливались разрушенные церкви и строились новые; вдобавок заново отстраивались ближайшие ремесленные и «служилые» пригороды – слободы.

В этих слободах истари селились ремесленники, которых привлекали в город и великие князья, и бояре, и монастыри. Самые старые слободы со временем оказались внутри городских стен (например, улица Кузнецкий Мост напоминает о существовавшей здесь некогда кузнечной слободе, а на Лубянке находился первый Пушечный двор), а город постоянно прирастал новыми, например, со стороны Болота – Замоскворечья. Со временем к «профессиональным» – кузнечным, кожевенным, плотницким и пр. – стали добавляться «этнические» слободы – «сурожские» (генуэзская колония в Крыму), татарские, голландская, немецкая и т. д. Память о многих слободах сохранилась в названиях московских районов и улиц.

Разрозненные сведения о слободах, прежде всего дворцовых, собрал воедино известный историк-москвовед М. Н. Тихомиров.

Ремесленники селились целыми слободами, отчего и московские урочища получали соответствующие прозвания. Эти ремесленные гнезда группировались вокруг патрональных церквей. Само существование подобных церквей указывает на то, что ремесленники определенной специальности имели общие интересы и казну для общих расходов. Во главе слобод стояли старосты. <...>

Население дворцовых слобод на первых порах составлялось из пришлых людей, получивших те или иные льготы. В некоторых случаях их население составляли княжеские деловые люди, купленные великими князьями или обращенные в холопство за какой-либо проступок... Документы позднейшего времени показывают, что ремесленников привлекали в слободы не только временные льготы, но и особые привилегии, утвержденные жалованными грамотами. <...>

Дворцовые слободы тесным кольцом окружали Москву. Большинство из них возникло за пределами позднейшего Белого города, а в некоторых случаях и за пределами Земляного города. Из всех московских слобод только Кузнечная стояла в непосредственной близости к Китай-городу. <...>

Соляной бунт, 1648 год

Краткое правдивое описание опасного мятежа, произошедшего среди простого народа в городе Москве

В 1645 году скончался царь Михаил, первый из династии Романовых, и престол перешел к его сыну Алексею, получившему впоследствии прозвище Тишайший. Вопреки прозвищу, его правление ознаменовалось многочисленными восстаниями и бунтами, первым по времени из которых был Соляной бунт в Москве, вызванный введением в 1646 году нового налога на соль. Введение налога привело к росту цен на многие продукты и обернулось волной недовольства, поэтому год спустя налог отменили, но при этом урезали жалованье стрельцам и пушкарям – «ради восполнения убытков казне». Это спровоцировало народное восстание.

Приводимый ниже текст – вероятнее всего, донесение шведского дипломата, находившегося в те дни в Москве.

Был в городе Москве высокий вельможа, по имени Леонтий Степанович Плещеев, который во вверенной ему должности проявил жестокость и несправедливость в делах, касавшихся простого народа, почему весь мир, вместе с чернью, неоднократно умолял его царское величество и с глубочайшим смирением просил, чтобы этот Плещеев (который часто без всякой вины подвергал пытке и жестокой казни людей, к коим не благоволил, под тем предлогом, будто они совершили то или другое преступление) был отставлен за свою жестокость и несправедливость и чтобы его место было передано какому-нибудь другому, скромному и дельному человеку. Когда наконец, после многократных челобитий со стороны простого народа, его царское величество повелел заключить в тюрьму вышеупомянутого Плещеева и подвергнуть его пытке, тогда стараниями Бориса Ивановича Морозова (который, как очень знатный человек и воспитатель или домоправитель его царского величества, был в большом почете и милости и который и прежде особенно благоволил Плещееву, был с ним в тайном соглашении и в описываемом деле помогал ему) делу дан был такой оборот, что слуги Плещеева, как это, впрочем, там [в Москве] водилось, были подвергнуты пытке и наказанию вместо своего господина. А он, Плещеев, благодаря ходатайству Морозова и тому, что представил все дело так, как будто он был обвинен вследствие ненависти и несправедливого гнева к нему [Плещееву] черни, желавшей его гибели, был выпущен на свободу, и дело все улажено. Но простой народ был этим недоволен и продолжал настойчиво бить челом его царскому величеству, прося его вспомнить, как много раз до сих пор этот Плещеев проявлял свою жестокость, чтобы весь мир не был разорям ради одного человека. Но и на этот раз народ ничего не достиг.

Между тем его царское величество отправился 17 мая из Москвы к Троице, где находится прекрасный монастырь, названный в честь Святой Троицы и отстоящий в 12 милях от Москвы, на ежегодное богомолье, чтобы присутствовать там при богослужении, и 1 июня возвратился оттуда в город Москву, причем его, по обыкновению, с обеих сторон сопровождали стрельцы и проводили до города. Простой народ, по местному обычаю, вышел навстречу из города на некоторое расстояние с хлебом и солью, с пожеланием всякого благополучия, просил принять это и бил челом о Плещееве; однако его не только не выслушали, но даже стрельцы отогнали его плетьюми. По приказанию Морозова, который начальствовал над стрельцами, как бы замещая царя (государевым именем), 16 человек из числа челобитчиков были посажены в тюрьму. Тогда остальные хотели бить челом относительно Плещеева супруге его царского величества, которая следовала за ним приблизительно через полчаса, причем за ней пешком

шел Морозов, но челобитье не было принято и просившие были разогнаны стрельцами, как и раньше. Крайне возмущенный этим народ схватился за камни и палки и стал бросать их в стрельцов, так что даже отчасти пострадали и получили раны лица, сопровождавшие супругу его царского величества... При этом неожиданном смятении супруга его царского величества спросила Морозова, отчего происходит такое смятение и возмущение, почему народ отваживается на подобные поступки и что в данном случае нужно сделать, чтобы возмутившиеся успокоились. Морозов отвечал, что это – вопиющее преступление и дерзость, что молодцов целыми толпами следует повесить, что, без сомнения, было бы и в самом деле над ними вскоре исполнено, если бы вся толпа на следующий день не помешала этому своим челобитьем и не выпустила их снова на свободу.

Следующий день был пятница 2 июня, когда русские торжественно праздновали день Тела Господня; его царское величество сошел по лестнице из дворца, и тогда толпа еще раз принялась просить указа о том, о чем они били челом накануне. Его царское величество спросил их, отчего бы им не изложить письменно своих жалоб и желаний. На это толпа отвечала, что это было сделано накануне и что они теперь просят и о выдаче захваченных: так как его царское величество тотчас выразил добрую решимость, возвращаясь из церкви, встретить их хорошим ответом, то толпа была этим очень довольна. Между тем его царское величество с неудовольствием спросил Морозова, как он осмелился без его желания и ведома заключить некоторых под стражу; Морозов был этим смущен и ничего не отвечал. Далее, когда его царское величество вышел из Кремля, навстречу ему подошла часть возмутившейся толпы и еще раз стала говорить о Плещееве, чем его царское величество был частью поражен, частью разгневан; и так он пришел в церковь.

По совершении богослужения просившие пошли снова вслед за царем из церкви, и, когда его царское величество вошел в Кремль, весь народ ворвался вместе с ним, так что Морозов, возымевший некоторое подозрение, приказал стрельцам запереть Кремлевские ворота и никого не впускать, но они (стрельцы) не могли этого исполнить вследствие большого скопления народа; несколько тысяч человек проникли на Кремлевскую площадь и неотступно и с громкими криками требовали окончательного решения их желаний и высказанных жалоб. Так как его царское величество только что сел за стол, то он выслал к ним одного из бояр, по имени Темкина, которого они задержали у себя под тем предлогом, что желают говорить с самим царем; потом вышел еще один, они сорвали с него платье и надавали ему таких пинков и толчков, что он после этого несколько дней лежал в постели. Наконец, его царское величество вышел сам, успокаивал их и спросил, что значит такое неотступное их домогательство. Тогда толпа сначала выразила желание, чтобы схваченные были выданы, и они тотчас были освобождены; но толпа все-таки не удовлетворилась этим и потребовала выдачи Плещеева. На это его царское величество отвечал, что ему нужно дать время, так как он хочет расследовать дело, и если он (Плещеев) окажется виновными, подвергнуть его соответствующему наказанию; но толпа на это не соглашалась и чем дальше, тем больше настаивала, говоря, что если не получат этого добром от его царского величества, то добьются силой.

Между тем как это происходило, Морозов, для предотвращения бедствия, велел созвать всех стрельцов, числом до 6000, и приказал им выгнать с Кремлевской площади мятежную толпу и подавить волнение. Но стрельцы воспротивились такому приказанию Морозова, и некоторые из них отправились к его царскому величеству и заявили, что они, согласно принесенной присяге и своему долгу, охотно будут угождать и служить его царскому величеству и охранять его, но что они не хотят из-за изменника и тирана Плещеева стать во враждебные отношения с толпой; затем они обратились с речью к толпе и сказали, что ей нечего бояться, что они в этом деле не окажут ей никакого противодействия, а, напротив, даже протянут ей руку помощи. После этого народ снова начал требовать выдачи Плещеева, с большей настойчивостью, чем прежде; сборище чем дальше, тем становилось многочисленнее, пока его царское

величество не вышел еще раз сам и не попросил толпу не проливать крови в этот день (именно в пятницу, что у русских считалось ужасным делом) и успокоиться: завтра он выдаст им Плещеева. Это его царское величество сделал затем лишь, чтобы сохранить Плещееву жизнь.

Между тем некоторые из слуг Морозова, без сомнения, посланные своим господином, начали бранить стоявших на карауле стрельцов и наносить им удары, за то что они, вопреки приказанию их господина, впустили толпу; при этом был заколот один из стрельцов, получивши смертельную рану ножом. Тогда стрельцы и народ побежали в палату к царю, донесли и пожаловались ему, что люди Морозова на них нападают, и просили от него защиты, грозя, что иначе они сами отомстят Морозову. На это его царское величество с гневом отвечал им: «Раз вы были так сильны и даже сильнее, чем слуги Морозова, почему вы не защитили меня от них? И если слуги Морозова позволили себе слишком многое, то отомстите им за себя!» – После этих слов вся толпа вместе со стрельцами, по недоразумению полагавшими, что им самим нужно разделаться с Морозовым, бросились к дому Морозова и принялись его штурмовать. Навстречу им вышел управитель Морозова, по имени Мосей, и хотел их успокоить, но они тотчас сбили его с ног и убили ударами дубины. Об этом Мосее шла молва, будто он был большой волшебник и будто он, с помощью своего волшебства, за несколько дней до этого открыл Морозову, что им грозит большое несчастье, что при этом смерть постигнет двух или трех знатных бояр, что сам он подвергнется опасности. На это Морозов будто бы ему ответил: кому посмеет прийти в голову причинить нам вред? – Из этого можно вывести заключение о его самонадеянности и высокомерии. Когда этот Мосей, управитель Морозова, был умерщвлен таким плачевным образом, весь народ, также и стрельцы, принялись грабить и разрушать дом Морозова так, что даже ни одного гвоздя не осталось в стене; они взламывали сундуки и лари и бросали в окошко, при этом драгоценные одеяния, которые в них находились, разрывались на клочки, деньги и другая домашняя утварь выбрасывалась на улицу, чтобы показать, что не так влечет их добыча, как мщение врагу.

Окончив это, они разделились на две партии, из которых одна разграбила дом Плещеева, а другая дом Назария Ивановича Чистого, государственного канцлера. И так как они знали, что этот канцлер спрятался в своем доме, то они так гневно пристали к одному из его слуг, татарину, что тот наконец, – может быть, потому что он поклялся своему господину не проболтаться, – пальцем показал ту комнату, где находился канцлер; они выгнали его из потайной дыры или кладовой и тотчас же, без всякой жалости и милосердия, убили ударами дубины, причем так его изувечили, что его нельзя было узнать; затем раздели его донага, бросили во двор на навозную кучу и оставили его совсем голого и непокрытого на весь день и ночь, пока на другой день его слуги не положили его в сених на доску и не прикрыли рогожей; и только на третий день, когда смятение улеглось, он тайно был погребен своими слугами. В этот же день они разграбили и разнесли 70 домов, причем, конечно, не были бы пощажены дома купцов, если бы богатые купцы не попросили защиты у его царского величества, не призвали бы несколько тысяч стрельцов и не дали бы отпора толпе.

На другой день, в субботу, обезумевшая чернь снова явилась, как и накануне, в большом числе, в большем даже, чем раньше, перед Кремлем и так как обе крепости и городские ворота были замкнуты, то вся толпа с громким криком стала требовать выдачи Плещеева; тогда из Кремля раздалось несколько холостых выстрелов. Тотчас вслед за этим все колокола зазвонили в набат, и в короткое время произошло такое смятение, что сбежалось несчетное число тысяч человек; тогда его царское величество, чтобы отвратить опасность, которая была перед глазами, выдал Плещеева (которого сопровождало несколько стрельцов, священник и палач), уступая требованию толпы, но неохотно и против своего желания; толпа тотчас взяла его от стрельцов, говоря, что она сама учинит над ним суд, и тотчас же перед Кремлем убила его, как собаку, ударами дубины. Об этом Плещееве рассказывали, что он приблизительно за 10 лет до этого поджег город Москву, побуждаемый жадной добычи и ради того, чтобы иметь

возможность лучше содержать своих слуг, что при этом сгорело до 100 домов, что он за такое преступление был приговорен к смертной казни и что в конце концов благодаря сильному заступничеству и чрезвычайной милости его царского величества ему дарована была жизнь, и он был сослан в Сибирь.

Еще раз толпа стала требовать выдачи Морозова, как изменника и врага общего блага; когда же его царское величество приказал открыть ворота и выслал к народу своего духовника вместе с патриархом, чтобы просить пощады Морозову, упомянутые посредники три раза ходили взад и вперед от царя к толпе, но ничего от нее не добились; тогда, наконец, его царское величество сам вышел к народу с непокрытой, обнаженной головой и со слезами на глазах умолял и ради Бога просил их успокоиться и пощадить Морозова за то, что он оказал большие услуги его отцу и был его воспитателем и домоправителем; но они не хотели на все это сдаться, и наконец их настойчивые требования довели его царское величество до того, что он стал ходатайствовать, чтобы Морозова удалить из Москвы в ссылку, и для большего удостоверения его царское величество посадил заложником патриарха, а патриарх держал перед собой икону или изображение Богоматери, которое, по преданию, было написано св. Лукой и пользовалось большим почитанием.

Тем временем слуги Морозова пустили в городе по ветру огонь, может быть, с целью произвести в народе раскол; тогда от пожара произошел такой вред, что в течение немногих часов обратилась в пепел и сгорела лучшая половина города внутри и вне белых стен, начиная от реки Неглинной, до 24 000 домов; во время этого пожара сгорели и погибли несметные сокровища и богатства в купеческих товарах и другом имуществе, так что у одного человека, который был там самым богатым купцом, убыток доходил до 150 тысяч рублей; погибло также до 500 тысяч тонн зерна, что стоило около 6 тонн золота. Погибло также больше 2000 человек, большей частью в состоянии опьянения: воспользовавшись добычей, они сначала веселились, затем погрузились в сон, были захвачены огнем и сгорели, так что пир их окончился бедою.

Народ обратил мало внимания на этот пожар: он жаждал крови, и так как ему в угождение не выдавали Морозова, то он стал требовать выдачи другого знатного господина, по имени Петра Тихоновича Траханиотова, к которому они относились подозрительно, считая его виновником незадолго перед этим наложенной на соль пошлины; но так как его в то время не было в Москве под рукой, а был он в деревне, в нескольких милях от Москвы, то его царское величество попросил отсрочки и согласился и обещал призвать его. Так и было сделано, именно, спустя два дня, 5 июня, он был привезен в город, и ему топором отсекли голову. В доме этого Тихоновича во время грабежа найдена была печать его царского величества и два монетных штампа, с помощью которых он устраивал много обмана и плутовства, так что из-за этого на многих из них [москвичей] пало подозрение, будто они делают фальшивые монеты, они были взяты под стражу и невинно замучены до смерти. Ходила молва, что в этих мошенничествах с ним сошелся тайно Морозов и, вероятно, был с ним заодно, потому что посредством такой подделки монет он собрал много денег и добра, и в короткое время так удивительно разбогател, что присвоил себе добрую половину княжества.

Между тем часто упоминаемый Морозов, частью из страха, частью от угрызений совести, хотел тайно спастись бегством из Москвы, но был настигнут некоторыми знавшими его и возвращен в Москву; таким образом и он попал бы в руки толпы, если бы не был освобожден теми, кто его поймал, и снова доставлен в Кремль, откупаясь от них большим количеством золота; тогда его царское величество еще раз употребил все усилия, чтобы через посредство патриарха примирить Морозова с народом, но из этого совсем ничего не вышло, так что народ даже явно восстал против патриарха. Они готовы были и его царское величество до тех пор считать изменником, пока не добьются, согласно его [царя] обещанию высылки Морозова от двора и из города; они [москвичи] решили даже, если его царское величество добровольно не надумается это сделать, силой понудить его к этому, так что он [царь] должен был еще раз клятвенно обе-

щать выслать его на следующий день, что и было сделано: много раз упомянутый Морозов был отослан под сильным конвоем стрельцов в Кирилов монастырь на Белоозере, находившийся в 120 милях от Москвы, и таким образом дано было удовлетворение желаниям народа.

Москва при Алексее Михайловиче, 1650–1660-е годы Сэмюел Коллинс, Павел Алеппский, Августин Майерберг

Английский врач С. Коллинс прожил в России девять лет и по возвращении на родину опубликовал «Письмо к другу о нынешнем состоянии России».

Город Москва занимает очень большое пространство, обнесенное тремя стенами, кроме той стены, что окружает Императорский дворец. Внутренняя стена красного цвета и сложена из кирпича, вторая белая, а третья деревянная и набита землею. Последняя имеет около пятнадцати или шестнадцати миль в окружности, а выстроена была в четыре или пять дней по случаю приближения крымских татар. В ней бревен столько, что можно выстроить из них род лондонских тонкостенных домиков в пятнадцать миль длины. С тех пор как его величество был в Польше, видел тамошний образ жизни и стал подражать польскому королю, круг его понятий расширился: он начинает преобразовывать двор, строить здания красивее прежнего, украшать покои обоями и заводить увеселительные дома. Что же касается до его сокровища, состоящего из драгоценных камней, то ни один государь с ним не сравнится. У него есть, однако, много камней и не очень дорогих, потому что русские любят иметь множество драгоценных камней и замечают в них одни важные недостатки. Одежда царя такая же, как и боярская, только богаче. Царица отличается высокой уборкой головы и рукавами рубашки длиной от 30 до 36 английских футов, а рукава ее верхнего платья так же широки, как у наших бакалавров. Все женщины высшего сословия одеваются так же. Обыкновенно ее императорское величество совершает поездки свои ночью (в колымагах, покрытых красным сукном), с большей частью своих женщин, т. е. горничных девушек, боярынь и швей. Недавно вывелось между женщинами обыкновение ездить верхом в белых шляпах с шелковой повязкой на шее и садиться на лошадь по-мужски. <...>

Путешественник Павел Алеппский также воздал должное московскому зодчеству .

Что касается их палат, находящихся в этом городе, то большая часть их новые, из камня и кирпича, и построены по образцу немецких франков, у которых научились теперь строить московиты. Мы дивились на их красоту, украшения, прочность, архитектуру, изящество, множество окон и колонн с резьбой, кои по сторонам окон, на высоту их этажей, как будто они крепости, на их огромные башни, на их обильную раскраску разноцветными красками снаружи и внутри, кажется, как будто это действительно куски разноцветного мрамора или тонкая мозаика. Кирпичи в этой стране превосходны, похожи на кирпичи антиохийские по твердости, вескости и красоте, ибо делаются из песка. Московиты весьма искусны в изготовлении их. Кирпич очень дешев, ибо тысяча его стоит один пиастр, и потому большая часть построек возводится из кирпича. Каменщики высекают на них железными инструментами неописуемо чудесные украшения, не отличающиеся от каменных. Известь у них хорошего качества, прочная, держит крепко, лучше извести алеппской. Окончив кирпичную кладку, белят ее известью, которая пристает к кирпичу весьма крепко и не отпадает в течение сотни лет. Поэтому кирпичное строение не отличается от каменного. Всего удивительнее вот что: вынув кирпич из обжигающей печи, складывают его под открытым небом и прикрывают досками; он остается под дождем и снегом четыре, пять лет, как мы сами видели, не подвергаясь порче и не изменяясь.

Все их постройки делаются с известковым раствором, как в нашей стране древние возводили свои сооружения. Известь разводят с водой и кладут в нее просеянный песок, и, только

смочив кирпич водой, погружают его в известковый раствор. Когда сложат обе стороны стены на некоторую высоту, заполняют (промежутки) битым кирпичом, на который наливают этот раствор, пока не наполнится; не проходит часа, как все сплочивается друг с другом и становится одним куском. Каменщики могут строить не более шести месяцев в год, с половины апреля, как растает лед, до конца октября.

Обыкновенно все строения в этом городе скреплены огромными железными связями внутри и снаружи; все двери и окна сделаны также из чистого железа – работа удивительная. Над верхней площадкой лестницы воздвигают купол на четырех столбах с четырьмя арками; в середине каждой арки выступ прочный, утвержденный прямо с удивительным искусством: обтесывают камень в очень красивую форму и, просверлив его, пропускают сквозь него железный шест с двумя ветвями на концах, заклепывают их и заканчивают стройку над этим камнем, который представляется великим чудом, ибо висит в середине, спускаясь прямо. Эти чудесные постройки, виденные нами в здешнем городе, приводили нас в великое удивление.

Известно, что Алексей Михайлович любил выезжать летом в пригородные усадьбы – Коломенское, Преображенское, Измайлово. Именно с этого времени, кстати сказать, начинается «городская» история Измайлова и Преображенского, где появляются первые дворцы и соборы. С. Коллинс писал о царском выезде в Преображенское:

Ежегодно под исход мая царь отправляется за 3 мили от Москвы в увеселительный дворец, который называется Преображенским, потому что он посвящен Преображению на горе, и согласно с текстом Священного Писания: «Наставнице, добро есть нам здесь быти, и сотворим сени три», у царя есть три великолепные палатки. Собственно его палатка сделана из золотой материи и украшена соболями; царицына из серебряной материи и украшена горностаями; палатки князей соответствуют их степеням. Палатки царя, царицы, одиннадцати детей и пяти сестер их составляют круг, середину которого занимает церковная палатка. Вид на них так величествен, что я не видывал ничего подобного в этом роде. Впереди поставлены рогатки и стражи на ружейный (мушкетный) выстрел от палаток, и никто не может пройти эту ограду без повеления, потому что царь не хочет, чтобы простой народ видел, как он забавляется.

Посланник же австрийского императора Леопольда А. Майерберг сообщал своему господину:

В Кремле мы видели лежащий на земле медный колокол удивительной величины, да и произведение русского художника, что еще удивительнее. Этот колокол по своей величине выше Эрфуртского и даже Пекинского в Китайском царстве. Эрфуртский вышиною девять футов шесть дюймов, диаметр его жерла без малого 8 футов, окружность 9 футов, толщина стен шесть с половиною дюймов, а весит 25 400 фунтов. Пекинский колокол 13 1/2 футов, поперечник его 12 футов, окружность 44 фута, толщина 1 фут, а вес 120 000 фунтов. Но русский колокол вышиною 19 футов, шириною в отверстиях 18 футов, в окружности 64 фута, а толщиной 2 фута, язык его длиною 14 футов. На отлитие этого колокола пошло 440 000 фунтов меди, угару из них было 120 000 фунтов, а все остающееся затем количество металла было действительно употреблено на эту громаду. Я говорю не о том колоколе, что отлит и поднят в царствование Бориса Годунова: в него обыкновенно звонили, когда праздновалось какое-нибудь торжество во славу Бога или в воспоминание святых, когда принимались посланники иноземных государей или приводились в Кремль к царю: этот колокол и до сих пор еще висит на башне, хоть и не служит уже для употребления в вышеназванных случаях. Здесь речь идет о колоколе, вылитом в 1653 году, в царствование Алексея: он лежит еще на земле и ждет художника, который бы поднял его, для возбуждения его звоном в праздничные дни набожности москвитян, потому

что этот народ вовсе не желает оставаться без колокольного звона, как особенно необходимого условия при богослужении.

Чума, 1654 год Михаил Пронский, Павел Алеппский

В 1654 году на Россию обрушилась новая беда – моровое поветрие. К лету болезнь дошла до Москвы. Князь М. Пронский доносил двору:

В нынешнем, в 1654 году, после Симеонова дня моровое поветрие умножилось, день от дня больше прибывает; уже в Москве и слободах православных христиан малая часть остается, а стрельцов от шести приказов ни один приказ не остался, из тех остальных многие лежат больные, а иные разбежались, и на караулах от них быть некому... и погребают без священников, и мертвых тела в граде и за градом лежат, псами влачimy; а в убогие дома возят мертвых, и ям накопать некому; ярыжные земские извозчики, которые в убогих домах ямы копали и мертвых возили, и от того сами померли, а остальные, великий государь, всяких чинов люди... ужаснулись и за тем к мертвым приступить опасаются; а приказы, великий государь, все заперты, дьяки подьячие все померли, и домишки наши пустые учинились. Люди же померли мало не все, а мы, холопы твои, тоже ожидаем себе смертоносного посещения с часу на час, и без твоего, великий государь, указа по переменкам с Москвы в подмосковные деревнюшки ради тяжелого духа, чтобы всем не помереть, съезжать не смеем, и о том, государь, вели нам свой указ учинить. <...>

Болезнь не пощадила и Пронского – как сообщал в донесении царице князь Иван Хилков, «волей Божией боярина князя Михаила Петровича Пронского... не стало». По указу царя – царская семья укрылась в Калязине – вокруг Москвы и в самом городе установили карантин. Путешественник Павел Алеппский, прибывший в это лето в Россию в составе «торжественного поезда» антиохийского патриарха Макария, записал:

В это время воевода посылал одного за другим шестнадцать гонцов к царю и к его наместникам в столицу по важным делам, касающимся нас и его, и как мы в этом удостоверились, ни один из них не вернулся: все умерли на дороге. Старики нам рассказывали, что сто лет тому назад также была у них моровая язва, но тогда она не была такова, как теперешняя, превосходящая всякие границы. Бывало, когда она проникала в какой-либо дом, то очищала его совершенно, так что никого в нем не оставалось. Собаки и свиньи бродили по домам, так как некому было их выгнать и запереть двери. Город, прежде кипевший народом, теперь обезлюдел. Деревни тоже, несомненно, опустели, равно вымерли и монахи в монастырях. Животные, домашний скот, свиньи, куры и пр., лишившись хозяев, бродили брошенные без призора и большей частью погибли от голода и жажды, за неимением кто бы смотрел за ними. То было положение, достойное слез и рыданий. Мор как в столице, так и здесь во всех окружающих областях, на расстояние семисот верст, не прекращался, начиная с этого месяца почти до праздника Рождества, пока не опустошил города, истребив людей. Воевода составил точный перечень умерших в этом городе, коих было, как он нам сообщил, около десяти тысяч душ. Так как большинство здешних жителей служили в коннице и находились с царем в походе, то воевода, из боязни перед ними, запечатал их дома, дабы они не были разграблены.

Потом бедствие стало еще тяжелее и сильнее, и смертность чрезвычайно увеличилась. Некому было хоронить. В одну яму клали по несколько человек друг на друга, а привозили их в повозках мальчишки, сидя верхом на лошади, одни, без своих семейных и родственников, и сваливали их в могилу в одежде. Часть священников умерла, а потому больных стали привозить в повозках к церквям, чтобы священники их исповедывали и приобщили св. Таин. Священник

не мог выйти из церкви и оставался там целый день в ризе и епитрахили, ожидая больных. Он не успевал, и потому некоторые из них оставались под открытым небом, на холоде по два и по три дня, за неимением кто бы о них позаботился, по отсутствию родственников и семейных. При виде этого и здоровые умирали со страха. На издержки по погребению приезжих купцы, по их обычаю, делали сбор... По недостатку гробов, за неимением кто бы привозил их из деревень, цена их, бывшая прежде меньше динара (рубля), стала семь динаров, да и за эту цену, наконец, нельзя было найти, так что стали делать для богатых гроба из досок, а бедных зарывали просто в платье.

Такое положение дел продолжалось с июля месяца почти до праздника Рождества, все усиливаясь и затем – благодарение Богу! – прекратилось. Многие из жителей городов бежали в поля и леса, но и из них мало кто остался в живых. Все это причиняло нам большое горе, печаль и уныние и великий страх, всему этому мы были свидетелями, проживая в верхних кельях. Мы видали, как выносили мертвыми, по несколько зараз, служителей епископии, которые жили в нижних кельях: не болея, не подвергаясь лихорадке, они внезапно падали мертвыми и раздувались. Поэтому мы никогда не осмеливались выходить из своих келий, но скрывались внутри их ночью и днем, ежечасно ожидая смерти, плача и рыдая о своем положении, не имея ни утешения, ни облегчения в чем бы то ни было, ни даже вина, чтобы прогнать от себя грусть и великий страх. Мы отчаивались за себя, ибо, живя среди города, видели все своими глазами. Но особенно наши товарищи, с нами бывшие, т. е. настоятели монастырей из греков, которые и без этого мора всегда трепетали за себя, теперь постоянно рыдали перед нами, надрывая нам сердца, и говорили: «Возьмите нас и бежим в поля прочь отсюда!» Мы отвечали им: «Куда бежать нам, бедным чужестранцам, среди этого народа, языка которого мы не знаем? Горе вам за ваши мысли! Куда нам бежать от лица Того, в руке Которого души всех людей? Разве в полях Он не пребывает и нет Его там? Разве он не видит беглецов? Без сомнения, мало у вас ума, невежды»... Мы испытывали постоянные страдания, трепет, страх и расстройство, но, по благодати Божией, были здоровы и невредимы. <...>

При въезде своем в город царь, увидев его положение, как моровая язва поколебала его основания, привела в смятение жителей и обезлюдилась большинство его домов и улиц, горько заплакал и сильно опечалился. Он отправлял вперед посланцев осведомляться у жителей об их положении, утешать их в смерти их близких и успокаивать. Когда он дошел до ворот крепости большого дворца, над коими возвышается громадная башня, высоко возведенная на прочных основаниях, где находились чудесные городские железные часы, знаменитые во всем свете по своей красоте и устройству и по громкому звуку своего большого колокола, который слышен был не только во всем городе, но и в окрестных деревнях, более чем на 10 верст, – на праздниках нынешнего Рождества, по зависти диавола, загорелись деревянные брусья, что внутри часов, и вся башня была охвачена пламенем вместе с часами, колоколами и всеми их принадлежностями, которые при падении разрушили своею тяжестью два свода из кирпича и камня, и эта удивительная редкостная вещь, восстановление которой в прежнем виде потребовало бы расхода более чем в 25 000 динаров на одних рабочих, была испорчена, – и когда взоры царя упали издали на эту прекрасную сгоревшую башню, коей украшения и флюгера были обезображены, и разнообразные, искусно высеченные из камня статуи обрушились, он пролил обильные слезы, ибо все эти события были испытанием от Творца – да будет возвеличено Его имя!

Новые деньги и Медный бунт, 1654–1662 годы Беляевский летописец, Григорий Котошихин

Тем временем выяснилось, что государственная казна вследствие затяжной войны с Польшей и Швецией опустела, поэтому в оборот ввели медные деньги, приравняв медь к серебру. В итоге это привело к финансовому кризису, поскольку медные деньги очень быстро обесценились.

Беляевский летописец сообщал:

О медных деньгах. В лето 7162 (1654) по государеву указу ради служивых людей деланы деньги медные. И от тех медных денег в Московском государстве великое воровство учинилось, и те медные деньги недороги стали, рубль серебряных купили в 15 руб., и в 17 руб., и в 20 руб. И неустроение в Московском государстве стало быть великое от тех медных денег, и дороговъ хлебная: ржи четверть (6 пудов) купили в 20 и больше, и бедных и маломощных нужда бе большая.

И видя неустроение, великий государь указал, и бояре приговорили медными деньгами не торговать. И откликали их во 171 (1663) году июня в 15 день, а деньги медные указал государь приносить в свою государеву казну. А за рубль медных (денег) указал государь брать по 10 (коп.) серебряных, а сроку в том дано на неделю. А будет кто принесет деньги после сроку, и те деньги указал государь брать без мены. И как теми деньгами торговать перестали, и была ржи четверть по четыре гривны (40 коп.), также и всякие товары подешевели.

Всего год спустя, когда Москву переполнили «воровские» (фальшивые) монеты, в городе вспыхнуло восстание, вошедшее в историю как Медный бунт. Его очевидцем был подьячий Посольского приказа Григорий Котошихин.

Да в то ж время делали деньги полтинники медные с ефимок, и крестьяне, увидев такие худые деланные деньги, неровные и смешанные, перестали в города возить сено и дрова и съестные запасы, и началась от тех денег на всякие товары дороговизна великая. А служилым людям царское жалованье давали полное, и они покупали всякие запасы и харчи и товары вдвое ценою, и от того у них в году жалованья не доставало, и скудость началась большая. Хотя о тех деньгах был указ жестокий и казни, чтоб для них товаров и запасов никаких ценою не повышали, однако на то не смотрели. И увидел царь, что в тех деньгах нет прибыли, а смута началась большая, и велел на Москве и в Новгороде, и во Пскове делать на дворах своих деньги медные, алтынники, грошевики, копейки, против старых серебряных копеек, и от тех денег меж крестьян была смута; а прежние деньги, и алтынники, и грошевики, велел царь принимать в казну и переделывать в мелкие копейки. И деланы после того деньги медные и мелкие, и ходили те мелкие деньги многое время с серебряными заодно; и возлюбили те деньги всем государством, что всякие люди их за товары принимали и выдавали. И в скором времени на Москве и в городах объявились в тех медных деньгах многие воровские, и людей хватали и пытали всячески, где они те деньги получали; и они в денежном воровстве не винулись, а сказывали, что от людей принимали, в деньгах не знаячи. И потом стали домышлять на денежных мастеров, и на серебряников, и на котельников, и на оловянщиков, и на иных, потому что до того времени, как еще медных денег не было, жили они небогатым обычаем, а при медных деньгах поставили себе дворы, каменные и деревянные, и платье себе и женам поделали с боярского обычая, также и в рядах всякие товары и сосуды серебряные и съестные запасы начали покупать дорогою ценою, не жалея денег, и их хватали, и воровские деньги у них вынимали; также и

в домах своих делали деньги в погребах, тайным обычаем, ночью, и у них те воровские деньги и чеканы, чем делали, вынимали, и их пытали. И с пыток те люди винулись и сказывали, что они денег своего дела выдали на всякие покупки немалое число, и чеканы продавали многим посадским, и попам и чернецам; и крестьянам, и нищим, и тех людей, кому продавали, указывали, а иных не знали; и тех людей, по их сказке, ловили и пытали, и они винулись, и кого казнили смертной казнью, а кому отсекали руки и прибавали у Денежных дворов на стенах, а дома их и имущество забирали в казну. А которые воры были люди богатые, они от своих бед откупались, давали на Москве посулы большие боярину, царскому тестю, Илье Даниловичу Милославскому, да думному дворянину Матюшкину, за которым была прежнего царя царица родная сестра. <...>

Также на Москве и в городах, на Денежных дворах, учинены были верные головы и целовальники для досмотра и приема и расхода меди и денег, из гостей и торговых людей, люди честные и пожиточные. Возмутил их разум диавол, что еще не совершенно богаты, и они покупали медь в Москве и в Свейском государстве, и привозили на Денежные дворы с царскою медью вместе, и велели делать деньги и свозили с Денежного двора с царскими деньгами вместе, и царские деньги в казну отдавали, а свои к себе отвозили. И на них о том доносили стрельцы, и денежные мастера, и те люди, кто видел, как отвозили; и по тем доносам тех людей всех пытали, и они винулись и сказывали с пыток, что со многих людей, воров, тесть его царской боярин, да думный дворянин, и дьяки и подьячие, имели посулы большие и от бед и от смертей избавляли... И тех дьяков и подьячих допрашивали порознь; и они о посулах винулись, что имели с боярином и думным человеком вместе. И на того боярина царь был долгое время гневен, а думного человека отставили прочь от Приказа, а казни им не учинили никакой; а дьякам, и подьячим, и головам, и целовальникам, и денежным вора учинили казни, отсекали руки и ноги и пальцы рук и от ног, и ссылали в ссылку в дальние города. И тех воров товарищи, видя, что тому боярину и думному человеку за их воровство не учинено ничего, умыслили написать на того боярина и на иных воровские листы, чем бы их известить и учинить в Москве смуту для грабежу домов, как и прежде сего бывало: будто те бояре ссылаются листами с польским королем, хотят Московское государство погубить и поддать польскому королю; и те воровские листы прибили в ночи, на многих местах по воротам и по стенам, а царь в то время был в походе, со всем своим домом, и с ним бояре и думные и ближние люди, в селе Коломенском, от Москвы 7 верст. И наутро всякого чину люди, идучи в город, те письма читали; и на площади у Лобного места, у рядов, стали те письма читать вслух. И собралось к тому месту всякого чину людей множество, и умыслили идти в город к царю и просить тех бояр, чтоб царь выдал их головою на убиение; и уведали, что царя в Москве нет, и, скопясь все вместе тысяч с пять, пошли к царю в поход, а из Москвы в то время бояре послали к царю с вестью, что на Москве учинилась смута и стали дома грабить. А в то время царь был в церкви у обедни, праздновали день рождения дочери царской; и увидел царь из церкви, что идут к нему в село и на двор многие люди, без ружья, с криком и с шумом; и велел царь тем боярам, которых люди у него спрашивали, сохраниться у царицы и у царевен, а сам стал дослушивать обедню; а царица, и царевичи, и царевны запершись сидели в хоробах в великом страхе и в боязни. И люди пришли, и били челом царю о сыске изменников, и просили у него тех бояр на убиение: и царь их уговаривал, чтоб они возвратились назад, а он как отслушает обедню, будет к Москве и в том деле учинит сыск и указ; и люди говорили царю и держали его за пуговицы: «Чемуде верить?», и царь обещался им Богом и дал им на своем слове руку, и один человек из тех людей с царем бил по рукам, и пошли к Москве все, а царь им за то не велел чинить ничего.

И послал царь к Москве ближнего своего боярина князя Ивана Ондреевича Хованского и велел на Москве уговаривать, чтоб смуты не чинили и домов ничьих не грабили... А в Москве в то время грабили дом одного гостя, Василия Шорина, которой собирал со всего Московского государства пятую часть денег; и сын того гостя, лет 15, устрасясь убийства, скинул с себя

доброе платье, надел крестьянское и побежал с Москвы в телеге, и те воры, которые грабили дворы, поймали его и повели в город и научили говорить, чтоб он сказывал, что отец его убежал в Польшу вчера с боярскими листами; и собралось воров больше 5000 человек, и пошли из Москвы с тем Шориновым сыном к царю в поход. А которых грабили отца его дом, тех послали бояре в приказ стрельцам и велели их сечь и ловить и водить с поличным в город, и наловили тех грабителей больше 200 человек; и от того унялся грабеж. А как те люди с Шориновым сыном из Москвы вышли, бояре Москву велели запереть по всем воротам кругом, чтоб никого не пускали в город и из города, и послали к царю стрельцов и надворный полк. И как те злые люди, которые от царя шли к Москве, встретились с теми людьми, которые шли к царю с Шориновым сыном, собрался вместе пошли к царю. <...>

Царь, видя их злой умысел и проведая, что стрельцы к нему на помощь в село пришли, закричал и велел стольникам, и стряпчим, и дворянам, и жильцам, и стрельцам, и людям боярским, которые при нем были, тех людей бить и рубить до смерти и живых ловить. И как их стали бить и сечь и ловить, а им было противиться нечем, потому что в руках у них не было ничего, начали бегать и топиться в Москве-реке, и потопилось их в реке больше 100 человек, а пересечено и переловлено больше 7000 человек, а иные разбежались. И того ж дня около села повесили со 150 человек, а остальным всем был указ, пытали и жгли, и по сыску за вину отсекали руки и ноги и у рук и у ног пальцы, а иных били кнутием и клали на лице на правой стороне признаки, розжегши железо докрасна, а поставлено на том железе «буки», то есть бунтовщик; и, чиня наказания, разослали всех в дальние города, в Казань, и в Астрахань, и на Терки, и в Сибирь на вечное житье, и после жен их и детей за ними разослали; а иным пушчим вора в ночи учинен был указ: завязав руки назад, посадили их в большие суда и потопили в Москве-реке. <...>

А были в том смятении люди торговые, и их дети, и рейтары, и хлебники, и мясники, и пирожники, и деревенские, и гуляющие, и боярские люди; а поляков и иных иноземцев, хотя на Москве множество живет, не сыскано в том деле ни единого человека, кроме русских. И на другой день приехал царь в Москву, и тех воров, которые грабили дома, велел повесить по всей Москве у ворот человек по 5 и по 4... И увидел царь, что в деньгах учинилось воровство великое и много кровопролития, а те медные деньги год от году дешевели, и в государстве с серебряными деньгами скудость, а на медные все дорого и многие помирали с голоду; и умыслил царь, чтоб еще чего меж людьми о деньгах не учинилось, и велел те медные деньги отставить и не торговать, и приносить те медные деньги в свою царскую казну, и за рубль медных денег положено было платить серебряными по 10 денег. <...>

А людей... казнено в те годы смертной казнью больше 7000 человек, да которым отсекали руки и ноги и чинено наказание, и сосланы в ссылки, и домов и имущества лишились, таких больше 15 000 человек, московских, и городских, и уездных много от того погибло честных и знатных и богатых людей.

Новоиерусалимский монастырь и патриарх Никон, 1660-е годы Августин Майерберг, Себастьян Главинич, Иоанн Шушерин

В 1652 году патриархом Московским и всея Руси был избран Никон, вокруг которого объединились сторонники «реформации» в Русской православной церкви. Церковный собор 1654 года одобрил реформу Никона, которая заключалась в частичном изменении обрядности: двуперстие заменялось троеперстием, земной поклон – поясным, вместо «Исус» полагалось писать «Иисус», а также менялись некоторые каноны и правила богослужения. Никон добился исправления церковных книг, старые церковные книги и иконы, как и иконы, написанные «не по-нашему», то есть по европейским образцам, подлежали уничтожению, а приверженцев старины (старообрядцев) предали анафеме и отлучили от церкви.

Однако стремление Никона вмешиваться в мирские дела изрядно раздражало царя, между владыками духовным и светским произошел разрыв, и Никон, отказавшись от патриаршества, удалился в Воскресенский монастырь на Истре – тот самый, который также известен под именем Новоиерусалимского.

А. Майерберг писал:

Было время, когда патриарх Никон, которого царь любил больше всех, казался у него всемогущим, но, свергнутый силою постигшей его судьбы придворных, уже шесть лет скрывается в построенном им монастыре, бросив всякую надежду на свое возвышение при дворе, но возвышаясь благоденствием духа. Этот монастырь называется (Новым) Иерусалимом и находится в 40 верстах от Москвы и только в 300 шагах от прежней обители.

Монастырь был основан в 1657 году в селе Воскресенском, которое Никон приобрел из «государевых земель». Причем в селе уже имелась, как сообщал на соборе 1666 года стольник Р. П. Боборыкин, «деревянная церковь во имя Воскресения Христова с приделами... а в той церкви была служба вседневная».

Спутник А. Майерберга капеллан С. Главинич также упомянул о Никоне и Новом Иерусалиме в своей записке.

Глава Русской церкви, патриарх Никон, сын протопопа, или архипресвитера, человек тонкий и по природе острого ума, хоть и не знает никакой другой письменности, кроме греческой, отведенной им в самой скромной доле, и вполне кирилловской, держит, однако ж, при себе сведущих в обоих языках людей из Греции.

Обыкновенное его пребывание в селе Иерусалиме, где он выстроил великолепный монастырь для себя и неподалеку тоже для монахинь в 8 немецких милях расстояния от Москвы. Этот город обыкновенное местопребывание других патриархов, но упомянутый Никон, уже больше 10 лет тому, изгнан оттуда по заговору, составленному против него придворною знатью. Некоторые сказывали ту причину, что он оказался первым зачинщиком войны, предпринятой против поляков; другие, что он главный виновник чеканки медных денег, из-за чего многих привел в бедность; а некоторые утверждали, что большой был охотник управлять царским двором единственно по своей только мысли.

Существует легенда, будто бы Новым Иерусалимом этот монастырь назвал сам царь Алексей. Автор «Известия о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона» о. Иоанн Шушерин, ученик Никона, писал:

И во оно время святейший Никон патриарх купил себе в Иверском монастыре село Воскресенское, от царствующего града четыредесять пять поприщ, у некоего Романа Боборыкина, в строение во Иверском монастыре, и начал многожды шествовать туда, соглядая села того, и абие пришла ему мысль, еже бы построить во оном месте монастырь, пришествия ради своего, дабы ему приходило в монастырь, а не в село.

И так, со благоволением великого государя, начал строить Воскресенский монастырь, лес секли и церковь строили и келии.

Когда же приспело время быть освящению церкви, тогда святейший патриарх призвал на освящение храма самого великого государя, и так благочестивый государь царь побывал в Воскресенском монастыре, возлюбил место оно и, отъехав мало, написал писание святейшему патриарху Никону своею рукою сие: «Яко благоволи Господь Бог исперва место сие предуготовать на создание монастыря; понеже прекрасно, подобно Иерусалиму».

Святейший же патриарх Никон, получив писание оно с радостью, и положил его в среброкованном ковчежце под святым Престолом, и повелел по царскому писанию званием именоваться Воскресенский монастырь Нового Иерусалима.

По сем послал в Палестину, во святой град Иерусалим Живоначальной Троицы Сергиева монастыря келаря старца Арсения Суханова, дабы ему воспрять (подобие) с Иерусалимской великой церкви Святого Воскресения, кою церковь создала во Иерусалиме исперва благоверная и Христолюбивая святая царица Елена, мати святого царя Константина; той же келарь вскоре во Иерусалим шествие сотворил и повеленное исполнил.

Святейший же Никон патриарх повелел в Воскресенском монастыре, со оного подобия Иерусалимской церкви, святую церковь созидать великую зело и пространную, каковой церкви во всей России и во окрестных государствах в настоящем времени нигде не обретается, ибо и оная Иерусалимская святая церковь от озлобления турок во многих местах разорена бысть, и иными неправославными верами по своим обычаям исперпорчена; и тако блаженный строил оную церковь.

Известно, что в 1649 году константинопольский патриарх Паисий подарил Никону модель Иерусалимского храма, выполненную из кипариса и инкрустированную перламутром. В том же году в Иерусалим был послан старец Суханов за описанием и обмерами святыни. По его возвращении и началось осуществление грандиозного замысла Никона. При этом Никон не стеснялся «улучшить» оригинал, о чем свидетельствует, например, надпись на стене Ново-иерусалимского собора: «...в самом углу Иерусалимского Храма церковь Пресвятой Богородицы невелика и темна и низка... zde же, на том месте, церковь Пресвятой Богородицы, нарицаемая Успения, изряднейшая и светлейшая и пространная, яко же зрится всеми».

На соборе 1666 года, лишившем Никона патриаршего сана и отправившем его в ссылку, в числе прочих обвинений опальному патриарху предъявили и следующее: что он самовольно присвоил Воскресенскому монастырю имя «Новый Иерусалим». Вопреки утверждению о. Иоанна Шушерина и стихотворной «летописи» Новоиерусалимского монастыря (любопытно, что последняя приписывает царю Алексею не только наименование монастыря, но и установку «Елеонского креста» на месте, где произошло наречение), это обвинение ныне считается обоснованным: царь лишь согласился – в письме – на такое наименование обители.

Коломенское и Измайлово, 1670-е годы **Повседневные записки, Симеон Полоцкий, Ян Гнинский и Киприан Бжостовский, Иван Кондратьев**

Михаил Романов построил в Коломенском летний дворец, возобновляя, как сказано в исследовании XIX столетия, «жилища русских царей в столице и дворцовые села, разоренные поляками и Самозванцем». В 1638 году в этом дворце он устроил угощение для ближних бояр, а под конец жизни повелел построить близ дворца церковь во имя Казанской Богоматери. Алексей Михайлович же превратил Коломенское в блестящую царскую резиденцию – с Государевым двором, Теремным дворцом и другими постройками.

О ходе строительства Теремного дворца сообщается в Повседневных записках – краткой летописи правления русских царей.

(В 1668 году) окна и двери резные и в теремах стены, и на теремах чешуи и подзоры и всякие рези по царскому указу велено было золотить, а в иных местах писать разными цветными красками... (В 1670 году) над золочеными резными окошками, в корунах, государь велел написать образ Живоначальной Троицы и иные образа самым добрым письмом, да на хороммах, на шатрах и на бочках чешую выкрасить зеленью. <...>

Наставник царских детей Симеон Полоцкий сочинил стихотворение по случаю окончания строительства дворца.

Видя в дом новый ваше вселение,
в дом, иже миру есть удивление,
В дом зело красный, прехитро созданный,
честности царской лепо сготованный.
Красоту его можно есть равняти
Соломоновой прекрасной полате.
Аще же древо zde не есть кедрово,
Но стоит за кедр, истино то слово;
А злато везде пресветло блистает,
царский дом быти лепота являет.
Написания егда возглядаю,
много историй чудных познаваю...
Окна, яко звезд лик в небе сияет,
драгая слюдва, что серебро, блистает...
Дом Соломонов тем славен без меры,
Яко ваанны име в себе зверы...
Единым словом, дом есть совершенный,
царю велику достойно строенный;
По царской чести и дом зело честный,
несть лучше его, разве дом небесный.
Седьм дивных вещей древний мир читаше,
осьмый див сей дом время имат наше.

Государевым двором и дворцом в Коломенском восхищались и иностранцы. Так, курляндский дворянин Я. Рейтенфельс писал: «...Коломенский загородный дворец, кроме прочих укра-

шений, представляет достойнейший обозрения род постройки, хотя и деревянной, так что весь он кажется точно только что вынутым из лапца, благодаря удивительным образом искусно исполненным резным украшениям, блистающим позолотою». Польские же послы, побывавшие в Москве в 1671 году, доносили своему королю:

В начале церковь каменная с притворами по обе стороны, в которых окна; к церкви от хором переходы досками обиты полчетверти аршина ширины, мосты войлоками постланы для тепла и мягкого хождения. На подворье перед хорами ворота толстые дубовые, такие толстые, как дуб уродился, резные, хотя и неглубоко вырезаны, достаточно пригожие... Хоромы все деревянные, плотнической работой довольно доброй построены в начале житья его царского величества; против них четырехугольная о шести теремах башня, и так крепко дерево и замки угольные связаны, что обвалиться нет опасности, и во всяком тереме пригожие беседки; передние сени с теремом восьмигранные, в которых зодиак выписан, потом двое хором царского величества с лавками и печами довольно пригожими, около окон столярной работой рези изрядные, оконницы слюдяные довольно хороши, изба для бояр, из последних хором выход в комнату сделан. <...>

Крыльцо перед хорами царицы государыни на тридцать локтей длины, по обе стороны все окна; перед хорами царицы... дорогою по черте с перспективы двери в окошках сделаны и иным хором несчетное число. <...>

Щиты над хорами его царского величества круглые, на которых Европа, Африка, Азия написаны. Над входами суд Соломонов написан; перед сенями выставка из окон дутая писана с гербами государей и государств. <...>

В том же месте, около той Москвы-реки сенокосы едва оком окинуть можно, по которым, когда разольется река, множество птиц, каковыми его царское величество тешится и соколов на птиц пускает – поле к потехе весьма угодно. <...>

Столовая изба на боку в том же дворе с особыми своими сенями и с главою, в ней стол с одного угла изрядно писан. <...>

Немногим реже, чем в Коломенском, царь Алексей бывал в Измайлове, подмосковной вотчине рода Романовых, где, как сообщал Я. Рейтенфельс, был «знаменитый обширный сад с четырьмя высочайшими, широко раскрытыми воротами, со многими извивающимися дорожками. В расстоянии приблизительно полумили от него находится богатейший зверинец или, лучше сказать, лес, обнесенный забором и наполненный стадами разных животных, а близ него – изящное здание для приготовления лекарств с садом врачебных растений».

В 1671 году в Измайлове началось строительство Покровского собора, который артель каменщиков обязалась «сделать... против образца соборной церкви что в Александровой слободе без подклетов длиною меж стен девять сажень поперечнику тож...» Также в Измайлове построили Мостовую башню (колокольню).

Историк Москвы И. К. Кондратьев писал об Измайлове XVII столетия:

Измайлово состояло из села и дворцовых зданий с двумя каменными церквями и старого зверинца, с остатками садов, прудов и мельниц. Дворцовые каменные здания находились между селом и зверинцем на острове, окруженном прудами и речкой Серебровкой. Покои были в одно жилье, маленькие, низкие, со сводами, но в них помешалось до 3 тысяч придворных служителей. На северной части дворца были поварни, медоварни, винный завод, приспешни с высокими дымовыми трубами и запасные погреба, где хранились продукты и разные напитки. На южной стороне стены дворца были огромные хоромы из брусьев с теремами. Дворец примыкал к двухэтажной дворцовой церкви Св. Иоасафа, царевича индийского. Церковь эта была построена в 1679 году царем Федором Алексеевичем и разбита громом, ударившим в ее главу

в 1780 году. Церковь Покрова Божьей Матери существовала в Измайлове на речке Ропке еще в 1644 году. Тогда, вероятно, она была деревянная. Настоящий соборный храм начат постройкой при царе Алексее Михайловиче и окончен при сыне его царе Федоре Алексеевиче. С годами он пришел в ветхость и потому возобновлен в древнем вкусе и освящен в 1850 году.

Вдобавок Измайлово служило своего рода «опытным хозяйством», где выращивали лен, виноград, огурцы, дыни, арбузы, миндаль, перец, кизил, различные лекарственные травы и тутовое дерево. Теплолюбивые растения выращивали в теплицах, крытых слюдой и отапливаемых печами.

Театр в Москве, 1670-е годы Якоб Рейтенфельс

В конце правления Алексея Михайловича в Москве был поставлен первый театральный спектакль. Якоб Рейтенфельс писал:

Не только далекое расстояние меж странами, но и образ мыслей, и общественные законы до настоящего времени препятствовали тому, чтобы нравы московитов стали одинаковыми с нравами чужеземцев. Поэтому их государи не допускали, даже для самих себя, принятые в других странах развлечения в царской жизни от забот и, конечно, подавали пример к сему и подданным. Из домашних забав они, главным образом, занимаются охотой, привыкнув весело ловить диких зверей в лесах посредством облавы, или по усердному гону ученых псов, или посредством быстрого полета сокола, или, наконец, выстрелом из фузеи или лука. Алексей же, если и отправляется иногда куда-нибудь за город исключительно ради отдыха душевного, предпочитает пребывание в саду за городом – у него имеется таковой, громадных размеров и, принимая во внимание суровый климат страны, довольно пышный, – или в какой-либо царской вотчине. Он же разрешил несколько лет тому назад иностранцам, проживающим в Москве, дать ему театральное представление, состоящее из пляски и «Истории» об Агасфере и Есфири, драматически обработанной. Дело в том, что, наслышавшись от многих послов, что перед европейскими государями часто даются театральные представления с хорами и иные развлечения ради препровождения времени и рассеяния скуки, он как-то неожиданно приказал представить ему образчик сего в виде какой-нибудь французской пляски. Поэтому, вследствие недостатка времени, в одну неделю, со всевозможной поспешностью, было приготовлено все нужное для хора. Во всяком другом месте, кроме Москвы, необходимо было бы просить пред началом у зрителей снисхождения к плохому устройству, но русским и это казалось чем-то необыкновенно художественным, так как все – и новые невиданные одежды, незнакомый вид сцены, самое, наконец, слово «иноземное», и стройные переливы музыки – без труда возбуждало удивление. Сперва, правда, царь не хотел было разрешить музыки, как нечто совершенно новое и, некоторым образом, языческое, но когда ему поставили на вид, что без музыки нельзя устроить хора, как танцовщикам нельзя плясать без ног, то он несколько неохотно предоставил все на усмотрение самих актеров. На самое представление царь смотрел, сидя перед сценой на кресле, царица с детьми – сквозь решетку или, вернее, сквозь щели особого, досками отгороженного помещения, а вельможи (из остальных никто более не был допущен) стояли на самой сцене. <...>

В этот же день, субботу на масленице, царь устроил также на Москве-реке, покрытой льдом, травлю, в которой боролись между собой громадные, английские и других пород, собаки с белыми медведями из страны самоедов. Зрелище было крайне забавное, так как и те и другие часто не могли удержаться на ногах на сем скользком помосте. Вечером же царь ходил туда же смотреть на летающие потешные огни.

Казнь Степана Разина, 1671 год **Анонимное сообщение**

В 1667 году на Дону начал «гулять» казацкий атаман Степан Разин, сумевший впоследствии собрать многочисленное войско и

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.